

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
Институт иностранных языков
Кафедра немецкой филологии

ГРАММАТИКА

В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Материалы научных чтений
памяти проф. Л. В. Шишковой

**Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
Институт иностранных языков
Кафедра немецкой филологии**

**ГРАММАТИКА
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Материалы научных чтений памяти
проф. Л. В. Шишковой**

**Санкт-Петербург
2017**

УДК 811.112
ББК 81.2Нем-2
Г 76

Печатается по рекомендации Ученого совета Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена

Редакторы:

доктор филологических наук, профессор Л. Б. Копчук
(ответственный редактор);
кандидат филологических наук, доцент Т. Ю. Смирнова;
кандидат филологических наук, доцент И. В. Богуславская

Г 76 Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой: сб. статей / отв. ред. проф. Л. Б. Копчук. — СПб.: Свое издательство, 2017. — 160 с.

ISBN 978-5-4386-1311-4

В сборнике представлены материалы Научных чтений, прошедших на кафедре немецкой филологии Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена 11 марта 2016 года и посвященных памяти замечательного ученого и педагога, доктора филологических наук, профессора Ларисы Васильевны Шишковой (1926–2009). Вниманию читателей предлагаются очерки жизненного и научного пути Ларисы Васильевны, воспоминания о ней, дающие представление о круге ее дружеского общения. В статьях коллег и учеников развиваются высказанные Ларисой Васильевной идеи и положения, отражающие разнообразие ее научных интересов в области грамматических исследований.

Книга рассчитана как на специалистов в области теории грамматики немецкого языка, так и на широкую аудиторию студентов-германистов.

ISBN 978-5-4386-1311-4

УДК 811.112
ББК 81.2Нем-2

© Коллектив авторов, 2017

**Лариса Васильевна Шишкова
(1926–2009)**

ЧАСТЬ I (AD MEMORIAM)

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА ШИШКОВА — УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Настоящий сборник посвящен памяти замечательного ученого и педагога, профессора, доктора филологических наук Ларисы Васильевны Шишковой (1926–2009) и включает материалы научных чтений, организованных кафедрой немецкой филологии РГПУ им. А. И. Герцена в честь ее 90-летия в марте 2016 года.

52 года жизни Ларисы Васильевны были связаны с факультетом иностранных языков и кафедрой германской филологии РГПУ (ЛГПИ) им. А. И. Герцена. Начав свой педагогический путь с должности старшего преподавателя кафедры германской филологии, Лариса Васильевна на протяжении многих лет являлась одним из ведущих преподавателей кафедры. Она блестяще читала студентам и аспирантам лекционные курсы и спецкурсы по истории немецкого языка, по проблемам морфологии и синтаксиса, неизменно сочетая в своей работе профессиональный подход педагога и ученого.

Специалист высочайшего уровня в области истории и теории немецкого языка, хранитель и продолжатель лучших научных и педагогических традиций кафедры германской филологии и петербургской германистики, автор более 60 научных и учебно-методических трудов по проблемам системного и коммуникативно-прагматического аспектов языковой структуры, Лариса Васильевна всегда была открыта новым идеям и поддерживала своих учеников в их начинаниях.

Ларису Васильевну хорошо знают и помнят студенты и аспиранты многих поколений. Под ее чутким и опытным руководством подготовлено более 35 кандидатов филологических наук, которые в настоящее время успешно ведут педагогическую и научную работу, занимают административные должности в разных городах России. Лекции Ларисы Васильевны по теоретическим дисциплинам высоко ценились не только студентами, но и

преподавателями — слушателями ФПК (Факультета повышения квалификации). Ею подготовлены учебные пособия по фонетике, морфологии и синтаксису немецкого языка, и сейчас используются в учебном процессе.

Ее принципиальность, острый ум, умение решать сложные профессиональные проблемы снискали ей глубокое уважение преподавателей, студентов и аспирантов.

Широкий круг ее научных интересов и дружеского общения нашел свое отражение в представленных в сборнике воспоминаниях и статьях, написанных коллегами и учениками, а биографический очерк позволяет увидеть непростой путь становления истинного ученого — Ларисы Васильевны Шишковой.

Л. Б. Копчук, Т. Ю. Смирнова

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАРИСЕ ВАСИЛЬЕВНЕ

Как известно, жизнь ученого продолжается в его трудах, в достижениях его учеников, в развитии его идей.

Жизнь Учителя, коллеги, друга продолжается в памяти близких ему людей. Память — мозаичная картина, состоящая из впечатлений от встреч, отзвуков бесед, воспоминаний о шутках, улыбке, голосе...

К сожалению, не все бывшие коллеги и ученики Ларисы Васильевны смогли приехать на встречу в марте 2016 года, но их воспоминания, зачитанные во время Памятного заседания, их задушевные слова произвели на присутствующих неизгладимое впечатление.

С разрешения авторов — бывших коллег, аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации — мы публикуем эти воспоминания, храня живой образ незаурядного человека и учителя ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ШИШКОВОЙ (мы сохранили стиль, орфографию и пунктуацию авторов воспоминаний).

* * *

Незабываемые годы учёбы в аспирантуре (1972–1975) я с волнением осознаю как неслыханную милость, дарованную мне судьбой. Я в сердце содержу дорогие имена учёных и педагогов заслуженного коллектива кафедры германской филологии, сформировавшие меня: Анатолия Ивановича Домашнева (заведующего кафедрой и моего научного руководителя), Ларисы Васильевны Шишковой, Инны Павловны Шишкиной, Николая Михайловича Александрова, Анны Михайловны Куслик, Ирины Петровны Парамоновой.

Позвольте выразить благодарность за предоставление мне возможности поделиться словами памяти, посвященные Ларисе Васильевне Шишковой.

Лариса Васильевна Шишкова вложила много душевной энергии в моё становление как преподавателя вуза. Она была прирождённым учёным-педагогом с острым глазом, глубоким вниманием и умением делать выводы.

Лариса Васильевна — одна из редкостных людей в моей жизни, обладавшая даром внимательного слушания и вникания в любую ситуацию.

Всегда подкупали её деятельная любовь к людям, уважение к ценностям, её зоркость и сознание долга.

Проявляя порой железную твердость, она оставалась женщиной удивительной мягкости и доброты.

У Ларисы Васильевны был прекрасный слух на человеческую речь, на ее социальное звучание, на ее смысл.

Она поражала своей способностью удивляться и реагировать на слова.

Всегда достойно восхищения было увиденное её глазами, услышанное её ушами, взвешенное на её весах.

Светлая память!

Помазан Нина Григорьевна, Военная академия Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого (филиал в г. Серпухове Московской обл.)

* * *

Э П И З О Д Ы

«Невольным образом в этом рассказе замешивается и собственная моя личность; прошу не обращать на неё внимания. ...Одним словом, всё сдаю вам, как вылилось на бумагу.»

И. И. Пущин. «Записки о Пушкине»

«Имя твоё — птица в руке,

Имя твоё — льдинка на языке»...

— признавался один известный поэт¹ другому знаменитому поэту. Вот и я — задумчиво и медленно — смакую на языке: «Л-а-р-и-с-а-В-а-с-и-л-ь-е-в-н-а-Ш-и-ш-к-о-в-а», получаю удовольствие от звучания, но чувствую, что-то здесь не вполне соответствует моей мысли. Прикидываю так и этак и понимаю:

¹ Цветаева не принимала слова «поэтесса», улавливая в нём какой-то уничижительный оттенок, и, если кто-нибудь её так называл, всегда поправляла говорившего

надо действовать наоборот, так, как это было принято в советское время в официальных бумагах, по принципу «ФИО», т. е. «Ш-и-ш-к-о-в-а-Л-а-р-и-с-а-В-а-с-и-л-ь-е-в-н-а». В чем же дело? А вот в чем: именно это звучание передает смысл и историю моих взаимоотношений с этим удивительным человеком.

В своё время А. А. Любичев, один из выдающихся наших учёных, очень приветствовал укоренившуюся испокон веку российскую привычку давать подзатыльники нерадивым или туповатым ученикам, поскольку, как он утверждал, энергия, в том числе и ментальная, значительно возрастает при встряхивании. Получая подзатыльник, человек одновременно получает заряд энергии, невольно встряхивает головой, ускоряет шаг или чаще даже быстро делает несколько шагов вперед, — всё это интенсифицирует работу его мозга.

Аналогичным образом обстояло дело и у меня с Ларисой Васильевой. Её имя — это не просто имя, но очень упрощённая схема наших отношений. Два раза — глухой шипящий «ш», напоминающий езду по грунтовой дороге дождливой осенью — ухаб! И снова ухаб! Невольно неуклюже взлетаешь, проваливаешься в какую-нибудь наполненную водой яму — «и» — и снова тебя подбрасывает — «ш»! Не успеешь очухаться, не успеешь ощупать свои сочленения, чтоб убедиться в их сохранности, а тут смычный глухой коварный «к», опять яма — «о», а потом взрывной звонкий торжествующе-завершающий удар «в», и только после этого — небольшой передых. Вот так и получаешь фигуральные подзатыльники за незнание, недостаточную подготовку, неуклюжие формулировки, дурацкие вопросы, проваливаешься от стыда в какие-то грязные ямы, высказываешь впопыхах сырые предположения, за которые снова получаешь вербальные колотушки, вздёргивающие тебя на вертел отчаяния за собственное тупоумие (перед мысленным взором всплывают образы Босха).

Но вот из аббревиатуры «ФИО» кончается первое «Ф», в имени постепенно глухнет «в», и на волне «а», на лёгком покачивании ты попадаешь вдруг на высокую и тёплую волну с белой пенной кромкой, которая мягко подхватывает и несёт, не давая испугаться, к берегу — «Лллл-аа-р-и-и-и-сссс-а» (прямо-таки — О, Таласса!!!) — какие бережные, звучные, ласкающие переливы!

Это время мощного морского прилива, и вот, наконец, «В-В» — тебя слегка подкидывает и выносит на песок, и ты лежишь как будто обессиленный, но над тобой, приподнимая тебя, продолжает плескаться «а-с-с-и-л-л-ь-е-е-в-», и ты физически ощущаешь, как твоя статическая энергия начинает перерождаться в кинетическую, вот ты уже наполнен ею до отказа, ты вскакиваешь, и, прыгая и размахивая руками во все стороны от переизбытка чувств, начинаешь кричать, не помня себя от счастья: «Я мог-у-у-у! Я сделаю это!», и где-то из последнего слога «ннн-а-а-а» извлекаешь нечто, напоминающее отзвук благословения, одаривающего тебя поддержкой, когда ты пускаешься в дальний путь.

Имея несчастье испытывать честолюбие всегдашней отличницы, все перипетии первого года обучения переживались мною особенно остро, и, должно быть, только молодость спасала от депрессивных состояний. Я не могла ничего написать, хотя все опытные люди из общежития говорили, что это необходимо, что нужно писать и писать и... Да и Лариса Васильевна тоже настаивала на этом, но когда я приносила ей что-нибудь, рождённое в больших муках, она, просматривая, замечала мимоходом: плохо, это непонятно, это повторение, это неточно, это надо переделать, это плохой стиль, и дальше в том же духе. Иногда, упёршись, я писала всё это снова по 4-5 раз, но каждый раз находились новые плохие места и новые огрехи, и всё начиналось сначала. Кроме того, меня одолевал страх при мысли, как я буду что-то писать, когда ещё не проштудировала и половину той литературы, которую внесла в свою библиографию, и вдруг окажется, что кто-то уже писал те же вещи, которые намереваюсь написать я, и всё это будет восприниматься как плагиат. Думаю, в конце концов, Лариса Васильевна поняла, что меня не сдвинуть с каких-то мне одной известных позиций, и, если и не поставила на мне крест, то, по крайней мере, оставила в покое. Вот и получилось, что первой среди её аспирантов (после её докторской), вышедших на защиту, стала Валя Колесникова из Кемерово, а не я, как предполагалось раньше.

Весь второй год аспирантуры прошёл именно в езде по ухабам: вдруг тебя подкинет вверх какая-то кажущаяся толковой мысль, и ты радостно несёшься в Публичку, и на всём про-

тяжении от Мойки до Садовой нет человека счастливее тебя, но вот ты берёшь заказанные с вечера монографии, раскрываешь, и буквально сразу натыкаешься на то, что ещё несколько минут назад казалось тебе невероятно удачной находкой, ключом к дальнейшим построениям и пр. Это повторялось так часто, что мне пришлось научиться утешать себя мыслью о том, что подобным «совпадениям» следует радоваться, потому что они указывают лишь на правильность твоего пути: раз умные люди пишут то, что приходит тебе в голову без их вмешательства, значит, твой мозг работает хорошо и продуктивно, и, значит, когда-нибудь ты тоже дойдёшь до той точки, до которой ещё никто не добирался.

Хоть самой мне в это верилось с трудом, всё же настал такой момент, когда Лариса Васильевна, прочитав что-то, принесённое мной в качестве статьи, не отринула все эти бумажки, не надавала мне словесных тумачков, а очень серьёзно указала на некоторые неточности, и, велев их поправить, разрешила мне действовать дальше, т.е. готовить текст к печати. Если это слышат люди, проходившие через аспирантуру в то же время, они помнят, каких усилий стоило это «дальше».

В этот же период Лариса Васильевна начала меня **замечать** и даже **при**-вечать. Как-то мы встретились в Институте языкознания (тогда ещё на набережной), куда я ходила на лекции разного рода и аспирантские семинары, а она пришла по своим делам, и, увидев меня, воскликнула с ходу: «Валя, как Вы авантажно выглядите!», доставив мне этим удовольствие на всю оставшуюся жизнь. После удачно пройденной предзащиты в разного рода разговорах она неоднократно давала мне понять, что ценит некоторые, не только профессиональные, но и чисто личные черты моего характера, и облекала это в такие слова, которые я до сих пор свято храню в душе и которые частенько служили и служат мне моральной опорой в жизни.

С удовольствием вспоминаю также, как, приехав в Питер на защиту, я отправилась за отзывом к своему первому оппоненту — Владимиру Михайловичу Павлову, предварительно созволившись с Ларисой Васильевной и получив от неё наказ немедленно идти к ней после свидания с В. М. Оба они жили на Ма-

лой Охте, недалеко друг от друга, и это расстояние я пролетела незаметно для себя, окрылённая разговором с В.М. Лариса Васильевна ждала меня, схватила отзыв, быстро пробежала его глазами и, откинувшись на спинку любимого кресла, воззрилась на меня с явно читающимся изумлением: «Как же это Вам удалось получить такой блестящий отзыв?!» Вот сейчас, когда я это пишу, вдруг возникла мысль: было ли это действительно удивлением, или, может, попыткой приподнять человека в его собственных глазах и тем самым приободрить для дальнейших «подвигов», или некоей игрой, потому что и самым серьёзным руководителям тоже необходимо когда-нибудь расслабиться, а что расслабляет лучше, чем игра?

Но самым потрясающим моментом для меня была даже не сама защита, а то, что, по ритуалу, должно было её увенчивать. Дело в том, что я защищалась в марте 1980 г. (председатель КГБ — Андропов), когда, по слухам, устраивать всяческие застолья по поводу событий, связанных с работой и т. п., стало опасно, поговаривали, что есть фискалы, которые присутствуют в ресторанах, наблюдают за пирующими, а потом может появиться какой-нибудь документ, ставящий под сомнение твою честность, грозящий тебе разными разбирательствами и т. д. В этой связи я высказала свои опасения Ларисе Васильевне, очень осторожно, поскольку, отлично зная её непредсказуемость, не могла даже и предположить, как она в целом посмотрит на эту ситуацию, скажет, например, что вообще ничего устраивать не надо, защищайтесь спокойно и уезжайте. И вот тут она меня поразила. «Вы можете устроить праздник у меня, я Вам предоставляю свою квартиру!» — молвила она. Я не верила своим ушам.

Всё получилось превосходно, гораздо лучше, чем я могла ожидать. На моё счастье, в гостях у Ларисы Васильевны находилась её старшая сестра Нина Васильевна — как оказалось, первоклассный кулинар, и она в мою честь испекла вкуснейшие пироги, а я, накупив всяких изысков в Елисейской доменной кухне, прямо на их подносах, которыми они меня ссудили под честное слово, привезла всё это на Охту. В этих хлопотах и волнениях голова у меня совсем пошла кругом, и накануне защиты, усевшись в метро на скамейку и желая проверить ещё одно место в тексте, я,

поторопившись к поезду, оставила часть рукописи на этой же скамейке. Приехав в общежитие и обнаружив пропажу, часть ночи я провела в её поисках и дальнейшем вызволении. Всё вместе взятое настолько занимало моё время и мысли, что на волнение перед выступлением на Учёном совете уже не оставалось никаких сил.

После удачно состоявшейся защиты мы тронулись к Ларисе Васильевне. Конечно, это были обе хозяйки дома, мои глубокоуважаемые оппоненты — Владимир Михайлович и Кира Петровна Акулова, мои хорошие знакомые из общежития, а из ближайших друзей в это время в Питере оказалась Нина Помазан, умный и надёжнейший товарищ, с которым приятно было вспомнить «битвы, в которых рубились они». Битвами были семинары по истории языка, проходившие у всех аспирантов под руководством Ларисы Васильевны. Побывав ещё до аспирантуры на ФПК в Горьком (ныне снова Нижний Новгород), я сдала там кандидатский минимум по готскому языку, но, руководствуясь русской мудростью о том, что повторение — мать учения, решила пройти курс снова. И правильно сделала. Эти семинары (сиречь Лариса Васильевна) дали мне чрезвычайно много, и то же самое единогласно признавали и другие слушатели разных лет обучения. Вернувшись домой, я все годы читала курс истории языка, непрерывно его совершенствуя, и, наконец, достигнув уже довольно высокой планки, поняла, что вот настало время, когда я хотела бы, чтобы Лариса Васильевна посетила мои занятия. Вообще, в течение всей моей преподавательской деятельности я всегда спрашивала себя, было бы мне стыдно или, наоборот, чрезвычайно приятно, если б Лариса Васильевна сидела в аудитории. Мне, как кажется, вполне достаёт самокритичности, поэтому, когда я ловила себя на желании быть услышанной и увиденной ею, я понимала, что результат получился добротным. Она стала для меня моим внутренним мерилом для оценки качества своей работы, моей профессиональной совестью.

В наступивший 80-летний юбилей Ларисы Васильевны Слава (мой муж) предложил подарить ей небольшое путешествие в Старую Ладугу. Сказано — сделано. Как по заказу, выдалось несколько замечательных дней, по-летнему тёплых и завораживающих. И вот, разместившись в местной гостинице, мы прове-

ли эти дни вчетвером: Лариса Васильевна, мы с мужем и наш мохнатый «сыночек» — немецкая овчарка по прозвищу «Крокодил». Ларису Васильевну восхищали кулинарные способности Славы, демонстрировавшего их с помощью привезённого с собой аэрогриля. Дни дарили нам восторги от многочисленных староладожских достопримечательностей и длительных прогулок, а вечера заполнялись интереснейшими беседами за бокалом сухого вина. Лариса Васильевна подружилась и со Славой, и с нашим Крокодилом, а они оба оказывали ей все знаки внимания, на какие только были способны. Мне казалось, что она себя хорошо чувствует и наслаждается этим кратковременным отдыхом. Я же была счастлива оттого, что нахожусь в её обществе и могу хоть как-то выразить ей свою сердечную благодарность. К сожалению, всё хорошее быстро заканчивается.

Скоро будет 8 лет, как она покинула нас. Я часто её вспоминаю, часто думаю о ней. Она — очень большая и важная часть моего жизненного пути. Всегда вижу её в её гостиной, в любимом кресле, где она — большая модница! — сидит, закинув ногу на ногу, в каком-нибудь новом туалете, часто с разрезами по низу юбки, и, откинувшись на спинку, глядя в упор сквозь очки, задаёт вопросы в своей неординарной манере и с неординарными интонациями, делится своими наблюдениями, высказывает новые мысли, смеётся, шутит... Она всегда со мной, всегда жива...

Остаётся лишь присоединиться к Жуковскому, тонко выразившему волнующую нас мысль:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностью: *были*.

Двинская Валентина Тадэушевна, доцент Карельского института туризма

* * *

Мы помним Ларису Васильевну Шишкову, которая была для нас живой легендой. На лекциях она просто и очень доходчиво объясняла сложный материал. Мы восхищались её глубокими знаниями по предмету и проницательным умом. Она была учени-

цей самого Виктора Максимовича Жирмунского! Кое-что она нам о нем рассказывала. Мы ловили каждое её слово. Нам, приехавшим из глубокой провинции, казалось, что она из другой жизни.

А ещё мы запомнили её как очень интеллигентную женщину, которая никогда не путала имен аспирантов, обучающихся у неё. Более того, она интересовалась нашими городами, семьями, нашими научными интересами, ценила в каждом аспиранте личность. Многие её замечания, ходили как крылатые фразы, они и сегодня звучат актуально. «Никогда не нужно учиться, когда ты смертельно устал. Не нужно себя насиловать, лучше сделать перерыв, покататься на лыжах, целый день ничего не делать, а может быть и больше. А потом у Вас откроется второе дыхание и решатся все проблемы». «Если вы приехали на курсы повышения квалификации в наш город и просто сходили здесь в кино — Вы уже повысили свою квалификацию!»

При обсуждении диссертаций у Ларисы Васильевны всегда были вопросы, она нас просто поражала своим умением разглядеть то, чего не было видно на первый взгляд. Она обучала нас даже постановкой вопроса. Лариса Васильевна шутила, что её на кафедре до сих пор держат потому, что она умеет задавать вопросы. Это она говорила в 1983 году.

Многие побаивались Ларису Васильевну, она была остра на язык, а мы её очень уважали и любили.

К моим словам присоединяются Комиссарова Людмила Викторовна, канд. филол. наук, доцент, выпускница 1977 г., и Соколова Лариса Ильинична, канд. филол. наук, доцент, выпускница 1977 г. ныне пенсионеры.

Мы все шлем привет любимой кафедре и желаем её преподавателям творчества, плодотворного труда и отличного здоровья.

От имени бывших аспирантов-иркутян

Меркурьева Вера Брониславовна, профессор кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета

* * *

Однажды при встрече Лариса Васильевна сказала: «Аспиранты... Они же мои дети».

Мне посчастливилось войти в эту аспирантскую семью, во главе которой много лет была Лариса Васильевна. Первое знакомство с Ларисой Васильевной состоялось 36 лет тому назад на курсах повышения квалификации (ФПК), 1 февраля 1980 года, где я училась в течение 4 месяцев. Мне в ту пору было 26 лет. Курс теоретической грамматики читала Лариса Васильевна. О сложных вещах она умела говорить очень легко, просто, доступно, и, вместе с тем, захватывающе. Выбор темы реферата моей выпускной работы выпал на теоретическую грамматику. Через год я держала уступительные экзамены в аспирантуру, и научным руководителем была назначена профессор, доктор филологических наук Лариса Васильевна Шишкова. Она была удивительным, доброжелательным человеком. Каждая встреча с нею, консультации по работе, наполняли душу особым теплом. Часто на консультации Лариса Васильевна приглашала к себе домой, на Шепетовскую улицу. В этом доме всегда было удивительно уютно и тепло. Консультируя, она часто задумывалась, размышляла вслух, пыталась вывести на диалог по теме исследования, очень бережно относилась к суждениям, предположениям и гипотезам, выдвигаемым Аспирантом. За время учебы, общения у нас сложились очень добрые отношения. Лариса Васильевна часто говорила: «Танечка, мне с Вами очень спокойно и уютно».

Лариса Васильевна всегда была в курсе событий жизни своих питомцев. Очень многие фразы, тембр голоса, улыбки, смех Ларисы Васильевны звучат в моей душе и по сей день.

В 1984 году Нурия Сатдыкова (по мужу Биккулова) пригласила Ларису Васильевну на свадьбу. Лариса Васильевна говорила: «Много, где мне довелось бывать у аспирантов: в больнице, на квартирах, в общежитии. Но на свадьбу приглашена впервые». Свадьба была у нас в общежитии на Новоизмайловском проспекте. Лариса Васильевна была душой компании, держалась очень просто и легко вписалась в молодежную компанию.

В 1986 году мне посчастливилось быть на стажировке на кафедре, и это пребывание совпало с 60-летним юбилеем Ларисы Васильевны, который праздновали у нее дома. За праздничным столом она была очень гостеприимной, радушной хозяйкой,

и атмосфера за столом была просто удивительной. Она много шутила, смеялась, была в центре внимания.

В 1991 году в Вологде состоялась конференция по проблемам языкознания, в которой участвовала Лариса Васильевна. Моему счастью не было предела, когда она приняла мое приглашение побывать в моем родном городе. Вместе с Викторией Александровной Ямшановой они приехали в Великий Устюг. Погода была великолепная, и мы часами бродили по городу, любовались местными красотами, а затем шли в мой отчий дом, и мама угощала нас разными вкусностями. Лариса Васильевна удивительно быстро нашла общий язык с моей мамой, может быть, потому, что мама тоже была учителем немецкого языка. Здесь же Лариса Васильевна познакомилась с моей маленькой дочуркой и стала единственным человеком, который называл ее «Наталка».

Немного позднее Владимир Михайлович Павлов привез подарок для Наталки от Ларисы Васильевны: большую куклу Красную шапочку, с которой дочь очень любила играть, и которая до сих пор бережно хранится в доме.

9 марта 2016 года в юбилей Ларисы Васильевны в одном из девярых классов Вологодского многопрофильного лицея, где я четвертый год преподаю немецкий язык как второй иностранный, одной из девочек, Свете Абрамовой, исполнилось 16, и я рассказала группе о Ларисе Васильевне и просила вспоминать ее в этот день. Она заслужила, чтобы ее помнили вечно.

Брусенская Татьяна Ивановна, учитель немецкого языка Вологодского многопрофильного лицея

* * *

Я познакомилась с Ларисой Васильевной в 1962 году, на семинаре профессора Владимира Григорьевича Адмони в ЛГПИ, куда я пришла работать в 1961 году. На семинаре Лариса Васильевна выступала с сообщением, а я по мере сил своих участвовала в обсуждении. На ее вопрос, знаю ли я профессора Адмони, я ответила, что он преподавал у нас в ЛГПИИЯ, и мне посчастливилось под его руководством писать курсовые и дипломную работы, а также участвовать в СНО по истории и теории языка, которым также руководил профессор В. Г. Адмони.

Позже, в аспирантуре ЛГУ, я обучалась у тех же профессоров, что и Лариса Васильевна. Таким образом, нас объединяла общность школы и научных интересов.

В ЛГПИ им. А. И. Герцена я посещала лекции и семинары Л. В. Шишковой, читала ее статьи и книги по теоретической грамматике и приобретала ценный опыт.

Лариса Васильевна неоднократно рецензировала мои статьи и доклады, а также была рецензентом моей диссертации. В моей работе при чтении лекций по теоретической грамматике немецкого языка в спецгруппах филфака РГПУ я обращалась к опыту Л. В. Шишковой — талантливого ученого нашей общей традиционной школы.

*Перельман Гертруда Иосифовна, доцент РГПУ
им. А. И. Герцена*

* * *

В первый весенний день раздается телефонный звонок. Звонит моя бывшая коллега Татьяна Брусенская и говорит, что 11 марта состоится заседание кафедры немецкой филологии, посвященное Ларисе Васильевне Шишковой.

Лариса Васильевна Шишкова

Что значит это имя для тех, чья профессиональная жизнь связана с немецким языком? Когда я была студенткой, мы изучали немецкий язык по учебникам, авторами которых были Лариса Васильевна, Ирина Петровна, Инна Павловна. Но для студентов авторы учебников — это, как правило, люди, давно ушедшие в мир иной. О том, что они реально существуют в этом мире, я узнала, когда поступила в заочную аспирантуру ЛГПИ им. А. И. Герцена по специальности 10.02.04 — германские языки. Это было в 1976 году.

Прошло ровно сорок лет. Но и сейчас я помню многие моменты своей аспирантской жизни. После защиты диссертации в апреле 1980 г. Лариса Васильевна подходит ко мне и со свойственным ей чувством юмора говорит: «И почему я отказалась быть Вашим научным руководителем? И зачем я аспирантку с двумя маленькими детьми отдала Ирине Петровне, а себе взяла молодого человека без детей?»

В этой связи я хотела бы несколько слов сказать и об Ирине Петровне, моем научном руководителе. Я многим ей обязана, но, наверное, самое важное, что она передала мне, — это ее безграничная любовь к языку. Как-то у нее в гостях мы пили чай, и тут Ирина Петровна произносит свою знаменитую фразу: «Я не понимаю, как может студент спать спокойно, если он не знает, как сказать слово «рыжик» по-немецки!» Она действительно этого не понимала. Слова Ирины Петровны я каждый год передаю новому поколению студентов, и имя ее продолжает жить.

Что еще мне запомнилось в Ларисе Васильевне? — Это ее мудрость и врожденное чувство интеллигенции. Очень показателен один пример. На первом курсе звоню Ларисе Васильевне из Вологды и говорю: «Я приезжаю завтра на один день в Ленинград, мне нужно сдать зачет по готскому языку». На другом конце телефонного провода возникает пауза, потом Лариса Васильевна говорит: «Хорошо, я приду». Зачет по готскому я сдаю, а почему тогда в нашем разговоре возникла пауза, это я поняла только много времени спустя.

После окончания аспирантуры я несколько лет ездила на Герценовские чтения, шла пешком по Невскому проспекту от Московского вокзала до Мойки 48, приходила на кафедру и встречалась с Ларисой Васильевной. Эти поездки в Ленинград были для меня настоящим праздником. Важен даже был не доклад, а сам город и общение с любимыми преподавателями. У Ларисы Васильевны был неподдельный интерес ко всему, чем жили бывшие аспиранты. Она всегда радовалась нашим успехам и огорчалась неудачам. Иногда обращалась с просьбой подписать внешний отзыв и при этом неизменно спрашивала: «Я надеюсь, Вы не относитесь к числу преподавателей, которые, прежде чем поставить свою подпись, еще и саму статью читают?»

9 марта этого года Ларисе Васильевне Шишковой исполнилось бы 90 лет. Она не дожила до юбилея, но я думаю, что в этот день ей было бы приятно услышать теплые слова от своих учеников: Ларисы Ньюбиной из Смоленска, Валентины Двинской из Петрозаводска, Людмилы Николаевой из Великого Новгорода, Татьяны Брусенской из Вологды и многих-многих других.

К моим воспоминаниям о Ларисе Васильевне присоединяются также преподаватели нашей кафедры:

Людмила Капралова (аспирантка Инны Павловны),

Лариса Сафонова (аспирантка Инны Павловны),

Тамара Александрова (коллега Инны Павловны по РСГ),

Галина Шатерник (училась у Ларисы Васильевны на курсах повышения квалификации),

Герман Гаммермайстер (студент Ларисы Васильевны и аспирант Владимира Георгиевича).

Смирнова Татьяна Ивановна, зав. кафедрой немецкого языка Вологодского государственного университета

* * *

Лариса Васильевна была практически моим первым научным руководителем: она проверяла мой вступительный реферат, ей я сдавала вступительные экзамены, у нее получала уникальные консультации в процессе работы над диссертацией.

Маленькая женщина огромного таланта

мир наш изменила, в лингвистику призвав.

Помнят Вас и любят Ваши аспиранты

так же, как французы вечную Пиаф.

Помним, как коряво все мы начинали,

Вы нам отдавали свой свободный час;

как на предзащитах мы жалко лепетали,

а Вы самоотверженно оправдывали нас.

Как великодушно Вы за всё прощали,

как своим примером нас учили жить.

не только диссертации, мы зов Ваш защищали

германской филологии преданно служить.

Вечная память Вам, Лариса Васильевна!

Много поколений работы Ваши чтут.

Великой женщине великое спасибо!

Вечный покой и вечный уют!!!

Белусова Галина Константиновна

Составитель: Т. Ю. Смирнова

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНЕННОГО И НАУЧНОГО ПУТИ ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ШИШКОВОЙ

Лариса Васильевна не любила рассказывать о себе, фотографий ее также осталось очень мало. Представление о ее жизни мы можем составить только на основании нескольких автобиографий из личного дела, сохранившихся в архиве, и немногих фрагментов воспоминаний, которыми она делилась в частных разговорах.

Детство

Лариса Васильевна Шишкова родилась 10 марта 1926 года в городе Самара, на Волге.

Своей тягой к знаниям Лариса Васильевна, по-видимому, была обязана своим родителям — Василию Никифоровичу и Анне Кузьминичне. Будучи крестьянского происхождения, они сумели получить образование и стали служащими. Отец работал землеустроителем, мать — в системе здравоохранения. Детство Ларисы Васильевны пришлось на годы после страшного голода 1921–22 годов в Поволжье, от которого умерло около 5 миллионов человек, что превышает население всей современной Самарской области. К концу же 1920-х годов Самара превратилась в крупнейший торговый, и прежде всего — хлеботорговый, центр Поволжья и всей России. В школу Лариса Васильевна пошла в период индустриализации и борьбы с неграмотностью в Советской России, когда менялся правовой статус женщин в обществе, расширялись их гражданские права.

25 января 1935 года в Москве умер В. В. Куйбышев, а 27 января все самарцы, в том числе и Лариса Васильевна, вдруг в одночасье стали куйбышевцами. В те тревожные предвоенные годы население страны активно занималось военными видами спорта. Судя по фотографиям улиц Куйбышева середины 30-х годов, среди жителей города излюбленным видом был лыжный спорт. Любовь к катанию на лыжах Лариса Васильевна сохраняла всю свою жизнь, вплоть до очень преклонного возраста.

Осенью 1941 года тыловой город Куйбышев стал запасной столицей СССР и центром политической жизни страны. Большим потрясением для горожан было появление в соседних домах и квартирах высокопоставленных руководителей из столицы, известных московских артистов, писателей и композиторов, специалистов эвакуированных оборонных предприятий. Приехало и множество редких для провинциального города иностранцев — дипломатов и зарубежных корреспондентов. Возможно, эти обстоятельства повлияли на интерес Ларисы Васильевны к изучению немецкого языка.

Студенческие годы и аспирантура

В 1942 году Лариса Васильевна уехала в город Ставрополь Куйбышевской области (современный Тольятти) и поступила в Военный институт иностранных языков Красной Армии. Этот институт был образован на базе эвакуированного из Москвы Военного факультета при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков, который был создан 1 февраля 1940 года для подготовки военных преподавателей иностранных языков для училищ и академий Красной Армии. С началом войны подготовка военных преподавателей прекратилась, форсировалось обучение военных переводчиков. Для этого были созданы постоянные и временные курсы со сроком обучения от полутора до шести месяцев. На всех курсах изучался только немецкий язык. В эвакуации в Ставрополе-на-Волге Военный факультет и курсы размещались в здании санатория-кумысолечебницы «Лесное», а курсанты и слушатели расселялись по всему городу. Занимались по 10 часов в день, в три смены, при этом находясь на полном самообслуживании.

Поскольку фронт требовал все новых и новых переводчиков, на курсы начали набирать девушек и юношей, изучавших в школах немецкий язык. Точно мы не знаем, но, судя по возрасту, а Ларисе Васильевне было на момент поступления шестнадцать лет, она училась именно на этих курсах. Все слушатели занимались спортом, обязательной была лыжно-стрелковая подготовка. В это же время Лариса Васильевна вступает в ВЛКСМ.

31 января 1943 года было принято решение о возвращении Военного института иностранных языков из эвакуации. Наверное, именно это Лариса Васильевна назвала в своей автобиографии «переформировкой», в связи с которой она была отчислена. Упоминание об этом периоде жизни содержится только в автобиографии 1954 года. Правда, в личных беседах Лариса Васильевна говорила о том, что не смогла участвовать в боевых действиях из-за малого роста и веса.

В сентябре 1943 года Лариса Васильевна поступила в Куйбышевский педагогический институт на факультет иностранных языков. Однако, проучилась она в этом вузе лишь один год.

В июне 1944 года в числе первых вузов из эвакуации в Ленинград вернулся Ленинградский государственный университет, и Лариса Васильевна по переводу поступила на 2-ой курс филологического факультета, на кафедру романо-германской филологии, которой руководил академик В. Ф. Шишмарев.

В 1948 году, по окончании обучения на филфаке, Лариса Васильевна получила диплом с отличием по специальности германская филология, квалификация филолог-германист (лингвист) и рекомендацию в аспирантуру. Три года она обучалась в аспирантуре при кафедре германской филологии, в которую входили секции немецкого и скандинавских языков. Ее научным руководителем был Л. Р. Зиндер, ученик академика Л. В. Щербы. Интерес Ларисы Васильевны к научной деятельности, внутренняя свобода, такт и деликатность в общении, несомненно, плоды университетского духа того времени. Однако, говорить только о пути в науке — остаться в неведении об истоках ее ироничного характера, независимого поведения. Она с удовольствием вспоминала об очень дерзкой выходке аспирантов, отправивших терроризировавшему их преподавателю, в качестве подарка, гроб с тапочками.

Но были и любимые учителя. В студенческие годы и в аспирантуре Лариса Васильевна слушала лекции и посещала занятия выдающихся германистов, которые для большинства нынешних коллег и студентов являются практически небожителями и знакомы лишь по обложкам учебников и научных трудов. Это В. М. Жирмунский, работавший профессором Ленинградского

университета с 1919 года вплоть до своей кончины; С. Д. Кацнельсон, заведовавший кафедрой германской филологии с 1948 по 1950 год, как раз в годы обучения Ларисы Васильевны в аспирантуре; М. И. Стеблин-Каменский, заведовавший кафедрой германской филологии с 1950 года; Т. В. Строева, так же как и Л. Р. Зиндер, более пятидесяти лет проработавшая в ЛГУ; В. Г. Адмони, работавший профессором кафедры немецкой филологии во время учебы Ларисы Васильевны в аспирантуре; С. А. Акулянц, вместе с Л. Р. Зиндером, Т. В. Строевой и другими стоявшая у истоков кафедры иностранных языков, а затем перешедшая на кафедру немецкой филологии; И. В. Братусь, работавшая ассистентом кафедры с 1944 года; М. Г. Арсеньева, преподававшая немецкую грамматику в студенческие годы Ларисы Васильевны. Все они в значительной степени повлияли на научные интересы Ларисы Васильевны.

Многие из однокашников Ларисы Васильевны по студенческим годам и аспирантуре стали известными филологами и переводчиками, поддерживали с ней дружеские и научные контакты. Будущими коллегами по факультету иностранных языков ЛГПИ им. А. И. Герцена были И. П. Парамонова (кафедра германской филологии), А. Л. Афанасьева (кафедра романской филологии), М. И. Оссовская и М. Л. Таганцева (кафедры английского языка и английской филологии). Много лет на филфаке ЛГУ преподавали Г. Н. Эйхбаум и К. П. Акулова, известным переводчиком стала Н. Л. Трауберг.

Преподавательская деятельность

В октябре 1951 года, по окончании аспирантуры, Лариса Васильевна получила распределение в Вильнюсский государственный университет и три года работала старшим преподавателем кафедры иностранных языков историко-филологического факультета. Во время работы в этом вузе она преподавала такие дисциплины, как «Введение в германскую филологию», «История немецкого языка», «Сравнительная грамматика германских языков», спецкурс по немецкому языку, а также вела элементарный курс немецкого языка для студентов-неспециалистов.

14 января 1954 года, еще в период работы в Вильнюсе, Лариса Васильевна защитила в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Определение в современном немецком языке». В феврале на заседании ученого совета ЛГУ ее утвердили в ученой степени кандидата филологических наук, а 31 марта она получила диплом о присуждении ученой степени.

Еще находясь в Ленинграде, через несколько дней после защиты, Лариса Васильевна подала заявление о приеме на работу во 2-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ). В июне 1954 года она успешно прошла конкурс и с 1 сентября 1954 года стала доцентом кафедры немецкого языка на существовавшем в этом вузе фактически еще с 1952 года, но открывшемся официально как раз с сентября 1954 года факультете немецкого языка. При этом с сентября 1954 по сентябрь 1955 года Лариса Васильевна по совместительству еще работала преподавателем кафедры иностранных языков при Ленинградском отделении АН СССР.

16 мая 1956 года вышел приказ Министерства просвещения РСФСР о ликвидации 2-го ЛГПИИЯ и слиянии его с ЛГПИ им. А. И. Герцена. Как и других преподавателей, Ларису Васильевну с сентября 1956 года приказом перевели в ЛГПИ им. Герцена на должность старшего преподавателя. Так началась ее научная и преподавательская деятельность на нашем факультете.

В феврале 1963 года по ходатайству Ученого Совета института ВАК Министерства Высшего и среднего специального образования утвердил Ларису Васильевну в ученом звании доцента, а в следующем году она уже начала работу над докторской диссертацией. Защита диссертации на тему «Именные синтаксические группы с сочинительной связью в современном немецком языке» состоялась в ноябре 1971 года.

В апреле 1972 года Лариса Васильевна была избрана по конкурсу на должность профессора кафедры германской филологии, летом того же года ей присвоили ученую степень доктора филологических наук, а решением ВАК от 24 октября 1973 года утвердили в ученом звании профессора.

С 1976 года Лариса Васильевна работала в составе спецсовета по защите докторских диссертаций при ЛО ИЯ АН СССР (впоследствии — диссертационный совет Д 002.005.01 Института лингвистических исследований РАН), являлась и членом диссертационного совета Д 212.199.05 в ЛГПИ (РГПУ) им. А. И. Герцена.

Как ученого-германиста Ларису Васильевну высоко ценили и коллеги из других вузов, в том числе и зарубежных. Почти весь осенний семестр 1959 года в составе делегации работников просвещения она провела в заграникомандировке в ГДР, весной 1962 года на месяц была командирована в Туркменский педагогический институт г. Чарджоу для чтения лекций по истории немецкого языка, а с апреля по ноябрь 1967 работала в Благовещенске в рамках сотрудничества вузов. В сентябре 1995 года по приглашению Католической академии в г. Шверте (Германия) участвовала в семинаре «Новейшая литература Германии».

За свой многолетний труд в стенах ЛГПИ (РГПУ) им. А. И. Герцена Лариса Васильевна была отмечена несколькими благодарностями от руководства, а в 2004 году ей была вручена Почетная грамота Министерства образования. Статья о Ларисе Васильевне включена в том «Профессора РГПУ им. А. И. Герцена».

Научные интересы Ларисы Васильевны были весьма разнообразными, что позволяло ей на высшем уровне преподавать самые различные дисциплины. Она читала студентам такие курсы, как «История немецкого языка», «Теоретическая грамматика», «Теоретическая фонетика», «Сравнительная грамматика германских языков», «Введение в германскую филологию», проводила семинары по этим курсам, вела практические занятия по фонетике и грамматике немецкого языка. С аспирантами Лариса Васильевна в течение нескольких десятков лет проводила семинары по чтению и комментированию древних текстов. Она является автором базовых учебников, выдержавших несколько переизданий и до сих пор использующихся в учебном процессе на кафедре немецкой филологии РГПУ.

Кроме того, Лариса Васильевна активно занималась внеучебной работой со студентами — много лет была руководи-

телем СНО и вела лингвистический кружок. В период с 1972 по 1987 год она работала и на Факультете переподготовки кадров — руководила рефератами слушателей, читала лекции по истории и теории немецкого языка, в том числе спецкурс по актуальным проблемам синтаксиса немецкого, а также читала лекции в Институте усовершенствования учителей.

Преподавателем и научным руководителем Лариса Васильевна была суровым, многие поколения выпускников кафедры с дрожью вспоминают передачи экзамена по теоретической грамматике, а частью студенческого фольклора стала крылатая фраза Ларисы Васильевны: «Если вы не отличаете части речи от членов предложения, то высшее образование не для вас». Улыбку Ларисы Васильевны студенты (в отличие от коллег и подопечных аспирантов) могли видеть редко. Но в забавных ситуациях, при хороших шутках Лариса Васильевна умела смеяться до слез.

Осенью 2008 года в связи с ухудшением состояния здоровья Ларисе Васильевне пришлось прекратить преподавательскую работу. Она умерла 8 января 2009 года после тяжелой болезни на 83-м году жизни и была похоронена в своем родном городе Самара.

Богуславская И. В., Лапина Ю. В.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ЛАРИСЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ШИШКОВОЙ

Диссертации и авторефераты диссертаций

Определение в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. — Л., 1953. — 190 с.

Определение в современном немецком языке: автореф, дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. — Л., 1953. — 17 с.

Именные синтаксические группы с сочинительной связью в современном немецком языке: дис. ... докт. филол. наук / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1971. — 451 с.

Именные синтаксические группы с сочинительной связью в современном немецком языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1971. — 47 с.

1957

О функциях сложных существительных в немецком языке // Романо-германская филология / АН СССР, кафедра иностранных языков. — Л., 1957. — Вып. I. — С. 78–95.

1959

К вопросу о синтаксической функции имени существительного, поясняющего другое имя существительное (на материале сравнения немецкого и русского языков) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1959. — Т. 190, ч. 1. — С. 37–44.

Сборник упражнений по грамматике немецкого языка. (Морфология): для 2 курса факультетов иностранных языков педагогических институтов. — Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1959. — 133 с. (В соавт. с Л. Г. Кораблевой и О. П. Орловой).

Хроникальные заметки: [о конференции по вопросам синтаксиса немецкого языка] // Вопросы языкознания. — 1959. — № 6. — С. 151–152. (В соавт. с Л. М. Каннер).

1960

Рецензия на книгу Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой «Современный немецкий язык» // Иностранные языки в школе. — 1960. — № 1. — С. 119–120. (В соавт. с Г. Н. Эйхбаум).

1961

Сборник упражнений по грамматике немецкого языка. (Морфология): для 2 курса факультетов иностранных языков педагогических институтов (на немецком языке). — Изд-е 2-е. — Л.: Учпедгиз, Ленинградское отд-ние, 1961. — 139 с. (В соавт. с Л. Г. Кораблевой и О. П. Орловой).

1963

Субстантивные словосочетания типа ein Glas Wasser // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1963. — Т. 255. — С. 37–45.

1964

Вводный фонетический курс немецкого языка: пособие для студентов педагогических институтов. — М.; Л.: Просвещение, 1964. — 160 с. (В соавт. с А. В. Детининой).

1965

Синтаксические группы с сочинительной связью (на материале немецкого языка) // Герценовские чтения, XVIII. Филологические науки: программа конференции, тезисы докладов, 20 апреля — 25 мая 1965 г. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1965. — С. 142–144.

1966

Об употреблении подчинительных союзов в простом предложении (на материале современного немецкого языка) // Герценовские чтения, XIX. Филологические науки: программа конференции, тезисы докладов, 15 апреля — 25 мая 1966 г. / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1966. — С. 141–142.

1967

Некоторые вопросы изучения однородных членов предложения (на материале современного немецкого языка) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1967. — Т. 295а. — С. 176–186.

Синтаксические группы с сочинительной связью // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1967. — Т. 295а. — С. 187–216.

1968

О роли артикля в оформлении сочиненной группы, состоящей из имен существительных (на материале немецкого языка) // Доклады республиканской конференции по вопросам германской, романской и классической филологии / Вильнюсский гос. ун-т им. В. Капсукаса. — Вильнюс, 1968. — С. 124–129.

1970

Сочинительные союзы в простом и сложном предложениях (на материале современного немецкого языка) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1970. — Т. 469. — С. 91–98.

Об уточняющих членах предложения. (На материале современного немецкого языка) // Герценовские чтения, XXII. Иностранные языки: краткое содержание докладов межвузовской конференции, 1970 г. — Л., 1970. — С. 29–33.

1971

Субстантивные синтаксические группы с сочинительной связью в современном немецком языке // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1971. — Т. 457. — С.3–197.

Функции частиц, наречий и модальных слов в сочиненной группе, состоящей из имен существительных // Ученые записки Высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание. — Вильнюс, 1971. — XXII, вып. 3.

Морфология немецкого языка. (Упражнения): для студентов педагогических институтов. — 3-е изд. — Л.: Просвещение, Ленинградское отд-ние, 1971. — 230 с. (В соавт. с Л. Г. Кораблевой и О. П. Орловой).

1974

Субстантивные словосочетания в современном немецком языке // НДВШ. Филологические науки. — 1974. — № 6. — С. 101–108.

1975

Грамматические исследования: сборник научных трудов / под ред. Л. В. Шишковой; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1975. — Ч. 1. — 144 с.

Грамматические исследования: сборник научных трудов / под ред. Л. В. Шишковой; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1975. — Ч. 2. — [116] с. (С. 145–261).

1976

Функции подчинительных союзов в простом предложении. (На материале немецкого языка) // Студия Германистика. Грамматика английского и немецкого языков: сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1976. — С. 145–157. — [На обл. загл.: Studia Germanistica].

1977

Замечания о присоединении в современном немецком языке // Актуальные вопросы семантики и синтаксиса: сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1977. — С. 35–40.

Вводный фонетический курс немецкого языка: учебное пособие для студентов факультетов и педагогических институтов иностранных языков. — Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1977. — 249 с. (В соавт. с А. В. Детининой и О. А. Бибиным).

1978

Словосочетание и структура текста: сборник научных трудов / науч. ред. Л. В. Шишкова; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1978. — 99 с.

1979

К понятию функции координативных структур // Взаимосвязь семантики и структуры синтаксических единиц в немецком языке: сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1979. — С. 82–88.

Хрестоматия по теоретической грамматике немецкого языка: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2103 «Иностранные языки». — Л.: Просвещение, 1979. — 216 с.: табл. (В соавт. с И. И. Мейксиной).

1980

О семантике сочинительной связи в немецком языке в сопоставлении с английским и русским языками // Семантика слова и

предложения в английском языке: сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1980. — С. 92–104.

Zum Problem des Nominalstils // Potsdamer Forschungen: Wissenschaftliche Schriftenreihe der Pädagogischen Hochschule «Karl Liebknecht». Reihe A. — Potsdam, 1980. — Heft 41. — S. 131–140.

1981

Стилистические и текстообразующие функции субстантивного сочинения // Интерпретация художественного текста в языковом вузе: сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1981. — С. 130–139.

Реализация сочинительной связи на уровне простого и на уровне сложного предложения // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: межвузовский сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1981. — С. 143–156.

1984

Структурные и функциональные особенности предложений с сегментированным сочиненным рядом // Актуализация предложения и его элементов (в микро- и макротексте): межвузовский сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1984. — С. 54–65.

Практикум по курсу «Теоретическая грамматика немецкого языка»: учебное пособие для студентов педагогических институтов. — М.: Просвещение, 1984. — 168 с. (В соавт. с И. И. Мейксиной)

1986

Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л. В. Шишко-ва; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1986. — 163 с.

К семантико-грамматической и функциональной характеристике номинативных предложений в немецком языке // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка: межвузовский сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1986. — С. 153–165

Соотношение грамматической и семантической структур предложений, включающих отглагольные существительные / Л. В. Шишкова, Т. Ю. Смирнова // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах: межвузовский сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1986. — С. 130–145. (В соавт. с Т. Ю. Смирновой).

Semantisch-grammatische und textlinguistische Aspekte der Nominativsätze // Potsdamer Forschungen. Reihe A. — Potsdam, 1986. — Heft 78. — S. 119–132.

Структурно-семантический и коммуникативный аспекты предложений модели «es gibt + существительное в винительном падеже» // Структурно-функциональный аспект предложения и текста: межвузовский сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1987. — С. 103–110.

1988

Структура и семантика простого, сложного и осложненного предложения: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л. В. Шишкова; ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1988. — 164 с.

Уровни анализа бытийных предложений // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: (Из опыта изучения и преподавания иностранных языков): материалы межвузовской конференции, 17–19 мая 1988 г. — Белгород, 1988. — С. 207–208.

1989

Бытийные предложения немецкого языка в научно-технических текстах // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистические особенности: сборник научных трудов / АН СССР, кафедра иностранных языков. — М., 1989. — С. 139–146. (В соавт. с Я. К. Родзиевской).

1990

Функции временных глагольных форм в повествовательном тексте от первого лица / в соавторстве с // Прагматический аспект предложения и текста: межвузовский сборник научных трудов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. — Л., 1990. — С. 101–111. (В соавт. с Л. М. Ньюбиной).

Das deutsche Präsens als textbildender Faktor in der Struktur der Ich-Erzählung // Potsdamer Forschungen. Reihe A. — Potsdam, 1990. — Heft 107. — S. 110–122. (В соавт. с Л. М. Ньюбиной).

1991

Значение приблизительности как субкатегориальное значение градуальности // Категории грамматики в их системных связях. (В теоретическом и лингводидактическом аспектах): тезисы докладов конференции (Вологда, 13–14 июня 1991 г.). — Вологда, 1991. — С. 115–116.

Auditive Laborarbeiten in der praktischen Grammatik der deutschen Sprache für das 2. Studienjahr: учебное пособие по грамматике для студентов 2-го курса отделений немецкого языка. — Смоленск, 1991. (В соавт. с В. Т. Дмитриевой и Л. М. Ньюбиной).

1992

Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации: На материале современного немецкого языка / О. А. Кострова; под ред. Л. В. Шишковой. — Самара: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. — 144 с. — Библиогр.: с. 131–143.

1993

Прагматический аспект грамматических структур // Материалы научно-практической конференции / Новгородский государственный педагогический институт. — Новгород, 1993. — С. 76–79.

Система залоговых значений в немецком и русском языках (сопоставительный анализ) // Проблемы функциональной лингвистики и активные формы преподавания иностранных языков: тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции факультета иностранных языков АГПИ им. С. М. Кирова, Астрахань, 5–6 мая 1993 г. — Астрахань, 1993. — С. 116–117. (В соавт. с Т. Ю. Смирновой).

1995

Залоговые отношения в немецком и в русском языках // Studia Linguistica: сборник научных трудов / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1995. — Вып. I. — С. 69–74.

Лингвостилистический аспект интерпретации новеллы Г. Гейне «Флорентийские ночи» // Междисциплинарная интерпретация художественного текста: межвузовский сборник научных трудов / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1995. — С. 76–86. (В соавт. с Л. М. Ньюбиной).

1998

Бытийный тип предложения в свете синтаксической теории В. Г. Адмони // Творческое наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная филология: межвузовский сборник научных трудов / РГПУ им. А. И. Герцена. — СПб., 1998. — С. 93–100.

1999

Semantische Verschiebungen unter dem Einfluss von syntaktischen Beziehungen // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch. — Bonn, 1999. — S. 123–128.

2002

Вводный фонетический курс немецкого языка: учебное пособие для студентов отделений немецкого языка филологических факультетов и факультетов иностранных языков. — СПб.: Союз, 2002. — 231 с. — (Серия «Изучаем иностранные языки. Deutsch»). (В соавт. с О. А. Бибиным).

2003

Синтаксис современного немецкого языка: учебное пособие: для студентов отделений немецкого языка филологических факультетов и факультетов иностранных языков высших учебных заведений. — М.: Academia, 2003. — 126 с. — (Серия «Высшее профессиональное образование. Иностранные языки»). (В соавт. с Т. Ю. Смирновой).

2004

Лексико-семантические классы глаголов и категоризация высказываний // Культурный контекст в гуманитарном образовании: материалы международной конференции, 16–18 апреля 2004 г. — Великий Новгород, 2004. — С. 69–73.

ЧАСТЬ II

Аверина А. В.

ТИПЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПО КРИТЕРИЮ ИЛЛОКУТИВНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

В статье речь идет о новой классификации предложений по критерию иллокутивной самостоятельности. Показано, что придаточные предложения могут быть разделены на три группы по данному критерию: иллокутивно самостоятельные, иллокутивно несамостоятельные, а также предложения, способные выступать как иллокутивно самостоятельные, так и иллокутивно несамостоятельные. Подобный подход позволяет, в свою очередь, решить ряд спорных вопросов относительно морфологической и семантической классификации придаточных предложений.

Ключевые слова: иллокутивная самостоятельность, придаточное предложение, модальная частица, синтаксис.

Averina A. Types of subordinate clauses based on illocutive independence. The article deals with the new classification of subordinate clauses based on the illocutive independence. It is shown that subordinate clauses can be divided into three groups according to this criterion: illocutive dependent clauses, illocutive independent clauses as well as clauses which can be interpreted as illocutive dependent and independent ones. Such kind of approach lets us to solve some problematic questions about morphological and syntactical classification of subordinate clauses.

Keywords: illocutive independence, subordinate clause, modal particle, syntax.

Замечательный педагог и ученый Лариса Васильевна Шишкова всегда учитывала новые подходы к изучению предложения, анализировала его когнитивный, коммуникативный и прагматический аспекты. Ей принадлежит доступное освещение новых синтаксических концепций предложения, представленное, например, в книге «*Синтаксис современного немецкого языка*» в соавторстве с Татьяной Юрьевной Смирновой, опубликованной в издательском центре «Академия». Хотелось бы отметить несомненный вклад авторов в раскрытие проблем теории предложе-

ния с позиции его формы и содержания. Вне всякого сомнения, анализ коммуникативного, функционально-семантического и прагматического аспектов предложения представлен полно и служит своего рода базой для дальнейшего анализа свойств предложения. В разделе «Классификация придаточных предложений» авторы предлагают обзор функциональной, формальной, морфологической и семантической классификаций. Несомненно, существующие классификации позволяют сформировать хорошее представление о свойствах сложного предложения, а также задуматься над некоторыми вопросами, которые до сих пор еще не получили должного освещения. Так, например, имеют место расхождения в интерпретации некоторых видов придаточных предложений, см. пример из работы Л. В. Шишковой и Т. Ю. Смирновой, который авторы трактуют как спорный:

(1) *Ich lebe noch immer da, wo ich geboren bin.*

В одних грамматиках он интерпретируется как сложноподчиненное предложение с придаточным места, а в других — как предложение с придаточным определительным. «Основанием для первой точки зрения служит то, что придаточное предложение соотносится с дейктическим наречием *da*, которое можно рассматривать как коррелят придаточного предложения и которое по своей функции члена предложения является обстоятельством места. Вторая интерпретация учитывает то, что придаточное предложение относится к одному слову и может вместе с ним занимать первую позицию в главном предложении, являясь, как и любое определение, лишь частью члена предложения: *Dort, wo ich geboren bin, gibt es im Winter keinen Schnee*» [Шишкова, Смирнова 2003: 107].

В нашей статье мы хотели бы несколько дополнить существующие классификации предложений с учетом проведенных в последнее время исследований и представить еще одну, разработанную нами классификацию придаточных предложений немецкого языка по критерию иллокутивной самостоятельности (более подробно см. [Averina 2015]). Отчасти это позволит решить спорный, по мнению авторов, вопрос относительно типа предложения (1).

Прежде всего раскроем понятие «иллокутивная самостоятельность придаточного предложения». По нашим наблюдениям, иллокутивно самостоятельное придаточное предложение способно включать в себя субъективные элементы высказывания, причем эти субъективные элементы, как правило, обладают свойством действительности, что было подробно рассмотрено в работе А. В. Авериной [Аверина 2016]. Субъективные элементы высказывания, обладающие таким свойством в немецком языке — это модальные частицы. По мнению В. Абрахама, действительность модальных частиц проявляется в следующем: (1) говорящий оценивает информированность собеседника, (2) дает ему об этом знать и (3) провоцирует его к реакции на высказанное [Abraham 2011: 140]. Эти свойства мы можем проследить на следующем примере:

(2) *Haider ist ja betrunken gewesen*

(пример В. Абрахама, см. [Abraham 2011: 140]), где частица *ja* показывает, что говорящий и собеседник уже владеют этой информацией. Говорящий сигнализирует, что собеседник должен разделить его точку зрения, поскольку именно она является истинной.

Модальные частицы могут стоять в иллокутивно самостоятельных придаточных, в то время как их употребление в иллокутивно несамостоятельных придаточных невозможно. Иными словами, модальные частицы в немецком языке являются показателем иллокутивной силы придаточных предложений. Продемонстрируем различный иллокутивный потенциал придаточных на примерах из романов Г. Гессе и Э. М. Ремарка:

(3) *Es seien da, erzählte er, ein paar gute kühne Kameraden, zu denen er gehöre, die hätten von früheren Generationen den Brauch übernommen, je und je sich dessen zu entsinnen, dass sie ja keine Mönche seien, und für einen Abend das Kloster zu verlassen und ins Dorf zu gehen (H. Hesse. Narziss und Goldmund).*

(4) *Ja, ich fand ihn im Kreuzgang hegen, wo er ja eigentlich nichts zu suchen hat (H. Hesse. Narziss und Goldmund).*

(5) *Da drinnen, wo ich mir (*ja) die Rippen gebrochen habe, da sind seither die Schmerzen (H. Hesse. Narziss und Goldmund).*

(6) *jedem, der (*ja) vorbeikommt, winkt er mit seinem Löffel zu und füllt ihm einen kräftigen Schlag ein (Im Westen nichts Neues).*

(7) *Es ist darin enthalten, wenn Tjaden bei einem gemeldeten feindlichen Angriff in rasender Hast seine Erbsensuppe mit Speck auslöffelt, weil er ja nicht weiß, ob er in einer Sünde noch lebt (E.M. Remarque. Die Nacht von Lissabon).*

В предложении (3) в объектном придаточном предложении используется модальная частица *ja*, в следующем высказывании частица *ja* используется в придаточном определительном. И в (3), и в (4) придаточные предложения являются иллокутивно несамостоятельными. Иная ситуация имеет место в предложении (5) и (6). В (5) использование модальной частицы *ja* в придаточном места невозможно, в (6) частица также будет аграмматична в рестриктивном определительном придаточном. В (7) частица *ja* используется в придаточном предложении с семантикой каузальности.

Как уже было нами показано в исследовании [Averina 2015], иллокутивно несамостоятельные придаточные предложения содержат только описание действий и процессов. Описание характеристик, места действия не может рассматриваться как иллокутивно самостоятельное предложение, поскольку в данном случае речь идет лишь о дополнительных характеристиках того или иного объекта / явления, о котором идет речь в главном предложении [Averina 2011], [Аверина 2015]. Соответственно, предложение (1) *Ich lebe noch immer da, wo ich geboren bin* мы скорее отнесем к придаточным места, поскольку они всегда являются иллокутивно несамостоятельными и не могут содержать субъективные элементы, обладающие свойством дейктивности, в отличие от определительных предложений:

(1') *Ich lebe noch immer da, wo ich (*ja) geboren bin.*

Особую группу составляют те придаточные предложения, которые могут быть как иллокутивно самостоятельными, так и иллокутивно несамостоятельными, например, придаточные до-

полнительные, временные, условные, инструментальные. Иллокутивно самостоятельными они могут быть в том случае, если главное предложение содержит указание на момент речи, субъективные маркеры, или если в семантике матричного субъекта кодируется внутренняя перспектива (*Innenperspektive*) [Averina 2015]. Рассмотрим в качестве примеров несколько фрагментов и их трансформации, чтобы продемонстрировать работу названных механизмов:

(8) *dann fiel mir ein, dass es **ja** Herr von Goethe sei, von dem ich empfangen werden sollte* (H. Hesse. *Der Steppenwolf*).

(8') *dann **bedauerte** ich, dass es (***ja**) Herr von Goethe sei.*

(9) *Ich bekomme keinen Urlaub über Sonntag, weil ich **ja** erst größeren Urlaub gehabt habe* (E.M. Remarque. *Die Nacht von Lissabon*).

(9') *Ich bekomme keinen Urlaub über Sonntag **nicht deshalb**, weil ich (***ja**) erst größeren Urlaub gehabt habe.*

(10) *Eben war sie eingeknickt, nachdem sie (***ja**) zwei, drei Stunden gewartet hatte* (H. Hesse. *Narziss und Goldmund*).

(10') *Sie war **natürlich** eingeknickt, nachdem sie (+**ja**) zwei, drei Stunden gewartet hatte.*

В предложении (8) первое придаточное является иллокутивно самостоятельным, частица *ja* может иметь в нем место. Если мы изменим предикат главного предложения, т. е. матричный предикат (см. (8')), то использование модальной частицы в придаточном становится невозможным, поскольку объектное предложение уже не обладает иллокутивной силой. В каузальном придаточном предложении (9) с союзом *weil* использование модальной частицы вполне возможно, в то время как в (9') она не может иметь места в виду коммуникативной одночленности всего предложения (оно содержит только тему высказывания). Темпоральное придаточное предложение (10) не является иллокутивно самостоятельным и не может включать в себя какие-либо частицы, однако использование субъективных элементов в главном предложении (10') делает

это возможным, что свидетельствует о том, что придаточное обладает иллокутивным потенциалом.

Таким образом, по признаку «иллокутивная самостоятельность придаточного предложения» придаточные немецкого языка могут быть разделены на три группы [Averina 2015]:

- (1) предложения иллокутивно самостоятельные;
- (2) предложения иллокутивно несамостоятельные и
- (3) предложения, которые могут быть как иллокутивно самостоятельными, так и иллокутивно несамостоятельными.

К первой группе относятся придаточные определительные (кроме рестриктивных), уступительные и придаточные сравнения. Иллокутивная самостоятельность этих предложений — константная величина. К группе иллокутивно несамостоятельных придаточных можно причислить придаточные места и рестриктивные. Все остальные виды зависимых предложений могут быть как иллокутивно самостоятельными, так и иллокутивно несамостоятельными — в зависимости от того, «работают» ли механизмы иллокутивной самостоятельности в главном предложении.

Как было видно из приведенных примеров, иллокутивная сила придаточных предложений, имеющих двоякую природу, т.е. способных приобретать свойства как иллокутивно самостоятельного, так и иллокутивно несамостоятельного предложения, регулируется следующими механизмами, содержащимися в главном предложении: отношение к моменту речи, содержание субъективных маркеров (шифтерность на синтаксическом уровне), кодирование внутренней перспективы в семантике матричного субъекта, а также использование предикатов, не имеющих отношения к речевому акту. Иллокутивно самостоятельным не может быть придаточное предложение, если все сложноподчиненное предложение является коммуникативно одночленным.

Данная классификация придаточных предложений интересна тем, что отражает не только инвариантные, но и вариативные семантические, коммуникативные и грамматические свойства предложения, а сама иллокутивная сила придаточного предложения — это семантический, грамматический, коммуникативный и отчасти прагматический феномен.

Литература

- Аверина 2015 — Аверина А. В. Механизмы иллокутивной силы немецкого придаточного предложения // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». — 2015. — №1. — С. 92–101.
- Аверина 2016 — Аверина А. В. Природа синтаксической неподчинности (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного областного университета. — 2016. — №3. — С. 140–150.
- Шишкова, Смирнова 2003 — Шишкова Л. В., Смирнова Т. Ю. Синтаксис современного немецкого языка. — М.: Academia, 2003. — 128 с.
- Abraham 2011 — Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. — Focus: Trier, 2011. — S. 125–147.
- Averina 2015 — Averina A. Modalpartikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ведь, же und вот im Russischen. — Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2015. — 240 S.

Источники

- Hesse H. Narziss und Goldmund. — Zürich: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2000.
- Hesse H. Siddhartha. Eine indische Dichtung. — М.: Айрис-пресс, 2004.
- Hesse H. Der Steppenwolf. — Zürich: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1999.
- Remarque E. M. Im Westen Nichts Neues. Roman. — Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1999.
- Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. — Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1965.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИ ИМЕННОМ КОМПОНЕНТЕ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СОЧЕТАНИЙ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются возможности распространения именного компонента глагольно-именных предикативных сочетаний немецкого языка за счет разнообразных определений, а также закономерности подбора соответствий этим атрибутивным распространителям в русском языке.

Ключевые слова: глагольно-именное сочетание, немецко-русские соответствия, определения при именном компоненте.

Boguslavskaya I. Attributive noun phrases in German complex predicates and corresponding Russian structures. This study deals with various possibilities to extend the structure of the German complex predicates composed of light verbs and verbal nouns. The article aims to show some patterns of German-Russian transformations for attributive noun phrases.

Keywords: verb-noun-construction, FVG, German-Russian transformations, attributive noun phrase.

Под научным руководством Ларисы Васильевны Шишковой автор данной статьи, работавший в то время в лаборатории машинного перевода, занимался изучением глагольно-именных сочетаний типа *Abschied nehmen, zum Schluss kommen* (Funktionsverbgefüge / FVG в немецкой терминологии), представлявших значительную трудность для составления алгоритма компьютерного распознавания немецкоязычных текстов. Такие сочетания, образующиеся по разнообразным моделям, обладающие вариативными потенциями, могущие возникать в речи по имеющимся моделям со все новыми компонентами — существительными (особенно в моделях, где возможен любой субстантивированный инфинитив), получили название «разрывных оборотов» благодаря дистантному расположению своих компонентов и являются специфической особенностью именно немецкого языка (в других языках подобные «разрывные обороты» присутствуют, но в значительно меньшем объеме, большинство аналитических кон-

струкций и сочетаний имеют контактную позицию компонентов и не сложны для машинного анализа). Еще при выборе темы и объекта изучения Лариса Васильевна высказывала мнение, что такое исследование было бы интересным проводить в сопоставлении с русским языком. По разным причинам в самой работе сопоставительный аспект не был реализован. Вскоре после защиты автором кандидатской диссертации лаборатория прекратила свое существование, и результаты исследования остались невостребованными.

В последующей преподавательской деятельности мы столкнулись с тем, что при изучении описываемых конструкций, которые в качестве учебного материала в обязательном порядке включаются во все современные немецкие учебные пособия, особенно для продвинутой ступени обучения, многие студенты испытывают трудности при отграничении их от свободных сочетаний и при поиске соответствия в родном русском языке. Это обстоятельство подтвердило правоту Ларисы Васильевны и побудило нас в последние годы вернуться к данному материалу, чтобы изучить его в сопоставительном плане.

В первую очередь мы попытались оценить существующие на настоящий момент подходы к сопоставлению описываемых конструкций немецкого и русского языков [Богуславская 2015]. Обычно в работах по данным сочетаниям в разных языках преимущественно анализируется семантика субстантивного компонента и функционального глагола. Так, например, Т. Ю. Смирнова подробно анализирует структуры с девербативами, в том числе, и в синтаксической позиции дополнения. Интересующие нас сочетания автор относит к монопропозитивным предложениям с эксплицитно выраженным значением реализации процесса или наличия состояния [Смирнова 1984: 12]. Но в состав подобного сочетания помимо этих основных компонентов могут входить и разнообразные распространители именного компонента. Однако, они также относятся к структурной сфере самой конструкции, подчинены ее предикативной функции, поэтому все элементы выступают вместе как единый предикат. В настоящей статье мы попробуем рассмотреть трансформации, которые дополнительные компоненты структуры могут претер-

певать при переводе на русский язык, и определить, насколько наличие и тип распространителя и необходимость его адекватной передачи влияют на подбор русского соответствия для немецкой конструкции.

Распространители при именном компоненте могут быть как препозитивными (артиклъ, притяжательные и указательные местоимения, отрицание *kein*, адъективные и причастные согласованные определения, первые части сложных слов-композигов), так и постпозитивными (несогласованные определения в родительном падеже, инфинитивные группы, предложно-именные группы, придаточные предложения) [Schmidt 1968: 49–52].

Ранее мы уже подробно анализировали собственно вариативные потенции именных компонентов [Богуславская 1996]. Если речь идет не о наиболее устойчивых сочетаниях без вариативных потенций, для которых однозначно установлена форма артикля (нулевой или определенный), то использование определенного или неопределенного артикля соответствует общим закономерностям употребления в немецком языке [Helbig, Buscha 2010: 341]. Поскольку в русском языке артиклъ отсутствует, его роль для процесса перевода сводится в основном к функции дифференциации различных лексико-семантических вариантов имени. В некоторых случаях семантика определенного артикля близка притяжательному или указательному местоимению, с которым он может чередоваться: *den/seinen Blick richten* «направить **свой** взор». Благодаря этому при переводе в такие сочетания достаточно легко включаются местоимения «*такой*», «*этот*» и др., делающие русское предложение более грамматичным, ср.:

*In Oslo hat der Nato-Rat aus dieser Sicht Konsequenzen gezogen. «сделал выводы» — Obersdorf zieht daraus die Konsequenzen: ... «сделал **такие** выводы: ... ».*

Передача отрицания *kein*, притяжательных и указательных местоимений, а также инфинитивных групп и придаточных предложений, стоящих чаще всего при существительных, обозначающих результаты мыслительной и речемыслительной деятельности, и при некоторых именах состояний, не предстает

сложности и осуществляется согласно общим закономерностям перевода данных структур.

Предложно-именные группы в большинстве случаев эксплицитируют логико-семантические валентности исходного для компонента-существительного глагола, являются поэтому скорее не распространителями субстантивного компонента, а обязательными компонентами сочетания, и должны быть упомянуты при любом описании глагольно-именных предикативных сочетаний, как в словарях, так и в учебных пособиях.

Все остальные типы распространителей компонента-существительного выполняют функцию определения. В функции согласованных определений могут выступать качественные и относительные прилагательные разной семантики, причастия и, в редких случаях, порядковые числительные.

Качественные прилагательные не однородны по своим свойствам. Одни из них являются характеристикой непосредственно глагольного действия, то есть семантически согласуются с процессуальным значением имени, и легко трансформируются в обстоятельство при коррелятивном глаголе (семантические квалификативные отношения и отношения внешних условий реализации действия по [Бурмистрова 1988: 7]). Другие же прилагательные обусловлены более предметным, собственно субстанциальным значением имени. Соответственно, и выраженные ими определения не поддаются трансформации в обстоятельства. Поскольку данные свойства присущи прилагательным в обоих языках, проблем с поиском соответствия в русском языке не возникает, ср.:

einen klaren Unterschied machen «проводить **четкое** различие» — *klar unterscheiden* «**четко** различать»; *besondere Bedeutung haben* «иметь **особое** значение» — **besonders bedeuten* «***особо** значить».

Однако с утратившими процессуальные семы именами для передачи значения степени часто употребляются прилагательные в фразеологически связанном значении. Сочетаемость определенных прилагательных с определенными именами носит малопрогнозируемый характер и создает трудности для изуче-

ния и перевода, поскольку в русском языке также существует узуальная закреплённость подобных прилагательных за соответствующими именами, ср.:

nicht den leisesten Zweifel haben «не иметь ни *малейшего* сомнения»; *ein großes Gelächter anstimmen* «разразиться *громким* смехом».

Относительные прилагательные не являются характеристикой самого глагольного действия. Иногда они все же по семантике приближаются к качественным, соотносятся с обстоятельством при коррелятивном глаголе [Schmidt 1968: 50–52] и не вызывают сложностей при переводе, ср.:

persönliches Interesse zeigen «проявлять *личный* интерес» — *sich persönlich interessieren* «*лично* интересоваться».

Однако для передачи прилагательных, называющих семантический субъект действия, выраженного именным компонентом, зачастую требуются значительные трансформации, ср.:

sich in preußischer Abhängigkeit befinden «находиться в зависимости *om Пруссии*».

Причастия не являются частотными распространителями. Многие из них адъективированы, носят оценочный характер (квалификативные отношения с двойной семантической направленностью по [Бурмистрова 1988: 8]) и легко передаются прилагательными или соответствующими причастиями, ср.:

einen verstörten / hilfeschenden / triumphierenden / warnenden / prüfenden Blick (zu)werfen «бросить *растерянный / просящий о помощи / торжествующий / предостерегающий / испытующий* взгляд»; *keine übertriebenen Hoffnungen machen* «не питать *чрезмерных надежд*».

При сохранении же глагольных признаков чаще дается характеристика самому действию, выраженному именем, и при переводе на русский язык иногда приходится прибегать к трансформации, ср.: *eine wegwerfende Bewegung machen* «сделать движение, как будто что-либо *выбрасываешь*». Причастия служат также базой для образования распространенных опреде-

лений при именном компоненте, которые при переводе на русский язык передаются в соответствии с общими правилами либо препозитивным согласованным определением, либо причастным оборотом, ср.:

*den seit langem **geplanten** Abschied vornehmen* «осуществить давно **запланированную** отставку»; *zu dem jetzt auch von den Werbern **zitierten** Schluss kommen* «прийти к выводу, **цитируемому** теперь и в рекламе».

Первые части слов-композигов по выполняемым функциям схожи с описанными выше адъективными определениями. Поскольку такие слова являются в значительной степени специфическим феноменом немецкого языка, то, в соответствии с общими закономерностями перевода сложных слов немецкого языка на русский язык, они всегда подвергаются разнообразным трансформациям, ср.:

***Betriebs**spionage aufnehmen* «заниматься *производственным шпионажем*»; ***Entwicklung**shilfe leisten* «оказывать помощь в развитии»; ***Kontrakt**bruch begehen* «допустить нарушение контракта»; ***Umsturz**vorbereitungen betreiben* «заниматься приготовлениями к перевороту».

Генитивное постпозитивное определение в сочетаниях пассивной или каузативной семантики может обозначать семантический субъект действия: *unter dem Schutz des Paragraphen 51 stehen*; *der Prüfung des Rechnungshofes unterwerfen*. В таком случае русским соответствием будет также родительный падеж или конструкция «*со стороны* + род. п. ». В сочетании же непассивной семантики может обозначаться семантический объект действия, соответствующий прямому дополнению соотносительного глагола и переводимый согласно управлению русского эквивалента именного компонента или управлению всего сочетания: *im Besitz notwendiger Informationen sein* — «*владеть необходимой информацией*». Кроме субъектно-объектных отношений приименной родительный падеж при существительных с определенной семантикой может характеризовать содержание действия или состояния. В таких случаях при переводе на русский язык часты трансформации:

Die Partei geriet in den Ruf der Korruption «партия была уличена / обвинена в коррупции»; *im Verdacht der Schönfärberei stehen* «подозреваться в приукрашивании действительности»; *die Frage des Sozialhilfemißbrauchs aufgreifen* «поставить вопрос о злоупотреблении социальной помощью»; *die Bewegung des Halsabschneidens machen* «сделать движение, как будто перерезаешь горло».

Как мы видим, в большом количестве случаев распространители именного компонента немецкого сочетания переводятся аналогичными лексико-грамматическими средствами русского языка. Но, в то же время, имеется множество случаев, когда происходят различные трансформации этих определений. Соответственно, в процессе обучения особое внимание необходимо уделять тем случаям, когда происходит полное изменение строения предложения или существует возможность выбирать из нескольких вариантов перевода, требующих разного построения переводного предложения.

Сопоставительный анализ показывает, что при наличии в русском языке нескольких вариантов соответствий для сочетаний с распространителями — определениями к субстантивному компоненту наиболее рациональным является выбор модели перевода аналогичным сочетанием, поскольку тогда возможно адекватно и без больших трансформаций отразить все компоненты исходного сочетания. Наглядным примером этому могут служить глагольно-именные сочетания, образующиеся по модели «*von + (Adjektiv) + Abstraktum + sein*» (*von Bedeutung / Interesse / Wichtigkeit sein*). Практически для всех из них возможны два варианта перевода: глагольно-именным предикативным сочетанием («*иметь значение, представлять интерес, являться редкостью*») или именным сказуемым с предикативом — прилагательным («*быть/являться важным, интересным, редким, действенным*»). Поскольку все данные сочетания немецкого языка могут содержать адъективное определение к компоненту-существительному, при выборе первого варианта перевода не возникает сложности в передаче данных определений, ср.: *von ganz anderer Wirkung sein* «*иметь совершенно другое воздействие*», *von zentraler Bedeutung sein* «*иметь центральное значе-*

ние», *von entscheidender Wichtigkeit sein* «иметь решающее значение». Выбор же второго варианта ставит проблему перевода данных определений в виде наречий, которые не всегда образуются от соответствующих прилагательных. Так, например, все сочетания с определением — прилагательным *groß* при переводе получают наречие *очень*: *von großem Interesse sein* «быть очень интересным»; если же это прилагательное стоит в сравнительной или превосходной степени, то появляется наречие *более* или *наиболее*: *von größter Bedeutung sein* «быть наиболее важным». В случае же с *von noch größerer kulturgeschichtlicher Tragweite sein* единственно адекватной будет первая модель перевода именно глагольно-именным сочетанием «иметь еще большее культурно-историческое значение».

Эта же закономерность верна и для сочетаний других моделей. Например, *zu der Erkenntnis kommen:... /, dass...* имеет два соответствия — «понять, осознать, что...» и «прийти к выводу, что...». Но в случае *Man kommt heute zu der erschreckenden Erkenntnis, dass...* перевод возможен только глагольно-именным сочетанием «прийти к пугающему выводу», а не «*пугающе осознать».

Наш материал показал, что для перевода на русский язык сложность часто представляют не более идиоматизированные, устойчивые глагольно-именные сочетания, не допускающие распространения именного компонента, а приближающиеся к свободным, обладающие значительными вариативными потенциями, способные включать разнообразные распространители при именном компоненте. По большей части это сочетания беспредложного типа, относительно статуса многих из которых долгое время велись споры, что грозило исключением из сферы внимания при составлении учебников и словарей как раз сочетаний, наиболее трудных для изучающих немецкий язык. Поэтому можно только приветствовать прослеживаемую в последние годы тенденцию к расширению критериев определения устойчивости исследуемых сочетаний. Так, например, в одном из наиболее популярных грамматических пособий выделяется два класса — *eigentliche oder lexikalisierte FVG* и *uneigentliche oder nicht-lexikalisierte FVG*, а также констатируется

отсутствие четкой границы между двумя группами и наличие целой шкалы переходов по степени лексикализации [Helbig/Buscha 2010: 85], что значительно расширяет возможности включения данных единиц в учебный материал при изучении грамматики немецкого языка.

Литература

- Богуславская 1996 — Богуславская И. В. Варьирование структуры глагольно-именных предикативных сочетаний // *Studia Linguistica* 3. Исследования по синтаксису и стилистике романо-германских языков. — СПб., 1996. — С.32–35.
- Богуславская 2015 — Богуславская И. В. Оценка подходов к сопоставительному изучению глагольно-именных сочетаний немецкого и русского языков // *Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития : материалы Междун. научно-практ. конф. (Красноярск, 10 нояб. 2015 г.)*. — Красноярск: ИЦРОН, 2015. — С. 100–102.
- Бурмистрова 1988 — Бурмистрова Е. Г. Структура и семантика группы существительного с ядром-девербативом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1988.
- Смирнова 1984 — Смирнова Т. Ю. Функционирование процессуальных существительных в различных синтаксических позициях (позиция подлежащего и позиция дополнения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1984.
- Helbig, Buscha 2010 — Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. — Langenscheidt, 2010.
- Schmidt 1968 — Schmidt V. *Die Streckformen des deutschen Verbums. Substantivisch-verbale Wortverbindungen in publizistischen Texten der Jahre 1948–1967*. — Halle/Saale, 1968. — S. 49–52.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОННОТАЦИЯ И ГРАММАТИКА

В статье показываются виды стилистической коннотации, возникающие при «альтернативном» употреблении целого ряда грамматических категорий и форм в определенных ситуациях речевого общения на немецком языке, а также анализируются разные аспекты их прагматических функций как речевых маркеров подобных ситуаций.

Ключевые слова: коннотация, грамматическое значение, непрямой модус значения, когнитивный компонент значения, прагматический компонент значения, коммуникативная ситуация, прагматическая альтернатива

Goncharova E. Stylistic connotation and the grammar. The article describes the types of stylistic connotations arising from the «alternative» use of a number of grammatical categories and forms in certain situations of spoken communication in German and explores different aspects of their pragmatic functions as the spoken markers of such situations.

Keywords: connotation, grammatical meaning, indirect modus of meaning, cognitive component of the meaning, pragmatic component of the meaning, communicative situation, pragmatic alternative

Коннотация, несмотря на достаточно длинную историю ее существования как объекта научного изучения в гуманитарных науках, в первую очередь, в философии и лингвистике, до сих пор продолжает оставаться предметом научных дискуссий. В многочисленных исследованиях, прямо или косвенно рассматривающих сложные отношения между смыслом и именем объекта чувственного или рационального познания, выдвигаются неоднозначные мнения по поводу сути и определения коннотации как таковой, а также оттенков дополнительных значений и речевых функций ее отдельных видов.

В широком смысле под коннотацией понимается «особый непрямой модус значения, уровень вторичных означаемых, надстраивающийся над прямым денотативным значением слова» [НФС 2007: 239]. Этот «непрямой модус значения», или некое дополнительное значение языковой единицы, связан, как прави-

ло, с выражением сопутствующих экспрессивно-эмоциональных аспектов высказывания в разных формах познавательно-практической деятельности человека. При этом подобные значения либо остаются разовым (моментальным) явлением индивидуального семиозиса и выражением познавательно-речевого эгоцентризма отдельной языковой личности (окациональная коннотация), либо заимствуются другими членами языкового социума и постепенно закрепляются посредством процессов интерактивного речевого взаимодействия в национальном языковом сознании (узуальная коннотация).

Наряду с терминологическим обозначением «коннотация» в современной, прежде всего зарубежной, лингвистике используются его многочисленные синонимы. Среди них, например, такие как «релятивные свойства» слова (*Relationseigenschaften*), «неденотативный компонент» (*Nicht-Denotatives*), «вторичное кодирование» (*second encoding*), «прагмема» (*Pragmem*), «диагностический смысл слова» (*diagnostischer Wert der Zeichen*), «знание II» (*Wissen II*) и др. [Lerchner 1989: 177]. Как видим, во внутренней форме названных терминов содержится некая подсказка к тому, какие парадигматические аспекты номинативной единицы включаются авторами определений в понятие коннотации.

Кроме того, семантика приведенных обозначений опосредованно указывает на наличие в термине «коннотация» двух компонентов значения, которые на первом этапе рассмотрения можно квалифицировать в общем виде как *когнитивный* и *прагматический* типы. Здесь можно сослаться, в частности, на мнение М. В. Никитина, который отмечал, что наше языковое сознание «<...> представляет собой координированное единство прагматических и когнитивных структур. В эти структуры, вырастающие на наследственном базисе, укладывается и организуется собственный опыт индивидуума, тысячекратно обогащенный и скорректированный благодаря языку коллективным опытом человечества» [Никитин 2003: 89].

«Собственный опыт индивидуума», о котором пишет М. В. Никитин, не может не включать в себя и (прагматическое по своей сути) «предзнание» того, каким образом представитель определенной лингвокультуры, располагающий

определенными сведениями эмпирического, мировоззренческого, культурно- и социально-исторического характера, намеревается использовать в своей речевой практике, в разных коммуникативных сферах и ситуациях речевой деятельности известные ему (лексические и/или грамматические) значения языковых единиц.

Например, языковая личность, принадлежащая к немецкому социуму, осознает, какие дополнительные коммуникативно-прагматические оттенки содержат альтернативные формы приветствия и прощания в текстах письма: *Werte Kolleginnen und Kollegen; Sehr geehrte (Meine) Damen und Herren; Freundliche Grüße/Mit freundlichen (verbindlichen) Grüßen*, с одной стороны, и *Liebe Freunde; Hallo, Frau/Herr X; Hochachtungsvoll; Herzliche/beste Grüße; Mit herzlichen/besten Grüßen; Alles Liebe* — с другой. Первая группа обращений к читателю свидетельствует о более официальном или нейтральном типе отношений между адресатом и автором письма, в то время как вторая группа предполагает более доверительный и дружеский тон общения. Выбор неправильной формы приветствия или прощания, иными словами, незнание коннотативных оттенков, закрепленных в немецком языковом социуме за его названными вариантами, может стать причиной коммуникативного диссонанса между участниками письменного речевого общения.

Другой пример. Незнание человеком, изучающим немецкий язык как иностранный, того, что разный грамматический род (например, мужской и средний) одного и того же слова служит сигналом появления лексико-семантической оппозиции с отсутствием или наличием у слова дополнительного коннотативного смысла, может привести к неточностям в употреблении или переводе соответствующих слов. Так, в лексических оппозициях *der Ekel* — *das Ekel*; *der Wurm* — *das Wurm* слова мужского рода являются нейтральными, а среднего — разговорно-фамильярным оценочным обозначением определенного типа людей: *das Ekel* — (ugs. abwertend) *widerlicher, durch entsprechendes Verhalten unangenehm wirkender Mensch*; *das Wurm* — (fam.) *kleines, unbeholfen-hilfsbedürftiges [bemitleidenswertes] Kind, Wesen* [DUDEN-DUWB: 421; 1759].

Приведенные примеры подтверждают, что о коннотации языковых единиц мы говорим в тех случаях, когда у них есть «... свой “эмоциональный тембр”, свой “ассоциативный ореол”, ... некие экспрессивно-оценочные обертоны. Эти обертоны воспринимаются нами, но они не имеют своих знаков в речи, они накладываются на определенное семантическое содержание, образуя высказывание второго порядка» [Брандес 1990: 235–236]. Несомненно, прагматическое варьирование каких-то узуальных значений и связанное с этим появление эмоционально-экспрессивных и стилистических коннотаций касается в первую очередь лексических элементов языка, которые формируют предметно-атрибутивный фрагмент языковой картины мира, существующий в языковом сознании как отдельно взятой языковой личности, так и этнокультурного языкового социума в целом. Тем не менее, об определенном «непрямом модусе значения» можно говорить и в случае целого ряда грамматических (точнее, лексико-грамматических) явлений, к которому принадлежат и вышеприведенные примеры.

Как правило, такие грамматические явления (грамматические категории или отдельные формы внутри них, морфологические типы слова, синтаксические структуры и др.) образуют «альтернативные пары». Один из парных членов подобных альтернативных пар, как правило, стилистически нейтрален, то есть не содержит дополнительных коннотаций, а другой имеет дополнительный (коннотативный) смысл функционально-стилистического, социально-стилистического, эмоционально-оценочного, темпорально-стилистического или регионально-стилистического характера (Ср.: [Гончарова 2010: 153-168; Sandig 2006: 9–17]).

Немецкий грамматист П. Айзенберг пишет по этому поводу: «Das zeitweise Nebeneinander mehrerer Konstruktionen mit gleicher oder ähnlicher semantischer Leistung fordert zur Bewertung der Möglichkeiten im Sinne stilistischer Varianten heraus. Das gilt beispielsweise für den Gebrauch des Präteritums gegenüber dem Perfekt, es gilt für den Gebrauch des Genitivs gegenüber der Präpositionalgruppe und es gilt besonders für den Gebrauch des Konjunktiv II gegenüber dem Konjunktiv I oder anderen Alternativen wie der Um-

schreibung mit *würde*» [Eisenberg 1989: 131]. Похожие суждения находим и у других исследователей, прямо или косвенно занимающихся проблемами выражения стилистических коннотаций в грамматике.

Так, автор стилистической грамматики немецкого языка В. А. Жеребков отмечает, например, что «сверхдлинное и сверхкороткое предложения всегда экспрессивны — в первом случае за счет экспансии формы, а во втором — синтаксической компрессии; синтаксическое обособление всегда содержит выделительную эмфазу; отдельно стоящий полисиндетон создает впечатление большей эластичности, а асиндетон — отрывистости, чем в случае их продуманной комбинации» [Žerebkov 1988: 166] (перевод с нем. наш — *Е. Г.*).

Известный немецкий стилист Б. Совински сравнивает стилистический потенциал знаменательных частей речи (глагола, существительного, прилагательного) и считает, что они отличаются друг от друга «особым способом языкового представления мира» (*sprachliche Erschließung der Welt*) [Sowinski 1973: 191]. А журналист Б. Зик, написавший несколько книг о культуре речи на немецком языке, в одной из них, заголовок которой «*Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod*» уже сам по себе метонимически отражает заложенные в языке возможности альтернативности выражения разных смыслов, так говорит о стилистическом (коннотативном) потенциале имен существительных: «*Substantive haben Kraft, sie signalisieren Entschlossenheit und suggerieren Sachverstand. Substantive sind männlich, selbst wenn sie weiblich sind. Sie sind mächtig. Wer mitmischen will da oben, braucht Substantive. Viele. Am besten einen ganzen Koffer voll. Koffer kommen in Politikerkreisen immer gut an. Hinter Substantiven kann man sich auch gut verstecken. Wenn man selbst eigentlich keinen Plan hat oder im Zweifel ist, ob man die richtige Entscheidung getroffen hat, dann kann man seine Unsicherheit durch Errichtung eines Palisanderzauns aus Nomen geschickt verbergen*» [Sick 2005: 87–88].

Процитированный текст интересен в аспекте изучения коннотаций грамматических явлений не только по сути его содержания, но и по форме. Если мы сравним синтаксис этого журналистского текста с вышеприведенным фрагментом науч-

ного текста П. Айзенберга, то увидим, что «сверхкороткие предложения» у Б. Зика являются речевым сигналом «легкой» доверительной «беседы», имитирующей форму устного диалога журналиста со своими читателями на серьезную тему, которую он сознательно выбирает.

Это лишний раз подтверждает, что *альтернативность* как таковая, то есть необходимость *выбора* между двумя или несколькими возможными вариантами (лексического и грамматического) выражения в речи смыслов, нужных человеку в конкретной *ситуации*, постоянно сопровождает его когнитивную и коммуникативную деятельность. При этом вопрос «Как сказать?», (осознанно или неосознанно) возникающий у речевого субъекта при формулировании речевого высказывания, может быть связан с альтернативой (1) «правильного» — «неправильного» или (2) «общепринятой нормы» — «вариативности/модификации». В этом случае основу альтернативного выбора между лексическими единицами и грамматическими структурами определяют особенности соответствующей языковой системы и речевой деятельности этнокультурного и языкового социума как целостного пользователя языка.

Так, В. Г. Адмони отмечает, что любая синтаксическая структура имеет «основное, само по себе внеситуативное содержание, его предикативное отношение» [Адмони 1994: 48], которое соответствующим образом выражается в конкретном языке. Наряду с этим во всех языках мира представлены те или иные формы, встраивающие предикативные отношения «... в систему ситуативных координат, иногда разрастающихся до чрезвычайности и начинающих участвовать в самом структурном принципе организации предложений» [Адмони 1994: 48]. Если воспользоваться примером предложения на русском языке, приводимым В. Г. Адмони: «Таня хорошая девочка», то правильная и нормативная форма подобного оценочного суждения, избираемая говорящим на немецком языке, будет выглядеть как: «Tanja ist ein gutes Mädchen», поскольку грамматическая норма этого языка не допускает элиминирования глагольной связи в именном сказуемом. Представленный вид альтернативности, перед которым стоит представитель русского или немецкого со-

циума, не связан с коннотацией как «релятивным свойством» языковой единицы, или «знанием П» (см. выше), он отражает закрепленное в языковом сознании русско- или немецкоговорящих и системе языка знание о закономерностях нормативного выражения в оценочном суждении предикативного отношения между грамматическим субъектом и предикатом.

В то же время в данном оценочном суждении, будь то русский или немецкий язык, для речевого субъекта существует «<...> некая причинность, побуждающая его произнести определенное высказывание, — причинность самая многообразная, начиная от внешних практических задач, кончая смутными душевными движениями» [Адмони 1994: 28]. Эта причинность вытекает из коммуникативно-прагматической *ситуации* речевого общения и касается личных — прагматически, а также стилистически обусловленных — потребностей и интенций ее участников. Так, предложение «Tanja ist ein gutes Mädchen» как ситуационно и прагматически детерминированная синтаксическая структура может быть произнесено мамой девочки в качестве похвалы ребенку за ее хорошее поведение и поощрения к дальнейшим поступкам, или самой Таней в форме свойственной эгоцентрической детской речи самооценки (Ср.: [Адмони 1994: 47]). Не исключена и ситуация, в которой это суждение может содержать ироническую (отрицательную) оценку не вполне хорошего поведения девочки, дополнительным сигналом которой станут соответствующая интонация и невербальные средства (выражение лица, жесты).

Подключение *ситуации* к грамматическому анализу предложений добавляет к их рассмотрению в качестве синтаксических структур с определенным типом предикативного отношения прагматического и лингвостилистического аспектов, которые, в свою очередь, свидетельствуют о превращении предложения в высказывание. В ряду «предложение — высказывание» предложение тем самым предполагает и наличие определенной синтаксической конструкции предикативного отношения, и использование этой конструкции в речи, в то время как высказывание представляет собой чисто функционально-речевое явление (Ср.: [Москальская 1981: 16]).

Коннотация — как «прагмема», связанная с интенциональным, эмоционально-психическим и функционально-стилистическим планом формулирования речевого смысла, относится и к предложению и к высказыванию. Она присутствует в предложении в качестве его *потенциального*, а в предложении как высказыванию — *актуального* прагматического и/или стилистического элемента. В основе ее актуализации в речи лежит насыщение предложения дополнительным смыслом, связанным с осознанием субъектами речевой деятельности и общения необходимости взаимопонимания между двумя сторонами коммуникации в конкретной ситуации. Например, в каждом из предложений нижеследующего ряда, если их рассматривать как реализацию определенных (альтернативных) типов высказывания, содержатся стилистические коннотации, создающие «высказывание второго порядка» (см. выше), или речевой смысл высказывания:

Rauchen nicht gestattet.

Hier ist glücklicherweise die schreckliche Raucherei nicht erwünscht.

Hier hat wieder einmal jemand etwas dagegen, dass man sich ein Stäbchen ansteckt.

Ich mache Sie darauf aufmerksam, dass hier nicht geraucht werden kann.

Lass gefälligst das Rauchen sein!

Коннотации вырастают из функционально-семантического потенциала грамматических форм и синтаксических конструкций, а также коммуникативно-прагматических обстоятельств их использования. Они являются маркером речевой ситуации, включая медиальную (устную или письменную) форму общения и функционально-стилистическую сферу, а также интенцию речевого субъекта высказывания в зависимости от его экспрессивного отношения к общей для всех высказываний теме курения. Всем высказываниям свойственна и контекстуальная коннотация «диалогической проекции», иными словами, прагматическая

установка на другого участника общения с особым характером воздействия на него (нем. Partnerbezogenheit).

Это отличает приведенные фразы от (достаточно редких) высказываний, в синтаксической форме которых имплицирована коннотация «автообращенности» речевого субъекта к самому себе (нем. Sprecherbezogenheit). К ним можно отнести, например, такие восклицания как: *Großartig! So eine Überraschung! Klasse! Schönes Wetter heute! So ein Mist! Schon wieder 'ne Laufmasche!* и др. В основе коннотаций подобных, как правило, односоставных синтаксических структур лежит момент эмоционально-экспрессивной (положительной или отрицательной) качественной оценки собственных или чужих действий и коммуникативной ситуации в целом.

Однако, как известно, речь чрезвычайно редко исчерпывается единичным высказыванием, как это происходит в наших примерах, хотя и в этом случае выявление совокупности коннотаций, то есть речевого смысла единичного высказывания, позволяет говорить о нем как о тексте. Речевая деятельность человека организуется, как правило, цепочками предложений, которые интенционально, ситуационно, структурно, семантически и тематически соотнесены между собой, то есть в (протяженных) текстовых целых. Текст создает оптимальные условия для проведения двух основополагающих лингвостилистических операций: *селекции* и *комбинации* элементов формы и содержания, с помощью которых создается «модус речевого формулирования», или стиль (см. [Гончарова 2012: 10–33]), являющийся одним из неотъемлемых компонентов речевого смысла. Операции селекции и комбинации превращают «потенциальные» коннотации отдельных предложений и других лексико-грамматических явлений автором текста в «реальные» сигналы речевого смысла текста. Их «разгадывание» помогает читателю выявить не только принципиально важные информационно-тематические элементы этого смысла, но и особенности актуализации «образа автора» в модусе речевого формулирования, или стиле текста.

С одной стороны, лингвостилистические операции селекции и комбинации не могут производиться речевым субъектом исключительно произвольно. Он почти всегда испытывает в про-

цессе производства текста «давление», прежде всего, со стороны системы языка, предоставляющей ему лексико-семантические и лексико-грамматические варианты, которые почти всегда находятся в отношениях неполной, или относительной, синонимии и допускают ту или иную степень семантических приращений, переосмыслений и трансформаций. Далее, отбор языковых средств и способы их комбинирования в целостной текстовой структуре не могут не зависеть, как уже неоднократно отмечалось, от коммуникативной ситуации и планируемой цели речевого общения.

С другой стороны, как справедливо отмечает известный немецкий исследователь Г. Вайнрих, каждый текст представляет собой сугубо индивидуальное «мнение» его автора об одном из фрагментов мира, которое, во-первых, не совпадает абсолютно с «мнением» других и, во-вторых, не может быть передано изолированным/-и словом/-ами. Мы знаем, например, как много граней смыслов имеет концепт «любовь». Но при этом в большинстве языков есть только одно слово для означивания тысяч разных форм любви на фоне тысячи высказываний о ней («... gegenüber der tausendförmigen Liebe gibt es nicht nur das eine Wort "Liebe", sondern auch tausend Sätze um die Liebe») [Weinrich 2000: 22]. Иначе говоря, если значение слова «любовь» постоянно, то мнения о «любви» всегда отличаются друг от друга. В этом смысле предложение, и особенно предложение, погруженное в определенный контекст, является мостом между «значением» и «мнением» («Der Satz ist die Brücke zwischen Bedeutung und Meinung»). И, по остроумному замечанию Г. Вайнриха, «мы не рабы слов, потому что мы властелины текстов» («Wir sind nicht Sklaven der Wörter, denn wir sind Herren der Texte») [Weinrich 2000: 24].

При рассмотрении вопросов выражения коннотаций грамматических форм и структур важно учитывать, далее, то, что как целостное композиционно-смысловое произведение текст позволяет автору проявить речевую креативность — прежде всего, с помощью синтактико-стилистических фигур (часто называемых «риторическими фигурами»). Под ними понимаются специальные синтаксические конструкции, усиливающие экспрессивную

выразительность и изобразительность речи. Это, например, фигуры сопоставления и противопоставления (перечисление, антитеза, хиазм, оксюморон), фигуры повторности, лексико-грамматической компрессии и детализации, позиционного выделения и др. Высокая степень коннотативности, присущая синтактико-стилистическим фигурам, создается не только их структурными особенностями, но и лексико-семантическим составом. Опираясь на точку зрения В. Г. Гака, можно сказать, что в них синтезированы семантическая синтаксиса и синтаксичность семантики [Гак 1998: 272].

Итак, интерпретация стилистических коннотаций грамматических явлений в языке и речи представляет для лингвистов определенную трудность, которая обусловлена, во-первых, латентностью, релятивностью и подвижностью самих коннотаций как «высказываний второго порядка» и, во-вторых, необходимостью различения в тексте высказывания двух планов: плана содержания и плана дискурсивно-речевого смысла. План содержания напрямую соотносится с речевыми реализациями лексико-грамматических и синтаксических значений используемых (в высказывании) языковых средств. Дискурсивно-речевой смысл языковых средств коммуникации включает помимо содержания ситуативную, контекстуальную, стилистическую информацию и требует при своем изучении выхода за границы предложения и высказывания как дискретных языковых и речевых единиц.

Литература

- Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. — СПб: Наука, 1994.
- Брандес 1990 — Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1990.
- Гак 1998 — Гак В. Г. Использование идеи симметрии / асимметрии в лингвистике // Языковые преобразования. — М.: Языки русской культуры, 1998.
- Гончарова 2012 — Гончарова Е. А. Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное триединство / Текст — дискурс — стиль в немецкой этнокультуре. — СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012.
- Москальская 1981 — Москальская О. И. Грамматика текста. — М.: Высшая школа, 1981.

- Никитин 2003 — Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. — СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- НФС 2007 — Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. ред. и сост. А. А. Грицанов. — Минск: Современный литератор, 2007.
- DUDEN-DUWB — DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch. — Mannheim: Dudenverlag, 1989.
- Eisenberg 1989 — Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. — Stuttgart: Metzler, 1989.
- Lerchner 1986 — Lerchner G. Semantische Struktur, pragmatische Markiertheit und (stilistische) Gebrauchspräferenz lexisch-semantischer Einheiten // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Heft 2, 1986. — S. 176–198.
- Sandig 2000 — Sandig B. Textstilistik des Deutschen. — Berlin: Walter de Greyter, 2000.
- Sowinski 1973 — Sowinski B. Deutsche Stilistik. — Frankfurt am Main: Taschenbuch Verlag, 1973.
- Weinrich 2000 — Weinrich H. Linguistik der Lüge. — München: Beck, 2000.
- Žerebkov 1988 — Žerebkov V. A. Deutsche Stilgrammatik. — М.: Высшая школа, 1988.

ИГРА С ГЕНДЕРНЫМИ СТЕРЕОТИПАМИ ИЛИ СЕКСИЗМ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ?

В статье рассматривается использование гендерных стереотипов в немецкоязычных рекламных текстах, описываются разные стратегии представления традиционных образов мужчины и женщины, интерпретации их ролей, описываются случаи проявления сексизма в рекламе и способы игры с существующими в обществе гендерными стереотипами в рекламных текстах.

Ключевые слова: рекламный текст, гендерный стереотип, языковая игра.

Guz M., Pigina N. Play on gender stereotypes or sexism in advertisements?

The article sheds the light upon the use of gender stereotypes in German advertisements, describes three strategies for presenting traditional male and female images and interpreting their roles as well as the manifestations of sexism in advertisements and the ways to play with the gender stereotypes in advertisements existing in the society.

Keywords: advertisement, gender stereotype, play on words.

Под гендерными стереотипами, как известно, понимаются представления об образе мужчины-женщины, об их социальных ролях и поведенческих моделях в данном обществе. Традиционные гендерные стереотипы мужчине приписывают активное начало, он — кормилец, добытчик, создатель, женщине приписывается пассивное начало, она — хранительница домашнего очага, существо слабое, нуждающееся в поддержке и руководстве со стороны мужчины. Поддержание и распространение в обществе традиционных гендерных стереотипов принято считать проявлением сексизма.

Так, словарь иностранных слов русского языка сексизм определяет как «дискриминацию по полу, преимущественно по отношению к женщинам (при приеме на работу, в оплате труда и т.п.), а также вообще проявление пренебрежительного отношения к женщине. [Крысин 2014: 306]

Авторы политического толкового словаря под сексизмом понимают «практику господства над женщинами». В словарной

статье отмечается, что сексизм поддерживается разными способами, в том числе словоупотреблением и визуальными ассоциациями. [Политика 2001].

На формирование ценностей личности, ее представлений о роли мужчины и женщины, об их взаимоотношении оказывают влияние, в том числе, и рекламные тексты. Рекламные тексты, в которых мужчинам и женщинам приписывают традиционные стереотипные гендерные свойства, в которых ставится под сомнение равенство мужчин и женщин, в которых женщина ставится в зависимое от мужчины, подчинительное по отношению к нему положение, либо выступает в декоративной функции, принято считать сексистскими (см., например, статью Tea Рютц [Rytz 2009]).

Сексистская реклама вызывает бурную реакцию общества. В немецкоязычных странах существуют специальные независимые организации, целью которых является общественный контроль над рекламными кампаниями. Эти организации занимаются среди прочего и рекламными текстами на предмет содержания в них оскорбительных для женщины изображений, слоганов и т. п. В Швейцарии это *Lauterkeitskommision* (Комиссия по этике), в Германии — *Deutscher Werberat* (Немецкий Совет по рекламе), в Австрии — *Werberat* (Совет по рекламе).

Кроме того, роль женщины в (немецкоязычном) обществе в последние десятилетия претерпела значительные изменения. Здесь также необходимо отметить деятельность представителей феминистской лингвистики, проводимую ими целенаправленную работу по устранению гендерной асимметрии в языке и речи, что оказало влияние на изменение сознания немцев. Исследователи гендерных стереотипов констатируют таким образом появление определенных сдвигов в презентации мужских и женских образов. Интересной в этой связи представляется статья И. О. Ситниковой, которая, исследуя отражение сказанного выше в словарных дефинициях, приходит к выводу, что в словарях сочетаемости издательства Дуден изданий 1970 г., 1988 г. и 2010 г. «прослеживается планомерное разрушение стереотипа об активности мужского пола», снижается «количественная диспропорция мужских и женских

образов, а также заметно уменьшается степень выраженности стереотипов об активности и интеллектуальном превосходстве мужчин» [Ситникова, Вабищевич 2015: 121].

Нам представляется, что подобные изменения должны затрагивать и рекламные тексты, то есть процент сексистской рекламы, содержащей традиционные гендерные стереотипы, под давлением общественности и под влиянием современных тенденций развития общества и языка должен становиться меньше, однако, исследуемый материал свидетельствует об обратном: спектр рекламных текстов, в которых мужчины и женщины выступают в традиционные гендерных ролях, довольно широк.

Так, компания ОБИ запустила целую рекламную серию: на одном рекламном плакате изображен мужчина, строящий дом, изображение сопровождается слоганом, представляющим собой ряд из трех инфинитивов: *aufbauen — einrichten — einziehen!* На следующем — мужчина, собирает бассейн, изображение сопровождается слоганом из трех звукоподражательных междометий *ritsch — ratsch — platsch*, каждое из которых относится к одному из действий, изображенных на плакате: разрезание коробки с бассейном, сборка бассейна и купание в бассейне. На других рекламных плакатах изображена женщина в окружении цветов и слоган, состоящий из трех инфинитивов, семантика которых не предполагает тяжелого физического труда: *gucken — finden — freuen*. Вклад женщины в обустройство дома сводится к выбору цветов. Еще на одном плакате этой же серии женщина ухаживает за цветами, слоган этой рекламы также представляет собой ряд из трех инфинитивов: *gießen — spritzen — genießen!* Визуальный ряд и рекламный текст серии рассматриваемых плакатов акцентируют внимание на том, что мужчина занимается сложной, физически тяжелой работой, созидает, при том, что компания ОБИ сделала эту деятельность максимально комфортной для мужчины, а женщина совершает действия, направленные на создание уюта и комфорта, то есть ее цель — способствовать созданию эстетического наслаждения, радоваться и радовать окружающих, что подчеркивает семантика глаголов *genießen* и *freuen*.

На игре с традиционными гендерными стереотипами построена реклама часов фирмы IWC. В ее рекламных текстах от-

существуют изображения людей, на картинке изображены только часы, всю смысловую нагрузку берет на себя слоган, представляющий собой эллиптические предложения, в которых пропущено подлежащее (и связка — в первом предложении): *Fast so schön wie eine Frau. Tickt aber richtig*. Подлежащее реконструируется на основании визуального образа — *die Uhr*. Необходимо отметить, что в рекламных текстах, за исключением эпатажных или шокирующих, женщина всегда изображается молодой и красивой, этот же образ используется и здесь (*fast so schön*), причем сравнение подчеркивает, что хотя рекламируемый товар по своему внешнему виду и не может соперничать с женщиной, но «работает» значительно лучше ее. Кроме этого, в данном слогане можно наблюдать языковую игру со значениями глагола *ticken*. Основное значение этого глагола — производить короткий звук через равные временными отрезки («тикать»). Но этот глагол имеет также разговорную стилистическую окраску в значении «думать и действовать» и фамильярную в значении «соображать», то есть в этих двух значениях может применяться по отношению к антропониму: *ticken* — 1. in [schneller] gleichmäßiger Aufeinanderfolge einen kurzen, hellen [metallisch klingenden] Ton hören lassen, 2. (umgangssprachlich) denken und handeln, 3. (salopp) begreifen, verstehen [DUDEN].

Таким образом принижается образ женщины, поддерживается стереотипное представление об ограниченности женщины, о ее более скромных по сравнению с мужчиной умственных способностях, сравнение женщины с часами низводит ее неодоушевленной вещи, до уровня красивого, но неправильно работающего механизма.

Еще один рекламный текст этой фирмы построен по принципу лексико-синтаксического параллелизма с рассмотренным выше примером: *Fast so kompliziert wie eine Frau. Aber pünktlich*. Текст намекает на «сложность» женщины, но подчеркивает преимущество рекламируемого товара (часов) перед ней, часы никогда не опаздывают. Следующий слоган данной фирмы: *Fast so schön wie eine Frau. Kostet aber nur einmal Geld*. В данном рекламном тексте женщина уже имплицитно сравнивается с вещью, которую можно купить, при этом подчеркивается отличие жен-

щины от вещи: хорошая вещь покупается только один раз, женщина же требует все время новых и новых вложений. На языковом уровне противопоставление часов и женщины осуществляется на уровне синтаксиса парцелляциями с противительным союзом *aber*, усиливающими рему.

Таким образом, часть рекламных текстов фирмы IWC создает образ красивой, но капризной и дорогой (в негативном смысле этого слова) женщины, закрепляет в сознании реципиента традиционные представления о женских слабостях и пороках.

Другая часть рекламных текстов фирмы IWC не содержит эксплицитных упоминаний о женщинах, закрепление традиционной женской роли в обществе (ограничение ее домашними заботами) происходит на уровне подтекста: *Untertauchen ist Männersache*. Или: *Scheibenputzen ist Männersache. Bis 42 mm Durchmesser*. Первая часть этого слогана, кажется, опровергает устоявшийся стереотип (уборка и мытье окон — это женское дело), а во второй части указаны технические характеристики стекла, что свидетельствует о том, что речь идет о часовом стекле, соответственно происходит переосмысление первой части слогана: мужское дело — протирать стекло своих часов, но не более того. На «опровержении» устоявшегося гендерного стереотипа построен и следующий рекламный слоган: *Männer verdienen mehr als Frauen. Zum Beispiel eine IWC*. Ироничный подтекст создается за счет игры слов с двумя значениями глагола **verdienen**: 1. *als Entschädigung für geleistete Arbeit in Form von Lohn, Gehalt, Honorar o. Ä. erwerben*; 2. *einer bestimmten Reaktion, Einschätzung o. Ä. wert, würdig sein; einer Sache aufgrund seines Verhaltens zu Recht teilhaftig werden* [DUDEN]. С одной стороны, первая часть слогана подтверждает стереотип, что при равных позициях заработная плата мужчин больше, чем у женщин. Вторая часть слогана актуализирует второе значение глагола — мужчина достоин большего, чем женщина, то есть рекламируемых часов. При этом имплицитно заявлено, что компания IWC не производит женские модели часов, а что женщина не достойна этих часов.

Этот же прием лежит в основе следующего слогана: *Für alle, die sich rasieren. Im Gesicht*. Первая часть этого слогана имплицитно подразумевает псевдоравноправие мужчин и женщин за счет упо-

требления местоимения *alle* и глагола *rasieren*: *mit einem Rasierapparat oder -messer von Haaren befreien* [DUDEN]. Однако изолированное обстоятельство места сужает круг потребителей, обозначенных местоимением *alle*, до мужчин и актуализирует другое значение глагола *rasieren*: *bei jemandem, sich selbst die Barthaare mit einem Rasierapparat oder -messer unmittelbar an der Oberfläche der Haut abschneiden* [DUDEN]. Тот же глагол используется и в другом слогане: *Die erste IWC für rasierte Beine*. Создается впечатление метонимического обозначения женщин, для которых наконец-то была создана женская модель часов. Однако в тексте, набранном мелким шрифтом, речь идет о велогонках Tour de Suisse и Tour de France и о велогонщике Яне Ульрихе (Jan Ullrich), с которым у компании IWC был подписан рекламный контракт. Как известно, спортсмены-мужчины по гигиеническим и эстетическим причинам удаляют волосы на открытых участках тела. Таким образом, при дальнейшем чтении текста становится ясно, что метонимия используется не по отношению к женщинам, а по отношению к мужчинам-спортсменам.

Подобный эффект «обманутого ожидания» с использованием метонимического образа используется и в слогане *Passt auch zu Röcken. In Schottland*. В первой части слогана имплицитно женщины, традиционной одеждой которых являются юбки. Однако вторая часть слогана ограничивает круг лиц, которые носят юбки, шотландскими мужчинами.

Два других слогана этой фирмы однозначно вычеркивают женщин из числа клиентов: *Neu auch in Gelbgold für Frauen nicht erhältlich* и *Für Passagiere ohne Beautycase*. Если в первом слогане женщины эксплицитно вычеркнуты из числа клиентов, так как для них не производятся модели часов, то во втором используется перифраз — пассажиры, у которых нет кейса для косметики — это явно мужчины. И здесь снова имплицитно используется традиционное представление о женщине, уделяющей большое внимание своему внешнему виду и использующей большое количество косметики, для которой нужен специальный чемоданчик, а не маленькая косметичка.

Неудивительно, что рекламная кампания фирмы IWC была неоднозначно воспринята общественностью и вызвала волну

обращений с жалобами на рекламный текст со слоганом *Fast so kompliziert wie eine Frau. Aber pünktlich*. в Швейцарии в Комиссию по этике и в Австрии в Совет по рекламе. В решении Совета по рекламе в Австрии отмечалось, что подавшие жалобу женщины чувствуют себя дискриминированными, поэтому данная рекламная кампания должна быть прекращена (см. решение на сайте Совета по рекламе [Werberat]). Швейцарская Комиссия по этике жалобу отклонила и приняла решение, что реклама IWC не направлена против женщин (*nicht frauenfeindlich*), так как представители фирмы IWC смогли доказать, что слоган имеет ироничную окраску (см. решение Комиссии на сайте [Lauterkeitskommission]), что послужило поводом для создания следующего рекламного текста: *Die Lauterkeitskommission hat entschieden: Die IWC-Werbung ist nicht weiberfeindlich*. Слоган построен на эффекте обманутого ожидания: первая его часть содержит констатацию факта, апеллирует к влиятельному и авторитетному органу, вторая — официальное заявление этого органа, но использование во второй части лексемы *weiberfeindlich* вместо *frauenfeindlich* приводит к очередному принижению роли женщины. Лексемы *Frau* и *Weib* имеют общее понятийное ядро — лицо женского пола, но при этом лексема *Weib* имеет дополнительные стилистические коннотации, в том числе разговорную и пейоративную и означает женщину как объект сексуального желания или неприятное лицо женского пола: *Weib: 1. (veraltend) Frau als Geschlechtswesen im Unterschied zum Mann; (umgangssprachlich) [junge] Frau als Gegenstand sexueller Begierde, als [potenzielle] Geschlechtspartnerin; (abwertend) unangenehme weibliche Person, Frau; 2. (veraltet) Ehefrau [DUDEN]*.

Таким образом, фирма IWC строит свою рекламную кампанию на игре с традиционными гендерными стереотипами, открытым остается вопрос: являются ли данные рекламные тексты сексистскими или это своеобразная «игра» с искусственным реципиентом, который в состоянии распознать игру с ролевыми стереотипами и обладает достаточными фоновыми знаниями для правильной интерпретации контекста.

Так, дискуссия со швейцарским политическим деятелем Морицом Лойенбергером, большим поклонником часов марки

IWC, не одобравшим рекламную кампанию фирмы, привела к созданию плаката со следующим текстом: *Unikat für Moriz Leuenberger: Das erste politisch korrekte IWC-Plakat*. На эту дискуссию сам М. Лойенбергер ссылается в речи на 77 собрании членов объединения «Швейцарская реклама» (77. Mitgliederversammlung der Schweizer Werbung SW/PS): «Etwas völlig anderes ist die Manipulation mit falschen Angaben. Das steht nicht zur Diskussion, und ist der Werbung nicht generell zu unterschieben, denn unlautere Methoden gibt es überall, auch in der Politik, der Wirtschaft, den Medien. Doch was ist eine falsche, was eine richtige Angabe? Die Unterscheidung ist besonders dann schwierig, wenn Witz oder Ironie im Spiel sind, wenn also ein unmöglicher, übertriebener, genau genommen also ein falscher Sachverhalt dargestellt wird, um eine positive Wertung zu suggerieren. Das Spiel mit dem falschen Sachverhalt, muss für die Angesprochenen erkennbar sein, denn nur dann ist es Ironie. Wird das Spiel nicht erkannt, reduziert es sich auf eine Unwahrheit oder die Aussage wird wörtlich so verstanden, wie sie geäußert wird. Hier bewegt sich Werbung oft im Grenzbereich, und ich habe vor einiger Zeit mit der Werbefirma der IWC einen Briefwechsel darüber geführt, ob ihre Kampagne sexistisch sei oder erkennbarermaßen ironisch oder lustig. Ich selber finde das nicht. Aber ich weiss, das ist eine Frage des persönlichen Geschmacks. Über den lässt sich streiten, aber bitte nicht vor Gericht! [Leuenberger 2002].

На первый взгляд, кажется, что компания IWC соглашается с позицией оппонента, но мелким шрифтом на плакате написано: *So langweilig ist IWC-Werbung ohne die Ironie unserer männerfreundlichen, nicht frauenfeindlichen Schlagzeilen. Schliesslich gilt es, eine der letzten Männerbastionen zu verteidigen. Zugegeben, das ist politisch nicht immer ganz korrekt, aber sexistisch?* В этом тексте сформулирована основная позиция, последовательно реализуемая компанией IWC — уход от скуки и ирония, то есть игра с реципиентом. Необходимо отметить, что непосредственным реципиентом рекламных текстов, совершающим посткоммуникативное действие, а именно покупку часов, является достаточно обеспеченный человек, что в большинстве случаев предполагает в том числе и наличие хорошего образования, определенного кругозора и искушенности в подобного рода иг-

рах. Обращает на себя внимание употребление двух антонимичных определений для характеристики слоганов *männerfreundlich* и *frauenfeindlich* (второе определение употребляется с отрицанием *nicht*). В этом случае используется корректное стилистически нейтральное определение *nicht frauenfeindlich*. Ироничная фраза «*Schließlich gilt es, eine der letzten Männerbastionen zu verteidigen*» апеллирует к современной ситуации гендерного равноправия, в которой женщины вторгаются во все сферы, традиционные для мужчин, а не наоборот. В этой ситуации гендерного равноправия настоящих мужчин становится все меньше, и в двух следующих слоганах можно наблюдать игру с другим стереотипом — представлением о (сексуальном) меньшинстве как о лицах с нетрадиционной сексуальной ориентацией: *Wir machen Uhren für eine Minderheit. Männer. И Outen Sie sich als Mann*. В первом слогане меньшинством названы мужчины. Во втором слогане используется жаргонный глагол ***sich outen*** в повелительном наклонении со значением «публично признаться в гомосексуализме»: *1. jemandes homosexuelle Veranlagung (besonders die einer prominenten Person) ohne dessen Zustimmung bekannt machen 2. sich öffentlich zu seinen homosexuellen Veranlagungen bekennen [DUDEN]*, но в данном контексте значение глагола меняется на «публично признаться в принадлежности к настоящим мужчинам».

Гендерный стереотип используется и в рекламе фотоаппарата фирмы Panasonic. Так же как и в случае с часами IWC на вербальном уровне создается образ технически не очень одаренной женщины, которая не умеет обращаться с техникой: *Sicher nichts für Frauenhände. Außer beim Einpacken ins Geschenkpapier*. Единственное, что можно позволить женщине — это упаковка подарка.

Гендерный стереотип часто поддерживается не только на вербальном, но и на невербальном уровне. Реклама стиральных машин фирмы Bosch содержит изображение четырех моделей стиральной машины, выстроенных в один ряд и следующих за изображением женщины в переднике и с корытом. Рядом с каждой моделью машины стоит женщина, причем изображение ее с каждым разом становится крупнее, а женщина становится все более эмансипированной и деловой. Слоган: 125 лет эволюции. С одной стороны, картинка как раз показывает изменения, проис-

ходящие с женщиной в обществе, изменение ее образа и роли, с другой стороны, слоган, несомненно, оценивающий эволюцию стиральных машин, переносится и на образ женщины, так как, с точки зрения создателей этой рекламы, именно технический прогресс позволил женщине сэкономить время на ведении домашнего хозяйства и заняться своим саморазвитием, а не развитие самосознания и желания добиться успехов в обществе. Получается, что причина гендерного равноправия заключается именно в техническом прогрессе. Таким образом, мы можем говорить об игре с гендерным стереотипом в данном рекламном тексте.

В рекламе фирмы Krusiak изображена стиральная машина с открытой дверцей, рядом на коленях стоит женщина в нижнем белье, голова и плечи которой находятся в машине. Изображение обнаженной женщины в достаточно двусмысленной позе поддерживается слоганом *Haushaltsgeräte defect?* Таким образом, в данном рекламном тексте уже не видно игры с гендерным стереотипом, а можно говорить о его использовании, о построении рекламного текста на его основе, так как, с одной стороны, создается пейоративный образ женщины, неспособной разобраться в сложившейся ситуации, с другой — происходит так называемая объективация, то есть женщина рассматривается как объект сексуальных желаний мужчины.

Сексуальные мотивы появляются и в рекламе Fitnessland. Рекламный плакат изображает лежащую в нижнем белье молодую блондинку, а слоган гласит: *Mit der Figur brauch ich kein Abitur.* Вербальный компонент отказывает женщине в умственных способностях, в необходимости получать аттестат зрелости, дающий право на дальнейшее обучение в высшем учебном заведении, а невербальный неоднозначно намекает на другие сильные стороны женщины, что позволяет отнести данную рекламу к сексистской рекламе.

На изменения гендерных ролей и представлений о них в обществе в своей рекламной кампании активно реагирует европейская компания Sixt, оказывающая услуги проката автомобиля. Sixt в последнее время выпустила несколько рекламных текстов, построенных на опровержении традиционных гендерных стереотипов: *Blumen sind nett. Rasen ist geil.* Первая часть слогана, на первый взгляд,

поддерживает традиционное представление о женщине (женщина, наслаждающаяся цветами, то есть тот же самый мотив, который использован в рекламной кампании фирмы ОБИ), однако вторая часть слогана опровергает это представление. Слоган способствует закреплению нового образа женщины, которой доступны мужские занятия и удовольствия. На языковом уровне новый гендерный стереотип поддерживает языковой игрой с омонимами: глаголом *rasen* со значением «мчаться» и существительным *Rasen* со значением «дужайка, газон»: **rasen:** (*umgangssprachlich*) *sich* ([wie] *in großer Eile*) *sehr schnell fortbewegen; mit hoher Geschwindigkeit [irgendwohin] fahren; Rasen:* *dicht mit [angesätem] kurz gehaltenem Gras bewachsene Fläche (besonders in Gärten, Parks, Sportanlagen)* [DUDEN]. Эта языковая игра поддерживается и полисемией лексемы **geil**, которая имеет значение «сексуально возбужденный», «буьно растуций» (о растениях) и «отличный»: 1. (*oft abwertend*) *gierig nach geschlechtlicher Befriedigung, vom Sexualtrieb beherrscht, sexuell erregt*; 2. (*Landwirtschaft*) (*von Pflanzen*) [*allzu*] *üppig, aber nicht sehr kräftig wachsend; wuchernd; (Landwirtschaft) (vom Boden) fett, [zu] stark gedüngt*; 3. (*salopp*) *in begeisternder Weise schön, gut; großartig, toll* [DUDEN]. Первое значение реализуется в отношении сидящей за рулем женщине и манере ее быстрой езды, второе — по отношению к газонной траве, а третье — в оценке автомобилей и фирмы, сдающих их в аренду.

Еще один рекламный текст сопровождается слоганом: *Klar kann ich kochen. Wenn einer die linke Spur blockiert*. И этот рекламный текст показывает изменившуюся, современную женщину, сфера деятельности которой не ограничивается кухней, хотя она и умеет готовить (*kochen*), но она ведет активный образ жизни, связанный с большой скоростью (левый ряд). Игра с гендерным стереотипом, как и в предыдущем случае, сопровождается языковой игрой со значениями глагола **kochen**: 1. (*ein festes Nahrungsmittel*) *auf dem Herd, auf einer Feuerstelle o. Ä. durch Hitze in einer oder unter Zusatz einer Flüssigkeit gar werden lassen* u 2. (*umgangssprachlich*) *innerlich sehr erregt, wütend sein* [DUDEN]. Причем в этом же рекламном тексте изменяется и образ мужчины, вместо всегда правого и умного, он изображается, по крайней мере, нерасторопным, так как занимает левый ряд, нарушает правила дорожного движения.

Изменению образа мужчин способствует и следующий рекламный текст: *Der Mann an meiner Seite? Sitzt auf dem Beifahrersitz.* Слоган представляет собой модифицированное выражение *die Gattin an seiner Seite* [dwds.de]. Мужчина и женщина поменялись традиционными ролями, она сидит за рулем, она — ведущая, он — на пассажирском сиденье, он — ведомый. Все эти рекламные тексты сопровождается фраза в скобках *Starke Autos für starke Frauen — jetzt auch bei sixt.de.*

Sixt использует также образ мужчины в традиционной женской роли, но в ироничном ключе: на нескольких рекламных плакатах изображен мужчины в роли модели (в купальнике), который однако не обладает показателями модели (90-60-90). Слоган, сопровождающий изображение, гласит: *Wer braucht schon Top-Models, um dieses Top-Modell zu bewerben?* Игра с гендерным стереотипом поддерживается языковой игрой со вторым и третьим значениями глагола **bewerben**: 1. *sich um etwas, besonders eine Stellung o. Ä., bemühen*; 2. (*Kaufmannssprache*) *Werbung für etwas treiben*; 3. (*Kaufmannssprache*) *die Gunst von jemandem zu erringen suchen* [DUDEN] и с омонимами *das Model* со значением «*модель, манекенщица (Mannequin)*» и *das Modell* со значением «*модель, марка*» [DUDEN]. Изображение усиливает мысль, выраженную слоганом: не нужны самые лучшие модели для рекламы самой лучшей марки, их «расположения» можно добиться и другим способом. Другой слоган звучит следующим образом: *Bei dem Model ging was schief, dafür ist der Mietpreis attraktiv.* Рекламный текст иронизирует над обычной практикой: дорогие и красивые машины часто рекламируют красивые женщины, для рекламы машин фирмы Sixt не нужны дорогие, красивые модели, важна только стоимость аренды.

Таким образом, многие компании создают свои рекламные тексты, обращаясь при этом к традиционным гендерным стереотипам. При этом вербальный компонент может поддерживаться визуальным образом, а может и не поддерживаться, то есть актуализация стереотипа происходит на одном (вербальном) или на двух уровнях сразу. Использование гендерных стереотипов может происходить осознанно, то есть производитель товара строит свою рекламную кампанию, опираясь на традиционные пред-

ставления о мужчинах и женщинах в обществе, что, в свою очередь, способствует поддержанию и закреплению этих стереотипов в сознании реципиента. Часто такие рекламные тексты имеют уничижительную для женщины окраску, что говорит о проявлении сексизма в рекламе. В то же время это может быть игра с гендерным стереотипом, когда рекламный текст, на первый взгляд, поддерживает сложившийся стереотип, на самом же деле благодаря скрытой в нем иронии рекламный текст апеллирует к читателю, который сможет распознать эту игру. Рекламная кампания может также опровергать сложившиеся в обществе стереотипы, способствует созданию и закреплению в сознании реципиента нового, диаметрально противоположного старому образу (в первую очередь) женщины.

Литература

- Крысин 2014 — Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014.
- Политика 2001 — Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая ред.: д.э.н. Осадчая И. М. — М.: «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир», 2001.
- Ситникова, Вабищевич 2015 — Ситникова И. О., Вабищевич Е. С. Отражение гендерных стереотипов в словаре сочетаемости издательства Duden // *Studia Linguistica*. — Вып. XXIV. — СПб., 2015. — С. 114–122.
- DUDEN — <http://www.duden.de/rechtschreibung>
- dwds.de — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: <https://www.dwds.de>
- Leuenberger 2002 — Bundesrat Moritz Leuenberger. Der Staat macht (noch) keine Werbung: URL: <http://www.persoendlich.com/kategorie-werbung/bundesrat-moritz-leuenberger-zum-thema-der-staat-macht-noch-keine-werbung-237817> (дата обращения 07.02.2017)
- Rytz 2009 — Rytz Thea. Die schönen Monster. Wann ist die Werbung sexistisch. URL: http://pepinfo.ch/de/medien-materialien/Koerperbild/Werbung_Esstst-rungen_2009_final.pdf (дата обращения 09.02.2017)
- Lauterkeitskommission — Schweizerische Lauterkeitskommission: [электронный ресурс] URL: <http://www.faire-werbung.ch/?s=IWC>
- Werberat — URL: <http://www.werberat.at/beschwerdedetail.aspx?id=705>

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ И АСПЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СТАНДАРТЕ

Немецкий стандартный язык проявляет диатопическую вариативность на всех языковых уровнях. Грамматическим различиям, однако, которые гораздо менее заметны, до настоящего времени исследователи уделяли мало внимания. Эта статья посвящена проекту «Словарь грамматических вариантов стандартного немецкого языка» («Variantengrammatik des Standarddeutschen»). В контексте данного исследовательского проекта показано, какие типы грамматических вариантов обнаруживаются при сопоставлении немецкого стандарта Германии, Австрии и Швейцарии, а также при сравнении региональных стандартов.

Ключевые слова: стандартный язык, национальная вариативность, региональная вариативность, диатопическое измерение, морфологические варианты синтаксические варианты

Kochuk L. Grammatical variants and aspects of grammatical variation in the German language standard. The German standard language shows diatopic variation on all linguistic levels. Grammatical differences, however, are far less prominent and, to date, have received little attention from researchers. This article is devoted to the project »Regional Variation in the Grammar of Standard German« («Variantengrammatik des Standarddeutschen»). In the context of this research project, the article shows what types of grammatical variants are found as a result of comparing the German standard of Germany, Austria and Switzerland, and regional differences.

Keywords: Standard language, national variety, regional variety, diatopic dimension, morphological variants, syntactic variants

Вариативность языковых средств является неотъемлемым и фундаментальным свойством функционирования языковых систем. Процессы варьирования включают в себя, взаимодействуют или соотносятся с такими категориями как языковая дифференциация, языковая интеграция, членимость языка, которые, по оценке М. М. Гухман, относятся к уровню онтологических характеристик языка [Гухман 1977: 5].

Стабильность и вариативность образуют диалектическое единство, отражая корреляцию универсальных свойств всех естественных языков — статику и динамику.

Взаимосвязанность и взаимообусловленность вариантности и инвариантности подразумевает, прежде всего, соотнесенность вариантности и нормы как регулирующей силы; с другой стороны, и самой норме присуща вариантность выразительных средств в зависимости от выполнения коммуникативных задач. Вариантность, являясь характерной чертой литературной нормы, теснейшим образом связана с динамикой нормы.

Исследователи современного состояния немецкого языка едины во мнении, что представление о едином стандартном языке во всех немецкоязычных странах соответствует не лингвистической реальности, а лишь идеализированному конструкту («ein idealisiertes Konstrukt» — [Rimensberger 2014: 102]). Характерная для немецкого языка вариативность средств, обусловленная функционально-коммуникативными и социальными факторами, и своеобразие лингвистической ситуации в странах немецкой речи в разной степени проявляется на всех уровнях языковой системы. И если фонетико-графическая, лексическая и словообразовательная вариативность немецкого языка уже достаточно длительный период находятся в центре внимания вариантологии, то верификация и систематизация так называемых грамматических вариантов лишь недавно были заявлены как задача широкомасштабного международного научного проекта.

Грамматические правила и нормы обычно воспринимаются как нечто незыблемое и неизменное. В таком восприятии отражается один из традиционных подходов к грамматическому явлению, в соответствии с которым, грамматика представляет собой систему строго фиксированных правил, т. е. систему предписаний и норм. Такому нормативному подходу противопоставлен дескриптивный или описательный подход, который составляет основу исследовательского проекта, направленного на выявление и ареальное закрепление тех грамматических вариантов, которые встречаются в узусе на уровне языкового стандарта.

В публикациях немецких лингвистов отмечается, что, несмотря на множество грамматических справочников и исследо-

ваний, в них отсутствуют достоверные и корректные данные о принадлежности вариантных форм к стандарту и о том, в каком ареале они употребительны и могут быть причислены к региональному стандарту [Elspaß u.a. 2013: 47]. При этом грамматическая вариантность языкового стандарта является характерным признаком современного развитого культурного языка.

Грамматическая вариантность в пределах немецкого языкового стандарта может проявляться на уровне слова или языковых единиц, которые состоят из нескольких слов, т. е. группы слов или предложений. У отдельного слова она может обнаруживаться в существовании вариантных форм склонения, например, *die Entwicklung des Prototypen / des Prototyps* (Martin Businger Введение), спряжения: *glimmen, glomm, (glömmе) geglimmen — glimmte, geglimmt, salzen, du salzt / du salzest, salzte, gesalzen (gesalzt)*, множественного числа: *zehn Briefbögen oder zehn Briefbogen*, грамматического рода существительных: *die / das Mail*, управления предлогов: *wegen + Genitiv / wegen + Dativ*. К синтаксическим вариантам относятся, например: *wegen des Regens / weil es regnet* или: *Sie arbeiten den ganzen Tag / Den ganzen Tag wird gearbeitet*.

Имеющиеся на сегодняшний день немногочисленные кодификаторы грамматической вариативности, такие как *Zweifelsfälle-Duden* [Duden 2011], позволяют определить правильность и/или допустимость той или иной формы, однако, ориентируются, прежде всего, на предписывающие нормы правила. В то же время, реальное существование языка требует более гибкого подхода к разнообразию форм, в том числе грамматических.

Однако, по определению К. Дюршайд, существование внутренних грамматических различий языкового стандарта является «белым пятном» (“ein blinder Fleck”) в граматикографии немецкого языка [Dürscheid 2011: 129]. Разработчики проекта подчеркивают, что описательный, основанный на эмпирических данных, подход приведет к иным результатам в сравнении с подходом, который ориентирован на определенный свод правил и предписаний. При этом подчеркивается важность и необходимость дескриптивного подхода при изучении вариативности в

ареальном (диатопическом) измерении, т. е. при выявлении региональных особенностей вариантных форм. Существование единого для всех стран немецкоязычного ареала языкового стандарта уже давно оценивается лингвистами как утопия, не имеющая ничего общего с реальностью. Тем более насущной представляется потребность в систематизации грамматических вариантов, составляющих особенности соответствующего национального или регионального стандарта немецкого языка на грамматическом уровне. В качестве исходных для такого исследования примеров рассматриваются следующие:

Zugmitte / Zugsmittle

Störenfried / Störefried

die Parks / die Pärke / die Parke

Das Wetter ändert / Das Wetter ändert sich [Projektskizze].

Одной из первых на отсутствие полноценного издания, фиксирующего морфологические и синтаксические особенности немецкого стандарта Швейцарии, обратила внимание профессор Цюрихского университета Криста Дюршайд, которая еще в 2007 году в газете *Neue Zürcher Zeitung* выступила за создание «Грамматики национальных вариантов немецкого языка» («Variantengrammatik des Deutschen» — по аналогии с «Variantenwörterbuch des Deutschen» и в дополнение к нему) с целью кодификации ареальной дистрибуции грамматических вариантов [Dürscheid 2007]. В настоящее время возглавляемый К. Дюршайд проект по выявлению в полном объеме грамматических особенностей на уровне национальных и региональных стандартных разновидностей и составлению грамматического справочника на основе исследования большого корпуса газетных текстов из всех стран и регионов немецкоязычного ареала [Dürscheid 2014] находится на завершающем этапе. Описание целей, методов и основных идей проекта, а также опубликованные материалы уже сейчас позволяют оценить его уникальность и большой вклад в решение не только практических задач, но, безусловно, и в разработку фундаментальных проблем, стоящих перед немецкоязычной теоретической грамматикой.

Ключевыми для данного проекта являются следующие положения.

1. Данное исследование направлено на выявление грамматической вариативности стандартного (литературного) языка на основе обработки корпусов прессы Австрии, Швейцарии и Германии. Тем самым оно ограничивается письменной формой языкового стандарта и ориентировано на варианты надрегионального уровня, которые претендуют на статус языковой нормы в соответствующем регионе немецкоязычного ареала.

2. В центре внимания исследователей находятся грамматические структуры, которые действительно регулярно используются в письменной речи, что позволяет квалифицировать их как документально подтвержденные стандартные языковые варианты.

3. Фокус проекта направлен на диатопическую вариативность и систематизацию сведений об ареальном (территориальном) распределении стандартных грамматических вариантов.

4. Важной задачей проекта в сфере языковой политики является последующее признание нормативности и равноценности выявленных и кодифицированных в справочнике грамматических вариантов [Dürscheid 2001: 135–136].

Таким образом, основной целью проекта является выявление в газетном корпусе новых образцов грамматических вариантов и составление максимально полной картины разнообразия вариативных возможностей немецкого стандартного языка.

Исследование количественно и качественно богатого и разнообразного корпуса текстов позволяет выявить широкий диапазон грамматической вариативности следующих типов:

- морфологические варианты
- морфолого-синтаксические варианты
- синтаксические варианты

В диатопической плоскости грамматическая вариантность может характеризоваться региональной и национальной маркированностью, т. е. дифференциацией по территориальному (региональному) признаку, в частности, принадлежностью вариантов к северонемецкому или южнонемецкому региональному стандарту, или по признаку принадлежности к австрийскому или к германошвейцарскому национальному стандарту.

Региональная вариативность

В группе глагола наиболее ярким примером региональной вариативности является характерное для всего южнонемецкого ареала употребление глаголов состояния в формах перфект и плюсквамперфект с вспомогательным глаголом *sein* вместо характерного для северо- и средненемецкого регионов *haben*:

Ich bin gestanden / Ich habe gestanden

Данный вид вариантности проявляется в отношении глаголов *liegen, stehen, sitzen, hängen, knien, baumeln, kauern, lehnen, lungern, schweben, stecken* [Ebner 2008: 43].

К региональной южнонемецкой особенности, распространяющейся также и на Австрию и Швейцарию, можно отнести вытеснение претерита перфектом в качестве формы прошедшего времени как в диалогических, так и в монологических высказываниях.

Национальная вариативность

Прежде всего, обращают на себя внимание различия в управлении глаголов:

Германия	Австрия	Швейцария
<i>vergessen</i> Akk.	<i>vergessen auf</i> Akk.	<i>vergessen</i> Akk.
<i>anrufen</i> Akk.	<i>anrufen</i> Akk.	<i>anrufen</i> Dat.
<i>(ver)kaufen etw. für</i> Akk.	<i>(ver)kaufen etw. für</i> Akk.	<i>(ver)kaufen etw. um</i> Akk.
<i>hinausschauen zu (zum Fenster)</i>	<i>hinausschauen zu (zum Fenster)</i>	<i>hinausschauen bei (beim Fenster)</i>
<i>präsidieren</i> Akk. (<i>den Verein</i>)	<i>präsidieren</i> Akk. (<i>den Verein</i>)	<i>präsidieren</i> Dat. (<i>dem Verein</i>)
<i>versichern</i> Akk.	<i>versichern</i> Akk.	<i>versichern</i> Dat.
<i>jmdm. kündigen</i>	<i>jmdn. kündigen</i>	<i>jmdm. kündigen</i>
<i>anfragen bei</i> Dat.	<i>anfragen bei</i> Dat.	<i>anfragen</i> Akk.

Особенности употребления предлогов обнаруживаются также в грамматическом оформлении коллокаций и синтаксических структур:

Германия и Австрия	Швейцария
<i>j-n auf dem Laufenden halten\bleiben</i>	<i>j-n am Laufenden halten</i>
<i>Beitrag zu etw. leisten</i>	<i>Beitrag an etw. leisten</i>
<i>in Zahlung geben/setzen</i>	<i>an Zahlung geben/setzen</i>
<i>in Konkurs gehen</i>	<i>Konkurs gehen</i>
<i>in Augenschein nehmen</i>	<i>einen Augenschein nehmen</i>
<i>Kenntnisse, Fähigkeiten nachweisen</i>	<i>sich über Kenntnisse, Fähigkeiten ausweisen</i>
<i>den Zug nehmen; zum Zug gehen</i>	<i>auf den Zug gehen</i>
<i>mit bloßem Auge</i>	<i>von blossem Auge</i>

Германия и Швейцария	Австрия
<i>eine Prüfung in Biologie bestehen</i>	<i>Eine Prüfung aus Biologie bestehen/ablegen</i>
<i>etwas/j-n (Akk.) vergessen</i>	<i>auf etwas/j-n vergessen</i>
<i>in Urlaub fahren</i>	<i>auf Urlaub fahren</i>
<i>Vorbereitungen für etwas</i>	<i>Vorbereitungen auf etwas</i>
<i>für zwei Tage nach Berlin fahren</i>	<i>auf zwei Tage nach Berlin fahren</i>
<i>An der Uni war viel los.</i>	<i>Auf der Uni war viel los.</i>
<i>Alles liegt am Boden.</i>	<i>Alles liegt auf dem Boden.</i>
<i>Der Tisch steht am Fenster.</i>	<i>Der Tisch steht beim Fenster.</i>
<i>Zum Wochenende</i>	<i>Am Wochenende</i>
<i>Ich wollte zur Schule.</i>	<i>Ich wollte auf die Schule / in die Schule.</i>
<i>Am Mittag</i>	<i>Zu Mittag/ in der Mittagszeit</i>

Важной национальной особенностью является употребление глаголов с возвратной частицей *sich*. В Австрии наблюдается тенденция к более частому использованию данной частицы, в то время как в Швейцарии отмечается противоположная склонность к абсолютному употреблению глаголов:

Германия	Австрия	Швейцария
<i>sich rentieren</i>	<i>sich rentieren</i>	<i>rentieren</i> <i>Das Geschäft ren- tiert nicht mehr.</i>
<i>erwarten</i>	<i>sich erwarten</i> <i>Denn manchmal er- wartet sich der Kunde im Urlaub Ruhe und Frieden.</i>	<i>erwarten</i>
<i>sich ändern</i>	<i>sich ändern</i>	<i>ändern</i> <i>Das Wetter ändert. wie rasch die Dinge ändern</i>
<i>spielen mit etw.</i>	<i>sich mit etw. spielen</i>	<i>spielen mit etw.</i>
	<i>sich stellen auf etw.</i>	
<i>sich bessern</i>	<i>sich bessern</i>	<i>bessern</i>
<i>sich lehnen</i>	<i>sich lehnen</i>	<i>lehnen</i>
<i>sich einhängen</i>	<i>sich einhängen</i>	<i>einhängen</i>

К грамматической вариативности необходимо также отнести различные формы образования основных форм глаголов, т.е. использование сильного или слабого спряжения в зависимости от национального стандарта. Для швейцарского стандарта характерно сохранение сильного спряжения у следующих глаголов:

weben — *wob* — *gewoben*

speisen — *spies* — *gespiesen*

В австрийском стандарте встречаются вариативные формы:

schallten — *schallte/scholl*

hauen — *gehaut/gehauen* (*er hat die Arbeit hingehaut*).

В группе существительного к сферам широкого распространения вариантных форм относятся, в первую очередь, грамматический род существительных и образование множественного числа.

Многочисленные примеры межнациональных и региональных расхождений в роде существительным приводятся в словаре Variantenwörterbuch des Deutschen [VWB 2004: LXIII-LXXI], в частности: *der Drittel, der Prozent, das Kamin, der Match, das E-Mail* (ср. собст. нем. *das Drittel, das Prozent, der Kamin, das Match, die E-Mail*). При этом обращает на себя внимание внутренняя вариантность, характерная, прежде всего для немецкого стандарта в Австрии: *das* vs. *die E-Mail*; *das* vs. *der Spray*; *der* vs. *das Event*. (*das / der Abszess*), а также склонность австрийцев и швейцарцев к более частому использованию среднего рода, особенно в отношении заимствований.

При образовании множественного числа и австрийский и швейцарский стандарты проявляют тенденцию к использованию умлаута:

Единственное число	Множественное число	
	Германия	Швейцария
<i>Park</i>	<i>Parks / Parke</i>	<i>Pärke</i>
<i>Kragen</i>	<i>Kragen</i>	<i>Krägen</i>
<i>Bogen</i>	<i>Bogen</i>	<i>Bögen</i>
<i>Spargel</i>	<i>Spargel</i>	<i>Spärgeln</i>
<i>Departament</i>	<i>Departaments</i>	<i>Departamente</i>

Единственное число	Множественное число	
	Германия	Австрия
<i>Kasten</i>	<i>Kasten</i>	<i>Kästen</i>
<i>Kragen</i>	<i>Kragen</i>	<i>Krägen</i>
<i>Wagen</i>	<i>Wagen</i>	<i>Wägen</i>
<i>Polster</i>	<i>Polster</i>	<i>Pölster</i>
<i>Bogen</i>	<i>Bogen</i>	<i>Bögen</i>
<i>Pfropf</i>	<i>Pfropfe</i>	<i>Pfröpfe</i>
<i>Erläss</i>	<i>Erlässe</i>	<i>Erlässe</i>

Особенно пристальное внимание исследователей грамматической вариантности направлено на синтаксис и, прежде всего, на особенности порядка слов в простых и сложных предложениях [Dürscheid, Hefti 2006].

Германия, Австрия	Швейцария
<i>Es ist schön, dass Sie sich für die Rigi entschieden haben</i>	<i>Schön, haben Sie sich für die Rigi entschieden</i>
<i>Wir freuen uns, dass Sie sich zurück gemeldet haben.</i>	<i>Wir freuen uns, haben Sie sich zurück gemeldet.</i>
<i>Es kommt bereits zu ersten Ausschreitungen.</i>	<i>Bereits kommt es zu ersten Ausschreitungen.</i>
<i>Schade, dass du nicht früher eingetroffen bist.</i>	<i>Schade, bist du nicht früher eingetroffen.</i>
<i>Die Ämter sind bereits besetzt.</i>	<i>Bereits sind die Ämter besetzt.</i>
<i>Gut, dass es Bauern gibt.</i>	<i>Gut, gibt es Bauern.</i>

Приведенные примеры грамматических вариантов дают лишь предварительное и самое общее представление о масштабах и разнообразии явления грамматической вариативности немецкого стандарта в диалектологическом измерении. Несомненно, оно заслуживает того уровня и диапазона научного исследования, которые реализует глобальный международный проект, призванный верифицировать, статистически обосновать и систематизировать региональные и национальные различия немецкого языка в области морфологии и синтаксиса на основе актуальных газетных текстов и тем самым заполнить существующий на сегодняшний день пробел. Представленные в словаре-онлайн результаты исследования, бесспорно, не только принесут значительную пользу в деле языковой политики, но и станут эффективным инструментом для преподавания немецкого языка как иностранного.

Литература

- Гухман 1977 — Гухман М. М. Введение // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Отв. ред. В. Н. Ярцева, М. М. Гухман — М.: Наука, 1977. — С. 5–11.
- Duden 2011 — Duden: Richtiges und gutes Deutsch. Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. — 7., vollst. überarb. Aufl. — Band 9. — Mannheim, Wien & Zürich: Dudenverlag, 2011.
- Dürscheid 2007 — Dürscheid Chr. Ist Standarddeutsch in der Deutschschweiz eine Randerscheinung? // Neue Zürcher Zeitung, 16.01.2007.
- Dürscheid, Hefti 2006 — Dürscheid Chr., Hefti I. Syntaktische Merkmale des Schweizer Standarddeutsch. Theoretische und empirische Aspekte // Dürscheid Ch. / Businger M. (Hg.): Schweizer Standarddeutsch. Beiträge zur Varietätenlinguistik. — Tübingen: Narr, 2006. — S. 131–161.
- Dürscheid 2011 — Dürscheid Chr., Elspaß St., Ziegler A. Grammatische Variabilität im Gebrauchsstandard: das Projekt ‚Variantengrammatik des Deutschen‘ // Konopka M., Kubczak J., Mair Chr., Štícha F., Waßner U. H. (Hrsg.) Grammatik und Korpora 2009/ Grammar Corpora 2009. — Tübingen: Narr, 2011. — S. 123–140.
- Dürscheid 2014 — Dürscheid Chr., Sutter P. Grammatische Helvetismen im Wörterbuch // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. — 2014. — 60/1. — S. 37–65.
- Ebner 2008 — Ebner J. Eine Einführung // Duden. Österreichisches Deutsch. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2008. — S. 7–46.
- Elspaß 2013 — Elspaß St. u.a. Areale Variation in der Grammatik des Standarddeutschen — Problem oder Aufgabe? // gfl-journal, No. 2/2013. — S. 44–64
- Projektskizze — Projekt «Variantengrammatik des Standarddeutschen» / Chr. Dürscheid, St. Elspaß, A. Ziegler — <http://www.variantengrammatik.net/projekt.html>
- Rimensberger 2014 — Rimensberger B. Das Projekt Variantengrammatik des Standarddeutschen. Erste Forschungsergebnisse anhand deutschsprachiger Zeitungen // Sprachspiegel, 2014. — Heft 4. — S. 102–109.
- VWB 2004 — Ammon, Ulrich; Bickel, Hans; Ebner, Jakob et al. Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. — Berlin, New York: de Gruyter, 2004.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУЧНОГО ТЕКСТА

Грамматическая специфика научных текстов формируется за счет высокочастотных и редко употребляемых грамматических форм и конструкций. Грамматические доминанты (пассив, 3-е лицо, временной презенс и др.) позволяют реализовать общепринятые коммуникативные стандарты и дискурсивные нормы обезличенного дистанцированного научного формулирования. Средства грамматической периферии (эксплицитные «я»-обозначения автора, вопросительные и побудительные структуры, формы прошедшего времени и др.) входят в арсенал прагматически эффективных средств стимулирования и контроля научной аргументации.

Ключевые слова: научная профессиональная коммуникация, грамматическая специфика научного текста, высокочастотные грамматические средства научного текста, средства грамматической периферии научного текста

Nefedov S. Grammatical space of scientific text. The grammatical specificity of scientific text is grounded not only on high frequency, but also on rarely used grammatical forms and construction. On the one hand the communicative standards and the discourse norms of the depersonalized academic interaction can be carried out with grammatical dominants: the passive, 3th person, generalized present forms etc. On the other hand the means of grammatical periphery (explicit I-references, interrogatives, imperatives, past tense forms etc.) belong to pragmatic devices to further forwards and to control the scientific argument.

Keywords: academic professional communication, grammatical specificity of academic writings, high frequency grammatical means of scientific text, means of grammatical periphery of scientific text

1. Исходные положения

Грамматическое пространство письменного научного текста предстает перед нами как грамматическое оформление текстовых высказываний и их составляющих. В нем задействованы разноплановые грамматические средства морфологии, словообразования, синтаксиса, а также средства структурно-семантической организации составляющих текста в единое целое. Последние относятся к компетенции так называемой грамматики текста.

Среди морфологических форм жанрово-типологическую специфику в научном тексте обнаруживают, например, формы времени, лица и числа. Область словообразования научного текста отмечена, как известно, значительно более широким применением словосложения, деривационных моделей, сокращения слов и конверсии по сравнению с другими сферами коммуникации. Специфическая функциональность выявляется в научных текстах у многих синтаксических форм: залоговых и модальных форм предложений, в структуре словосочетаний и т.д. В плане общей грамматической структуры наблюдается широкое употребление коннекторных, особенно — каузальных, средств связи между текстовыми составляющими научного текста.

Основная цель автора настоящей статьи состоит в том, чтобы уточнить некоторые укоренившиеся в сознании лингвистов представления о языке науки, а также показать коммуникативно-функциональную роль тех грамматических форм и конструкций, которые обладают относительно низкой частотностью в научных текстах. Находясь на другом полюсе стилистического маркирования, они на равных правах с высокочастотными средствами формируют грамматическую специфику научных текстов.

2. Общий принцип селекции грамматических средств в научной коммуникации

Языковые единицы, формы и структуры выбираются при формулировании любого текста не произвольно и хаотично, а по функционально-коммуникативному принципу: насколько их функциональный потенциал соответствует дискурсивным нормам языкового оформления содержания в той или иной коммуникативной сфере. Для таких «жестко» регламентированных институциональных дискурсов, как научный, функциональный потенциал языковых средств должен быть особенно четко вписан в стратегические задачи коммуникации. Здесь, как ни в какой другой социально-коммуникативной сфере, при создании текстов действует общий принцип: прагматика контролирует семантическое наполнение и грамматическое оформление научного текста.

При этом средства грамматики не создаются и не существуют специально для языка науки, но функционально должны

быть конгруэнтны центральной задаче профессиональной научной коммуникации — задаче представления экспертному сообществу нового знания как знания коллегиально создаваемого, надындивидуального, с вневременной значимостью [Ehlich 1993: 24; Graefen 1997: 212; Кожина 2006]. Этому соответствует модус научного формулирования с ограничениями в «речевой креативности» [Гончарова 2008: 17] и ярко выраженной внешней бессубъектностью текстовых высказываний, создающей отстраненность научных сообщений от актуальной ситуации получения знаний и личного участия в этом автора-исследователя.

Таким образом, научный дискурс с его целями и стандартами *de facto* очерчивает функциональный потенциал и задает круг тех типов языковых средств, которые в наибольшей степени подходят для решения стоящих перед исследователем коммуникативно-познавательных задач. Поэтому грамматическое устройство научного текста является внешним отражением, своего рода материализацией общепринятых прагматических стандартов и исторически сложившихся норм ведения коммуникации в данной профессиональной сфере.

При описании грамматического пространства научного текста удобен, как представляется, широко применяемый в функциональной грамматике принцип «центра / периферии».

3. Центр грамматического пространства научного текста

Центральными для научного текста будут те средства грамматики, которые по своей функции сосредоточены и наиболее приспособлены для формулирования текстового содержания в обезличенно-дистанцированном модусе. При этом все грамматические единицы, формы и структуры являются, естественно, общеизвестными, и в этом смысле они не представляют собой нечто особенное. Специфическими их делает частотность употребления в сфере научной коммуникации.

Коммуникативно-функциональный фактор частотности позволяет поделить все языковые средства языка науки, в том числе грамматические, на три типа:

1) *средства типичные*, обладающие высокой частотностью и в своей совокупности формирующие «речевую системность

научного стиля» [Кожина 1972; 2006] или «общепринятый язык науки» («alltägliche Wissenschaftssprache» — [Ehlich 1995: 340]);

2) *средства нетипичные*, редко употребляемые и даже по своему функциональному потенциалу диссоциирующие с коммуникативными принципами подачи информации в научной сфере;

3) *неупотребительные*.

Естественно, в поле зрения представителей функциональной стилистики и лингвистики профессиональных языков с самого начала разработки жанрово-типологической специфики научных текстов попали типичные для языка науки лексические и грамматические средства, наиболее приспособленные по своему семантико-функциональному потенциалу к представлению общезначимой для общества научной информации в обобщенно-генерализованном модусе. К числу такого рода грамматических средств принято относить целый ряд языковых форм и структур:

- грамматические формы 3-его лица;
- формы вневременного презенса;
- пассив и его аналоги — деагентивные неопределенно-личные, безличные, рефлексивные структуры;
- номинализации — отглагольные существительные с процессуальной семантикой, а также образуемые ими многозвенные генитивные цепочки: die Versuche einer neuen Lösung der Textaufgliederung mithilfe moderner handlungsorientierter Methoden;

- устойчивые глагольно-именные словосочетания типа Einblick geben, Überblick bieten, das Ziel verfolgen, в которых основная семантическая нагрузка лежит на именной части (в терминологии В. Г. Адмони — «Streckformen»: [Admoni 1986: 161]);

- коннекторно-связующие в широком смысле слова и выражения: сочинительные и подчинительные союзы, анафоро-катафорические местоимения и местоименные наречия (dies, deswegen, daher), частицы (nämlich, ja), связующие наречия (sonst, trotzdem, also, jedenfalls), связочные глаголы (heißt, begründet, bedeutet), связочные выражения (vorausgesetzt, anders formuliert) и т.д.; см. подробнее о коннекторах в немецкоязычных текстах: [Heringer 2015: 17–23];

- местоимения, наречия, предложно-субстантивные группы со значением всеобщности, регулярности, повторяемости типа *immer, nie, häufig, in der Regel*;

- синтаксические конструкции характеристики и дефиниционного определения с копулятивными глаголами и целый ряд других средств, создающих в научном тексте «отвлеченно-обобщенность». Более подробный список грамматических средств, типичных для научного формулирования, представлен в работе Торстена Рёльке [Roelcke 2011: 270–275].

Указанные и многие другие типичные в научном тексте грамматические средства позволяют автору-исследователю представить решение некоторой проблемы как процесс надиндивидуального творчества, отстраненно от своего личного участия и актуальной ситуации. Регулярность их применения в речетворческой деятельности представителей научного сообщества прочно связывается в сознании носителей языка с чертами «научности». Поэтому такие языковые единицы и структуры можно рассматривать как проекции в речевую ткань научного текста исторически сложившихся социально-культурных норм и этических канонов представления научной информации. Они являются языковыми сигналами научно-познавательной деятельности и профессиональной компетенции исследователя («*Signale von wissenschaftlichem Handeln und fachlicher Autorität*»), согласно Т. Штайнхоффу [Steinhoff 2007: 5], «контекстуализируя» данную важную сферу социальной практики.

4. Периферия грамматического пространства научного текста

По понятным причинам многие периферийные средства в значительно меньшей степени интересовали и, думаю, по-прежнему мало интересуют лингвистов.

4.1 Самообозначения автора

Из малоупотребительных средств в большей степени изучены прямые и косвенно-эксплицитные грамматические способы обозначения «присутствия» автора в научном тексте, или средства авторизации. Но и здесь многое остается не до конца проясненным.

Прямое самообозначение в форме «Я» / «ICH» — это прямой вызов и конфронтация с общепринятой в научном сообществе максимой общения: В науке не говорят «Я». Это прагматическое правило формулируется в несколько категоричной форме Х. Вайнрихом как «Я-запрет» (das «Ich-Verbot»): [Weinrich 1989: 132–135], а Х. Кретценбахером — как «Я-табу» (das «Ich-Tabu») [Kretzenbacher 1995: 26–28].

Х. Вайнрих при этом ссылается на чешского исследователя Эдуарда Бенеша [Benes 1981], который проанализировал сравнительно небольшой корпус в 60 текстовых извлечений из 10 учебных пособий по разным (естественным и гуманитарным) дисциплинам (всего 1746 предложений) на предмет наличия в них предложений с местоименной формой «ich» и форм предикатов в 1-ом лице ед. числа. По его подсчетам, доля предложений с грамматическими показателями 1 лица ед. числа составляет всего 0,2% от общего количества предложений. Таким образом, оказывается, что синтаксис научных текстов — это синтаксис предложений с грамматическими показателями 3-его лица, учитывая, что DU-предложения вообще маловероятны в эксплицитной форме.

К этим количественным подсчетам необходимо сделать два комментария.

Во-первых, недифференцированный анализ текстов из очень разных отраслей — из естественных и гуманитарных наук — дает весьма ощутимый *искажающий эффект*, так как бытование любых экзотических вещей очень сильно зависит от «среды» бытования по всему функциональному вектору. При изучении дискурсивных функций языковых средств необходимо учитывать всю «линейку» важных для текстопорождения факторов: сфера науки — научная дисциплина — тип текста — коммуникативно-смысловая часть текста.

Во-вторых, самообозначение через «Я / ICH» - это лишь одна из многих опций авторизации исследователя. Наряду с этой, несомненно, самой прямой и эксплицитной формой самообозначения в научном тексте представлены многообразные косвенные и имплицитные средства авторизации, требующие специального рассмотрения и учета в статистических подсчетах.

Можно предположить, что авторизация в разных научных дисциплинах и типах текста носит разный характер. Так, в лингвистических научных статьях и монографиях количество предикаций с эксплицитными грамматическими показателями 1-ого лица ед. числа (die ICH-Sätze) по сравнению с данными Э. Бенеша возрастает в 6,5 раз до 1,3% от общего количества текстовых предикаций, а вместе с показателями 1-ого лица мн. числа (die WIR-Sätze с функцией самообозначения) — более чем в 10 раз до 2,5%. Эти данные получены в результате обследования 313 страниц научных лингвистических текстов, содержащих 7356 предикаций [Nefedov 2014: 20–23]. Причем, автореферентные текстовые высказывания не хаотично распределены по тексту, а привязаны к вербализации строго определенных коммуникативно-речевых действий (часто) метатекстового характера, таких как:

- планирование собственной научно-познавательной активности:

(1) *Darauf komme **ich** in Kap. 1.5. zurück (Hennig, S. 419);*

(2) *Zunächst möchte **ich** die Bandbreite an [...] exemplifizieren, danach untersuche ich [...]* (Egbert, S. 5);

(3) ***Wir** werden auf dieses Problem weiter unten (Kap. 2.3.2 und 4.3.1) noch zurückkommen (Ernst, S. 14);*

- формулирование цели исследования и конкретных задач:

(4) *In unserer Darstellung werden **wir** versuchen [...]* (Ernst, S. 18);

- метатекстовое комментирование и обозначение своих собственных научно-познавательных операций:

(5) *[...] **ordne ich** diesen Beleg dem Nähezeichentyp zu (Hennig, S. 419)*

(6) *In einer Folgestudie **werde ich argumentieren**, dass [...]* (Egbert, S. 3)

(7) *Daraus **folgern wir**, dass [...]* (Ernst, S. 33);

- авторские указания на внутритекстовую организацию научного сообщения:

(8) **Wir** haben oben (vgl. S. 105) festgestellt, dass [...] (Ernst, S. 107)

(9) In 1.1 habe **ich** bereits zur Illustration ein 'so' eingeführt (Hennig, S. 418);

- интертекстуальные отсылки автора к работам предшественников:

(10) [...] verweise **ich** auf Thim-Mabrey (1985: 52 ff.) (Egbert, S. 6);

(11) **Wir** folgen hier Karttunen o. J., ins Deutsche übersetzt in Levinson 2000, S. 197 (Ernst, S. 38);

- сообщения о личном участии автора в получении научных результатов:

(12) [...] stellte **ich mir** die Frage, ob **ich** auf einen seltenen Ausnahmefall getroffen war. Um diese Frage zu beantworten, untersuchte **ich** [...] (Egbert, S. 2);

(13) [...] weil eine Ausbuchstabierung eines solchen Kriteriums nicht ohne technischen Hilfsmittel der Intonationsforschung möglich ist, die **mir** nicht zur Verfügung standen (Hennig, S. 411).

Таким образом, вопреки прочно утвердившемуся представлению о безличности научного стиля для определенных коммуникативно-смысловых сегментов научного лингвистического текста характерна не отвлеченно-обобщенная, а авторизованная перспектива научного формулирования. С прагматической точки зрения автор научного текста оказывается неустранимым, несмотря на все технические приемы обработки внешней формы текста, направленные на деперсонализацию научного сообщения.

4.2 Вопросительные структуры

Нетипичность вопросов в текстах научной коммуникации обусловлена двумя причинами. Во-первых, вопросы требуют и всегда прогнозируют непосредственную ответную реакцию, а это достижимо только в режиме «канонической диалогической ситуации» [Падучева 2011: 3–4]. Во-вторых, употребление во-

просов в прямой функции противоречит коммуникативной норме: *В науке не задают, а решают вопросы.*

Находясь на периферии грамматического пространства, вопросительные формы предложений всё же можно встретить в определенных частях научного текста. При этом доля интеррогативных высказываний в форме прямых вопросов составляет в научных статьях и монографиях по лингвистике немногим более 1% (1,02%), косвенно-вопросительных структур — 1,33%, а вместе — 2,35% (на 8568 текстовых предикаций); см. об этом: [Нефёдов 2014]. Прямая функциональная нагрузка вопросов в контекстах научной коммуникации модифицируется, однако, под задачи общения в этой сфере: не запрос информации, а формулирование проблемности в прагматически заостренной форме, имитирующей квази-диалог с читателем, создающий коммуникативное напряжение и ожидание ответа на поставленную проблему.

Наиболее наглядно эта функция вопросительных структур проявляется в названиях научных работ, а также в заголовках их структурно-композиционных частей. Примерами здесь могут служить названия статей Юргена Шиве «Was ist Sprachkritik? Einige programmatische Überlegungen» [Schiewe 2011: 19] и Хайнца Кретценбахера «Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften?» [Kretzenbacher 1995: 15].

Синтаксически самостоятельные вопросительные предложения с функцией формулирования проблемности тяготеют к употреблению в начальных абзацах разделов или же на границах абзацев лингвистических работ. Тем самым они стимулируют развитие научной аргументации; например:

(14) Der Ressourcencharakter der Sprache und das sprachliche Handeln

Offensichtlich haben Sprachen, hat Sprache Struktur. Oder, anders gesagt, sie hat eine Menge von Strukturen. Was hat es damit auf sich? Hier kann es nützlich sein ... (Ehlich II, S. 17);

Стимулирование и продвижение вперед научной дискуссии связано с введением в поле зрения реципиента новой (под)темы или новой грани обсуждаемой проблемы, которая вербализуется посредством вопросительных структур; например:

(15) *Als allgemeine Kommunikationstheorie ist die Sprechakttheorie aber nicht geeignet, ... Es erhebt sich daher die Frage: **Wie erkennen die Hörer ... die kommunikative Funktion von Äußerungen?** Die meisten sprachlichen Ausdrücke können ... (Ernst, S. 121);*

(16) *Nach allem bisher Gesagten muss die Kernfrage lauten: **Sind Präsuppositionen Elemente der Semantik oder Pragmatik? Und wie kann man ... die Präsuppositionen ermitteln?** Als brauchbarste Lösung haben sich zwei Theorien erwiesen ... (Ernst, S. 33).*

Нередко высказывания в форме вопросов совмещают эксплицирование проблемности с планированием автором текста последующих научно-исследовательских шагов. Эти коммуникативно-речевые действия делают научный поиск более понятным и транспарентным для адресата. Но они важны и для самого автора текста, так как обеспечивают ему контроль над логичностью и последовательностью изложения.

(17) *In Anknüpfung daran soll im ersten Teil des vorliegenden Beitrags **die Frage** diskutiert werden, ob ... (Thaler, S. 149);*

(18) *Gehen wir als nächstes **der Frage** nach, wie ... (Ehlich I, S. 336).*

Высказывания в форме прямых вопросов и косвенно-вопросительных структур нередко содержат формулирование научных проблем, которые уже были ранее представлены лингвистическому сообществу другими исследователями или же являются постоянным предметом дискуссии в лингвистике и её отдельных направлениях и дисциплинах. Отсылая к текстам предшественников или к соответствующим теоретическим направлениям и подходам, такие высказывания выступают как средство интеграции исследования конкретного автора в общее дискурсивное метапространство лингвистики. Языковыми маркерами интертекстуальной отсылки выступают при этом имена собственные личные лингвистов и названия лингвистических направлений, подходов, дисциплин, школ и т.д.

(19) ... auch Sandig wirft bereits **die Frage** auf, ob es sich um «eine unflektierte Artikelform» handele wie bei solch (Hennig, S. 426);

(20) ... hat sich in der linguistischen Präsuppositionsdiskussion **die Frage** bis heute nicht geklärt, ob ... (Linke, Nussbaumer, S. 439).

Таким образом, нетипичность вопросительных структур в научных текстах оборачивается для них повышением коммуникативно-прагматического потенциала на фоне доминирующего экспликативно-аргументирующего контекста. Запретное «оружие» становится эффективным инструментом ведения научной дискуссии и её продвижения вперед.

4.3 Побудительные структуры

В результате сплошного обследования 12 немецкоязычных лингвистических текстов общим объемом 523 страницы, содержащих около 11 тыс. предикаций, было выявлено 441 предикация с эксплицитными показателями императивности — первичными и вторичными средствами побудительности адресата к действию. Эти средства составляют функциональную подсистему средств побудительности в грамматической системе современного немецкого языка [Engel 1988: 47–49; Hentschel/Weydt 2013: 210–212]. Доля императивных предикаций составляет, таким образом, 4,2% от общего количества предикаций в проанализированных текстах [Нефёдов 2015]. При этом их формальная вариативность ограничена пятью основными семантико-синтаксическими типами.

1) Графически сокращенные *vgl.*-императивы *Vgl. Glinz 1968, S. 123, Vgl. Kap. 3.2, S. 98* и под. состоят из двух частей: императивной части, выраженной грамматической формой глагола *vergleichen* во 2-ом лице ед. числа императива в сокращенном виде, и отсылочной части, представляющей собой библиографическую ссылку или наименование составной части текущего текста.

Выражаемое в таких случаях императивное значение не носит, конечно, характера прямого и категоричного побуждения адресата к действию, выполнение которого рассматривается иницирующим субъектом как обязательное требование. Отсы-

лочные императивы по своей иллокутивной направленности выполняют функцию полезного для адресата указания, предложения к совместному действию, инструкции, совета. Они являются формами некатегоричного побуждения, отвечающего общепринятым в научной коммуникации конвенциям предупредительно-го и дистанцированно-вежливого общения, учитывающего возможные критические реакции потенциальных читателей и по совместительству оппонентов из числа представителей лингвистического экспертного сообщества.

Для такого рода отсылочных языковых структур Р. Креста вводит удачное обозначение «адресатно-ориентированный императив» (der «leserorientierte Imperativ») [Kresta 1995: 125]. Апеллируя напрямую к адресату и привлекая его внимание, императивные высказывания рассматриваемого типа являются, по Т. Штайнхоффу, «своего рода сервисом для читателя» («eine Art Service für den Leser»), которым он может воспользоваться в любое время [Steinhoff 2007b: 324].

2) Графически сокращенные *s.*-императивы и полные *siehe*-императивы типа *s. oben Kap. 1*; *s. nächste Seite* употребляются в научных текстах так же, как и *vgl.*-императивы.

3) Инклюзивные *wir*-императивы *Sehen wir uns dieses Beispiel an*, *Gehen wir als nächstes der Frage nach*, ..., *Beginnen wir mit dem Beispiel* ... и др. реферируют и к говорящему, и к адресату. Данный тип императивных высказываний выражает побуждение к совместным действиям коммуникантов. Р. Креста называет *wir* в этой функции «командным» (das «Teamwork-Wir»), нацеленным в составе императива на призыв адресата к сотрудничеству [Kresta 1995: 294].

4) Посредством условных инклюзивных *wir*-императивов (Betrachten wir X, so erkennen wir Y / Wenn wir X betrachten, so erkennen wir Y) автор побуждает потенциального адресата совершать вместе с ним то же самое научно-познавательное действие [Paek 1993: 38].

5) Конъюнктивные *man*-императивы позволяют автору реализовать дистанцированную косвенную стратегию побуждения. При этом императивность принимает, как и в случае с отсылочными императивами, семантический вид обращения к

целевому адресату с предложением, рекомендацией, советом и т. п. совершить некоторое ментально-практическое действие; например: *Man vergleiche* die folgenden Sätze; *Man beachte* zunächst, dass ... ; *Man betrachte* einführend diese Untersuchungskorpora.

Неопределенно-личное местоимение man используется здесь во вторичной функции для обозначения адресата побуждения и имеет синтагматическое значение «du» / «ihr».

Грамматика языковых императивных форм оказывается, таким образом, на службе у прагматики научного лингвистического текста. Благодаря присущей постоянной обращенности к адресату высказывания с грамматическими показателями императивности всегда нацелены на диалогизацию научной аргументации и процесса передачи полученных результатов.

4.4 Грамматические формы прошедшего времени

Темпоральный план научного текста организован гораздо сложнее, чем это обычно указывается в специальных работах и учебных пособиях по стилистике и теории текста. В них справедливо отмечается доминирование генерализирующего презенса (praesens generalis) со значением постоянства и надвременной значимости [Кожина 2006; Weinrich 2006 и др]. Х. Вайнрих в этой связи пишет о наличии «нарративного запрета» (das «Erzähl-Verbot» — [Weinrich 1989: 135–137]). Тенденция к преимущественному оформлению пропозициональных структур (предикаций) научного текста надвременным презенсом представляет собой не что иное, как вклад глагольных форм в «отвлеченно-обобщенность» научного сообщения.

Но так называемый «нарративный запрет» обладает в научных текстах по теоретической лингвистике ограниченной силой действия. Как показывают подсчеты, частотность употребления форм претерита и перфекта, примарно предназначенных в немецком языке для грамматического оформления высказываний с референцией к прошлому, т. е. потенциально связанных со сферой нарративности, составляет 6,42% (472 формы на 7356 предикаций). При этом только 3,44% из них (253 формы) используются действительно нарративно [Нефёдов 2014] с целью

привлечения уже полученных кем-то научных сведений, экскурсов в историю лингвистических направлений, авторизованных рассказов о лично осуществленных научно-исследовательских процедурах подготовительного характера, о собственных методах автора из прошлого опыта исследований. Такого рода научная информация оформляется, как правило, довольно обширными текстовыми пассажами в виде последовательностей высказываний в претерите (перфекте).

Следует, однако, отметить, что почти половина высказываний с претеритом и перфектом используется в научных текстах одиночно, с ненарративной функцией. При этом высказывания с ненарративным перфектом / претеритом в одиночном употреблении связаны, во-первых, с организацией и структурированием представляемой научной информации (внутритекстовый дейксис) или с интертекстуальным указанием на место этих сведений в существующем информационном ряду (фоновые отсылки); например:

(21) *Es wurde bereits erwähnt, dass ... (Ernst, S. 16);*

(22) *Es wurde schon darauf hingewiesen, dass ... (Ernst, S. 85);*

(23) *..., wie wir schon gesehen haben, ... (Ernst, SS. 14; 121);*

(24) *Wir haben oben (vgl. S. 105) festgestellt, dass ... (Ernst, S. 107).*

Такие высказывания обеспечивают рекурсивное поддержание контакта с реципиентом, управляя его восприятием и вниманием.

Во-вторых, высказывания с ненарративной функцией претерита и перфекта служат целям продвижения вперед научного изложения через маркирование определенных вех в рассмотрении объекта (перфект / претерит релевантной значимости, исходной / итоговой обобщенности). В этих функциях преимущественно используется перфект, поскольку «связь с настоящим» ингерентно присутствует в его категориальной семантике. Как отмечает Х. Вайнрих, перфект, «подключая» прошлое к настоящему, позволяет быстро и точно вводить актуальную информацию, извлекаемую из прошлого, без погружения в длительный «рассказ» [Weinrich 2007: 224]; например:

(25) *Mit seinen ... Vorlesungen «Logic and Conversation» (1968) hat H. Paul Grice einen großen Einfluss auf die linguistische Pragmatik ausgeübt. ... hat er eine Theorie entwickelt, wie wir die Sprache «benutzen» (Ernst, S. 122);*

С участием перфекта создаются речевые высказывания о научных результатах, полученных при изучении объекта в прошлом, но сохраняющих свою релевантность для текущего исследования.

(26) *Sprachliches Handeln ist ein Teil einer umfassenden Theorie des menschlichen Handelns betrachtet worden. Wesen und Art des menschlichen Handelns im Allgemeinen sind ... (Ernst, S. 25);*

(30) *Die Systemlinguistik hat ... sentionelle Erfolge erzielt. Es ist daher angebracht zu fragen, ob auch ... (Ernst, S. 103).*

В прагматорическом смысле такого рода утверждения с ретроспективным обращением к прошлому выполняют важную функцию стимулирования научной дискуссии и продвижения вперед аргументации автора.

Выводы

Грамматические доминанты научного текста и средства его грамматической периферии находятся под воздействием прагматических факторов, хотя и в разном отношении. Употребление грамматических доминант соответствует общепринятой коммуникативной норме научного формулирования. Грамматические «экзоты» составляют личный авторский арсенал высокоточных грамматических средств для успешного ведения коммуникации и контроля над своей собственной речетворческой деятельностью и восприятием адресата научного текста.

Литература

Гончарова 2008 — Гончарова Е. А. Медиальный аспект модуса формулирования текста как проблема стилистики // *Международни часопис Стил. Београд Република Србија: The International Association «Style», Ortodox Theological Faculty of Belgrade University.* — 2008. — № 7. — Р. 11–20.

- Кожина 2006 — Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта; Наука, 2006. — С. 242–248.
- Кожина 1972 — Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: Учеб. пособие. — Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1972.
- Нефёдов 2014 — Нефёдов С. Т. «Нарративный запрет» в лингвистическом дискурсе // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. — СПб., 2014. — № 9. — С. 9–19.
- Нефёдов 2015 — Нефёдов С. Т. Императивы как инструмент диалогизации научного текста // Научное мнение: научный журнал / Санкт-Петербургский университетский консорциум. — СПб., 2015. — № 9/1. — С. 9–18.
- Падучева 2011 — Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. — № 3. — 2011. — С. 3–18.
- Admoni 1986 — Admoni W. Der deutsche Sprachbau. — М.: Prosvešenie, 1986. — 160 S.
- Benes 1981 — Benes, Eduard. Die formale Struktur der wissenschaftlichen Fachsprachen in syntaktischer Hinsicht // Bungarten, Theo (Hg.). Wissenschaftssprache. Beiträge zur Methodologie, theoretischer Fundierung und Deskription. — München, 1981. — S. 185–212.
- Ehlich 1995 — Ehlich K. Die Lehre der deutschen Wissenschaftssprache: sprachliche Strukturen, didaktische Desiderate // Linguistik der Wissenschaftssprache. Hrsg. von H.L. Kretzenbacher, H. Weinrich. — Berlin, New York: de Gruyter, 1995. — S. 325–349.
- Ehlich 1993 — Ehlich K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. — Bd. 19. — 1993. — S. 13–42.
- Engel 1988 — Engel U. Deutsche Grammatik. — 2., verbesserte Aufl. — Heidelberg: Groos, 1988.
- Graefen 1997 — Graefen G. Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. — Frankfurt a/M; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997.
- Henschel / Weydt 2013 — Henschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. — 4. Aufl. — Berlin: de Gruyter, 2013.
- Heringer 2015 — Heringer H. J. Linguistische Texttheorie. Eine Einführung. — Tübingen: Narr, 2015.
- Kresta 1995 — Kresta R. Realisierungsformen der Interpersonalität in vier linguistischen Fachtextsorten des Englischen und des Deutschen. — Frankfurt a/M et al.: Lang, 1995.

- Kretzenbacher 1995 — Kretzenbacher H. L. Wie durchsichtig ist die Sprache der Wissenschaften? // Kretzenbacher H.L., Weinrich H. (Hg.). Linguistik der Wissenschaftssprache. — Berlin; New York: de Gruyter, 1995. — S. 15–39.
- Nefedov 2014 — Nefedov S. T. Fachsprache 'Linguistik' in der universitären Kommunikation: explizite und implizite Autorisierung sprachwissenschaftlicher Texte // Studien zur deutschen Sprache und Literatur. — Bd. 32. — Nr. 2. — Istanbul: Universität Istanbul Publ., 2014. — S. 17–33.
- Paek 1993 — Paek S. Die sprachliche Form hypothetischen Denkens in der Wissenschaftssprache. — München: Iudicium-Verlag, 1993.
- Roelcke 2011 — Roelcke T. Typologische Variation im Deutschen. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011.
- Schiewe 2011 — Schiewe J. Was ist Sprachdidaktik? Einige programmatische Überlegungen // Arendt, Birte/Kiesendahl, Jana (Hg.) Sprachkritik in der Schule. Theoretische Grundlagen und ihre praktische Relevanz. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. — S. 19–30.
- Steinhoff 2007a — Steinhoff T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. — Vol. 35. — 2007. — S. 1–26.
- Steinhoff 2007b — Steinhoff T. Wissenschaftliche Textkompetenz: Sprachgebrauch und Schreibentwicklung in wissenschaftlichen Texten von Studenten und Experten. — Tübingen: Niemeyer, 2007.
- Weinrich 1989 — Weinrich H. Formen der Wissenschaftssprache // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Berlin. — 1989. — S. 119–158.
- Weinrich 2006 — Weinrich H. Sprache, das heißt Sprachen. — 3., ergänz. Auflage. — Tübingen: Narr, 2006.
- Weinrich 2007 — Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. — 4., revidierte Auflage. — Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ В ТЕКСТАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ АВТОБИОГРАФИИ

Памяти Ларисы Васильевны Шишковой посвящается

В текстах литературной автобиографии категория времени носит амбивалентный характер. С одной стороны, время документально, оно референциально и прикреплено к конкретным датам, топонимам. Именам, названиям. С другой стороны, рассказ об автобиографических событиях и приближается к времени художественному.

Ключевые слова: текст литературной автобиографии, категория времени, амбивалентность, время документальное, время рассказа о документальных событиях.

Niubina L. The category of time in the texts of literary autobiography. In the texts of literary autobiography, the category of time is ambivalent. On the one hand it is documented, referential and attached to specific dates, names of places and geographical names. On the other hand the story is about the autobiographical events it is subjective and is very close to the literary time.

Keywords: texts of literary autobiography, category of time, ambivalence, documentary time, documentary time of story-events

В литературном творчестве разных эпох и стран существует особый тип дискурса, в основе которого лежит искусство памяти, или мнемоника. Жанровая специфика текстов этого дискурса необычайно широка и объединяет, например, такие виды, как: литературная автобиография, мемуары, путевые заметки, письма, дневники, исторические хроники и др. Тексты этого дискурса мы называем мнемоническими. Данный вид литературы имеет свой прагматический статус, смысл которого состоит в обращенности к другим поколениям, в передаче ему информации о своей жизни в контексте историко-культурного и социального фона прошлого. Как утверждает М. М. Бахтин, «признаком любого речевого высказывания является его обращенность и адресованность, всякое высказывание имеет смысл только в контексте, в конкретное время, в конкретном месте» [Бахтин 1986: 240].

Типологический признак данного вида текстов определяется особым типом повествователя, так называемым эгоцентрическим повествователем, который объединяет в своем лице автора, повествователя и протагониста. Рефлексивное воспоминание и его вербализация в тексте литературной автобиографии, которая является предметом рассмотрения в данной статье, находятся в состоянии постоянного взаимодействия так, что обуславливают амбивалентность этого жанра — его нахождение между литературой документальной и литературой художественной, что ярко проявляется в текстах литературной автобиографии. Написанные известным автором воспоминания о своей жизни включают не только конкретные факты, но и их оценку, описание, рассуждения по разным поводам, в которых может активно проявляться не только оценочная деятельность авторского сознания, но и особенности его творческого и стилистического метода, характерного и для его литературной деятельности.

Типологический признак данного вида текстов определяется особым типом повествователя, так называемым эгоцентрическим повествователем, который объединяет в своем лице автора, повествователя и протагониста. Рефлексивное воспоминание и его вербализация находятся в тексте в состоянии постоянного взаимодействия так, что обуславливают амбивалентность этого жанра — его нахождение между литературой фактологической и литературой художественной, что особенно ярко проявляется в жанре литературной автобиографии. Написанные известным автором воспоминания о своей жизни включает не только конкретные факты жизни, но и их оценку, описание, рассуждения по этому поводу, в которых может активно проявляться не только оценочная деятельность авторского сознания, но и особенности его творческого и стилистического метода, характерного в целом для его литературной деятельности, ведь литературная автобиография, как правило, пишется в достаточно зрелом возрасте. Это отношение амбивалентности хорошо выразил Дж. Фаулз: «Даже наше собственное прошлое не представляется нам чем-то реальным — вы наряжаете его, стараетесь обелить или очернить, вы его редактируете, кое-как латаете ... словом превращаете в художественный вымысел и убираете на

полку ... Мы все бежим от реальности. Это главная отличительная черта Homo sapiens» [Фаулз 2003: 96].

Тексты литературы воспоминаний глубоко эгоцентричны. В текстах литературной автобиографии эгоцентризм проявляется не только в сквозной речевой экспликации авторского «Я», но также и в отборе жизненных фактов, о которых сообщается в тексте. Как правило, речевой субъект автобиографии включает в текст события, существенные, по его мнению, для его собственного индивидуального развития. Когда же подобная ментально-речевая репрезентация организующего центра мышления и общения текста осуществляется с акцентуацией его «Я», автор становится в тексте не только субъектом выражения, но и объектом (собственного) изображения. В конечном итоге, если предположить возможность собирания в некую систему речевых сочинений отдельного человека, написанных от лица его «Я», то такое собрание поможет получить представление о совокупности неких сознательных или невольных эгоцентрических (прагматических и смысловых) позиций его автора в отношениях с самим собой, миром и другими ([Гончарова, Ньюбина 2016: 11] и др.). Позиция автора как эгоцентрического толкователя собственной жизни, с одной стороны, и медиума, определяющего характер изображения всех других объектов и событий, с другой, лежит в основе субъектно-объектных отношений в мнемонических текстах.

Объединение в одном лице столь объемного множества коммуникативно-прагматических функций ставит повествователя в центр иерархии всех текстовых отношений. Он выступает организатором сюжета, композиции, временного и пространственного хронотопа, глобальной когезии текста. В качестве субъектно-объектного центра вспоминающее «Я» создает коммуникативный динамизм текста, в котором сочетаются чувственное и рациональное, активность и пассивность вспоминающей мысли. Согласно мнению Л. А. Гаранина, существование эгоцентрического сознания определяет целостность мемуарных жанров, создает документальный образ, личностное автобиографическое начало, способствующее удержанию всех других форм в рамках общего единства, будь то дневники, воспоминания, мемуары, письма, литературный портрет, путевые заметки и др. [Гаранин 1981: 18].

В процессе воспоминания в литературной автобиографии возникает достаточно сложное взаимодействие нескольких «Я»: «Я» субъекта; «Я» объекта изображения; «Я» автора. Эти три «Я» лежат в основе феномена эгоцентризма, характеризующего сегодня постмодернистское понимание языка и речи не только как явления диктума, но и как модусного отражения действительности. «Я» является центром, из которого строится интрасубъективный мир взаимодействия с миром: «Я» и «Я» (субъектно-объектные отношения), «Я» и другой» (субъектно-субъектные) и «Я» и автор», который осознает отношение «Я» к своему пишущему «Я» [Породин 2006: 24]. Автор, балансирующий между текстом и не-текстом [Lejeune 1994: 36], между правдой и вымыслом, имманентно объединяет в себе объективность и субъективность в изображении выстраиваемой модели мира. «Я» в мемуаристике поэтому весьма плюралистично, что вызывает его соприсутствие во всех временных планах ушедшего и настоящего в тексте. Подобную множественность дискурсивного «Я» И. В. Породин объединяет в понятие «Я»-концепта [Породин 2006: 37]. В следующем фрагменте из произведения Г. Грасса «Beim Häuten der Zwiebel» «Я» и «Я-другой» разделены количеством прожитого времени: тот, другой, молодой юноша живет будущим, а «Я» сегодняшнего дня живет прошлым:

Ich bereits angejährt, er unverschämt jung; er liest sich Zukunft an, mich holt Vergangenheit ein; meine Kümernisse sind nicht seine; was ihm nicht schändlich sein will, ihn also als Schande drückt, muss ich, der ihm mehr als verwandt ist, nun abarbeiten. Zwischen beiden liegt Blatt auf Blatt verbrauchte Zeit. (G. Grass. Beim Häuten der Zwiebel, S. 51)

В данном примере реализуется метафора «зеркало», она проявляется во внутреннем диалоге «со своим прошлым, с собой, в «разных временных ипостасях» [Нуркова 2000: 61], что также способствует проявлению многофункциональности автобиографического субъекта. Вторичность переживаемого времени вызывает расслоение личности, так как временная последовательность и временная длительность претерпевают в памяти существенные изменения, на объективность прожитой жизни

накладывается субъективность вторичного переживания этого опыта. Этот факт давно замечен исследователями, которые по-разному классифицируют экзистенциальные состояния вспоминающей личности: наблюдающее и наивное, сентиментальное «Я» [Picard 1978], нынешнее и юношеское «Я» [Hamburger 1968], рассказывающее и переживающее «Я» [Stanzel 1995] и др.

Жанр литературной автобиографии не лишен нарративности, которая в философском понимании этого термина является проблемой структурирования любого дискурса, в том числе и мнемонического. Автобиографическая нарративность предполагает конструирование пространства и времени, композиционное выстраивание определенных временных и тематических топиков: детство, отрочество, взросление, идентичность, выражения определенных оценок и др. Парадокс жанровой специфики, состоящий в слиянии автора, рассказчика и протагониста, о чем заявил Ф. Лежен [Lejeune 1994: 24], предопределяет основной спорный вопрос автобиографической прозы, а именно соотношение документальности и фикциональности, аутентичности и модальности.

Взаимодействие внутреннего и внешнего, преодоление разрыва между прошлым и настоящим превращают акт рефлексивной ретроспекции в одну из конститутивных особенностей автобиографических жанров. Время автобиографической ретроспективы при этом мало чем отличается от художественного времени с его многомерностью, нелинейностью, дискретностью, обратимостью [Тураева 2016: 93]. Когнитивные структуры памяти преобразуются в этом жанре по законам художественного мира, так как и здесь время — это тот феномен, который воспроизводится и изображается, устанавливает взаимодействие между временем автора «здесь и сейчас» и временем этого же автора «там и тогда».

В текстах литературной автобиографии можно различать два времени. Одно из них линейно и хронологично, Его называют «*erzählte Zeit*» [Stanzel 1995: 276]. Другое время — это время повествования об автобиографических событиях «*Erzählzeit*» [Ebenda], оно субъективно и «безвременно» Исследовательница психологии автобиографической личности называет эти времена «Время 1» и «Время 2» [Нуркова 2000: 173].

Первое время, «*erzählte Zeit*», документально и референциально, эгоцентрическое «Я» объективирует действительность, опираясь на реальные факты и события жизни. «Я» восстанавливает свой жизненный хронотоп в конкретных именах, датах, лицах, топонимах, названиях, реалиях и т.п., что составляет референциальную основу текстопорождения. Рассказывая о своей жизни, повествователь производит акты номинации, предикации, референции, ориентируя читателя на «здесь и сейчас» или «там и тогда». Эти средства образуют вокруг Я» антропоморфную систему, которая представляет конкретный микро- и макромир вспоминающей личности. Микромир маркирует «ближайшую окрестность» «Я», в то время как макромир вписывает автобиографические события в контекст политической и культурно-исторической картины мира индивида. Референциальность — соотнесение через локальную и темпоральную топографию собственной судьбы — составляет в данном случае фактологический каркас автобиографического повествования. Как отмечает Л. В. Шишкова: «Временная локализованность (или референциальность — Л. Н.) трактуется как определенная прикрепленность действия и события к какому-то одному моменту или периоду» [Шишкова, Смирнова 2003: 35]. Рефлексивная память, лежащая в основе автобиографического повествования, подразумевает отражение пройденного человеком жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий, определяющих самоидентичность личности. Читатель при этом имеет дело с рациональным актом воспоминаний, опирающимся на временной и пространственный фон, который устанавливает логическую упорядоченность изложения. Многие разделы имеют в оглавлении конкретную временную датированность. Например, в литературной автобиографии К. Манна «*Der Wendepunkt*» имеются следующие рубрики: *Mythen der Kindheit 1906–1914; Krieg 1914–1919; Erziehung 1920–1923; Unordnung und frühes Leid 1923–1924* и др.

Другое же время, то есть время повествования «*Erzählzeit*», обнаруживает черты времени художественного, так как в рефлексии «вмешиваются» описания, отсроченные оценки, характеристики, рассуждения и т.д.; это время проявляет свойства ху-

дожественного времени с его нелинейностью, прерывистостью, перестановками, возвратами, растяжимостью. Над фактологическим временем как «неустрашимым фоном» выстраивается его субъективная трактовка, «которая интерпретирует, оценивает, содержательно реконструирует и восстанавливает реальные картины, образы «топохроноса» с его подспудной основой [Никитин 2003: 16]. Вербальное формулирование воспоминаний позволяет претворить рассказ о себе в художественное повествование, наполненное образами, стилистическими фигурами, тропами, лексико-грамматическими фигурами и т. п. Время может уплотняться, прерываться, возвращаться назад, интенсифицироваться, заполняться историями своей и чужих жизней, происшествиями из мира политики, истории, культуры.

Воспоминания «Я» сопровождается рефлексивный фон вторично переживающего ушедшее субъекта речи. Ценностные ориентиры языковой личности определяются пластичностью, непредсказуемостью и спонтанностью душевных движений, в которых, по мнению В. Г. Адмони, воплощаются и подсознательное, и интеллектуальное начало человека в их сложной цельности [Адмони 2004: 119]. Вспоминающий субъект осуществляет оценку на основе имеющейся в его картине мира шкалы ценностей и стереотипов [Вольф 1985: 68–74]. «Я» вчерашнее и «Я» сегодняшнее» руководствуются логикой бимодальности, которая постоянно питает почву эмотивности субъекта и становится формой бытия этого дискурса, формой гносеологического и аксиологического выражения обозначения культуры [Гуревич 1984]. Прошлое для М. Билера, например время его детства является временем глубоких и тяжелых переживаний, для отображения которых он употребляет настоящее «историческое» вместо повествовательного претерита, в то время как свое взрослое настоящее он изображает в претерите:

Ich fühle die Gleichgültigkeit der Mutter, den Widerwillen, ihren wachsenden Hass, der mich mit Schüttelfrost überzieht. Eines Abends schiebt sie meinen Stubenwagen in die Wäschekammer und verbietet der Großmutter, bei mir zu bleiben. Zum ersten Mal bin ich allein in der Dunkelheit. Ich zittere vor Angst und weine, aber die Mutter verlässt mich und kommt nicht zurück.

Ich brülle Nacht für Nacht, bis ich außer Atem bin. ...
(M. Bieler. *Still wie die Nacht*, S. 9–10).

В данном примере реализуется «туннельный эффект» автобиографической памяти, который свидетельствует о том, что «детские воспоминания появляются на свет намного позже, чем они зафиксированы в памяти, так как они существуют в памяти в скрытом виде и свидетельствуют о том, что автобиографическая память носит тотальный характер и фиксирует абсолютно все события жизни человека [Нуркова 2000: 141]. Приведенный фрагмент показывает также, что при анализе эпизода своей жизни индивид склонен одновременно и оценивать его, то есть говорить о его различных качествах и считать ряд параметров этой оценки особенно актуальными, что мы и видим в данном фрагменте. Не любовь матери оказалась для автора настолько важным и влиятельным моментом, что, вспоминая о нем через много десятилетий, автор ощущает его воздействие на эмоции ребенка, о чем свидетельствуют лексемы *Gleichgültigkeit*, *Widerwillen*, *Angst*, *weinen*. Этот пример показывает, что в коммуникативном динамизме автобиографического текста взаимодействуют эмоциональное и рациональное, активность и пассивность вспоминающей мысли.

Для обоих видов времен — Времени 1 и Времени 2 — в данном дискурсе характерна *обратимость*. Воспоминание имеет темпоральный характер: прошедшее расположено не перед настоящим, а непосредственно в нем (*Die Vergangenheit liegt ... nicht einfach vor der Gegenwart, sondern in eigentümlicher Weise in ihr*); рефлексия документирует прошедшее референциальной соотнесенностью; постоянно модифицируя события прошлого (*Die Vergangenheit ist in stets neuen Gegenwarten*); рефлексия создает дискурс, в котором прошедшее структурируется как дискурсивная темпоральность [Walser 1998; Породин 2006: 281, 282]. В основе этого дискурса лежит грандиозная метафора времени — прошлое вместо или рядом с настоящим.

Субъективное же время, то есть время рассказывания, *открыто и многомерно*, рассказ о событиях может прерываться описаниями, характеристиками, оценками, рассуждениями, что растягивает время автобиографического описания, приближая его к художественному. Это время открыто для памяти о мире и

контактов с различными социальными группами, а также для обращений к значимым событиям, имеющим значение исторической и культурной идентификации. Например, С. Цвейг, описывая атмосферу начала Первой мировой войны, констатирует поразившую его ненависть сограждан, несмотря на то, что в тот момент он был еще совсем молодым человеком:

*In diesem Augenblick, da Kaiser Wilhelm im Bild erschien, begann ganz spontan in dem dunklen Raume ein wildes Pfeifen und Trampeln. Alles schrie und pfiß, Frauen, Männer, Kinder höhnte., als ob man sie persönlich beleidigt hätte. Die gutmütigen Leute von Tours, die doch nicht mehr wussten von Politik und Welt, als was in ihren Zeitungen stand, waren für eine Sekunde toll geworden. Ich erschrak. Ich erschrak bis tief ins Herz hinein. Denn ich spürte, wie weit **die Vergiftung** durch die seit Jahren und Jahren geführte **Hasspropaganda** fortgeschritten sein musste, wenn sogar hier, in einer kleinen Provinzstadt, die arglosen Bürger und Soldaten bereits dermaßen gegen den Kaiser, gegen Deutschland aufgestachelt worden waren, dass selbst ein flüchtiges Bild auf der Leinwand sie schon zu einem Ausbruch verleihen konnte (S. Zweig. Die Welt von gestern. S. 227–228).*

Аналогичное рассуждение мы видим и в автобиографии К. Манна «Der Wendepunkt»:

Jedermann schien von der Stärke der Koalition geschmeichelt, die sich gegen unser Vaterland zusammengetan hatte. Offenbar war das Hauptziel dieses Spieles, sich so verhasst wie möglich bei den anderen Völkern zu machen. »Viel Feind, viel Ehr!« Der Schlachtruf klang lustig und siegesgewiss. Die Teiler Ladebesitzer uns Bauern amüsierten sich über die vielen Kriegserklärungen. Jetzt auch noch Rumänien! So ein Glück! Alle wollten gegen Deutschland kämpfen» Nun, unser Kaiser hatte Sicherheit genug, es mit der ganzen feigen Bande aufzunehmen (K. Mann. Der Wendepunkt. S. 56).

Конечно, перед нами взгляд взрослого человека, хотя эта рассуждающая и оценивающая вставка звучит из уст ребенка, в

главе о детстве «Erziehung». Память возвращает воспоминание назад, далеко в прошлое.

Как уже упоминалось, автор выполняет множество функций в процессе рассказа о себе самом, исходя из того, что он объединяет в себе и объект, и субъект, и автора вербальной автопрезентации. Автобиографическое время часто, как следует уже из предыдущих примеров, *эмоционально*, поскольку вспоминающее «Я» — это всегда оценочное, эмотивное «Я», его вербализованные представления о своей жизни отражают «эмоционально-социологизированные» представления человека об окружающем мире [Шаховский 1994: 20]. Известный психолог С. Л. Рубинштейн обращает внимание на «двойной характер эмоции, которая включает в себя единство аффективного и интеллектуального, переживания и сознания» [Рубинштейн 1984: 156]. Метафора памяти постоянно питает эмоциональную почву мемуариста. Следующая характеристика из произведения К. Цукмайера «Als wär's ein Stück von mir» является результатом оценивающего описания яркого человека, встретившегося когда-то на жизненном пути, этот эпизод включен в главу о детстве автора:

Nie werde ich vergessen, wie uns Herr Carl Gustav Mayr des alten Kaspar-Moser-Gasthofs zu Henndorf, unter den schattigen Kastanien seines erhöhten Wirtshauses, jenseits der Straße, empfing. Es war, als wäre man beim letzten Großherzog eines der alten, höchst kultivierten Duodezhöfe zu Gast geladen. Seltsam mischte sich in seinem leicht ergrauten Kopf das Derbe mit dem Zarten. ... Denn das Malen, Zeichnen, Sticken und Weben, in dem er zu großen Kunstfertigkeit brachte, empfand er als seinen Hauptberuf, indem er den Gasthof mehr als eine Art von Erbgut oder Stammschloß mit einer spielerischen Großzügigkeit, doch niemals leichtsinnig, verwaltete (C. Zuckmayer. Als wär's ein Stück von mir. S. 13–14).

Оценка этого человека не может принадлежать ребенку, хотя бы потому, что ребенок вряд ли мог посещать ресторан. Кроме того, такие оценочные средства, как: эпитеты (kultivierten), интенсификатор (höchst), абстрактное существительное (Großzügigkeit) вряд ли могут звучать из уст ребенка. В данном фраг-

менте проявляется индивидуальная особенность автобиографической памяти автора. Его оценка этого человека свидетельствует о благополучной жизни, подтверждающей позитивную «эго-идентичность» субъекта [Нуркова 2000: 106].

Приведем еще один пример из повести В. Кёппена «Jugend». В ней рассказывается о необычайно несчастливой юности героя, о его трудных взаимоотношениях с матерью. Обусловлено это было фактом незаконного рождения, в связи с чем автобиографическое «Я» выступает как страдающее и агрессивное, определяющее отрицательно смысл и взаимозависимость событий, например:

Ich versuchte die Stadt. Ich war ein Ärgernis. Ich wollte ein Ärgernis sein. Die Ordnung beobachtete mich. Die Bürger mikrospikierten mich in ihren Fingerspitzen. Ich war ein Ungeheuer. Die Ordnung fühlte sich herausgefordert und wünschte ein Gesetz. Alle Ertüchtiger bliesen zur Jagt. Sie pirschten sich ran. Sie umstellten mich. Sie bauten Fallen, in die ich nicht fiel. Ich tat nichts. Ich tat keinem etwas. Das war verdächtig. Das war böse (W. Köppen. Jugend. S. 130).

В воспоминаниях «Я» находится одновременно и в прошлом, и в настоящем. Все, что пережито, составляет его духовный мир, «тогда» и «теперь» неразрывно соседствуют в его эмоциональной памяти. Эта повесть представляет собой гетерогенный, мозаичный сюжет, фрагменты которого собираются в картину несчастливой юности героя. Чувство вины превращает его в аутсайдера, он видит в обществе источник своих несчастий. Автор ищет свой путь то в театре, то в революционных идеях, то в дружбе с революционерами, то, наконец, в чтении. Не случайно поэтому в повести имеется множество литературных мотивов, политических ассоциаций, критических и иронических замечаний по поводу общественной жизни, вплетаемых в общую канву повествования. Живое настоящее автора, повествователя и героя В. Кёппена состоит из множества душевных движений, которые составляют субъективную «амплитуду души» протагониста, лежащую в основе смены пространственно-временных локусов, тематических мотивов, эмо-

циональных настроений. В конечном итоге повесть превращается в обличительный сбивчивый поток внутренней ассоциативной речи, так что нарушаются конвенциональные законы автобиографического жанра. Модулируемый мир протагониста правдив в своем автобиографическом фоне, в то время как созданная словесно-речевая структура отражает фантазийные возможности автобиографической памяти, позволяющей В. Кёппену создать не просто автобиографический протокол, а художественную форму, в которой языковая репрезентация отражает непоследовательность и противоречивость автобиографической памяти.

Таким образом, рассказывая свою жизнь, автор создает некий мир в его огромном многообразии. При рассмотрении некоторых особенностей времени в текстах литературной автобиографии можно сделать вывод, что автобиографическая память является многомерным феноменом, выражающим множество функций автобиографического субъекта (интер- и интрасубъективных) в тексте, создающих своеобразное соединение документальности и фикциональности. Преломлённое в тексте, автобиографическое время документально, но одновременно приближается к художественному: оно обратимо, многомерно, растяжимо, эмоционально.

Литература

- Адмони 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. — СПб.: Наука, 1994.
- Бахтин 1986 — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Наука, 1986.
- Вольф 1985 — Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985.
- Гаранин 1981 — Гаранин Л. А. Проблема мемуарного жанра советской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1981.
- Гончарова, Ньюбина 2016 — Гончарова Е. А., Ньюбина Л. М. Я — Мир — Текст. — СПб., 2016.
- Гуревич 1984 — Гуревич А. Я. Категории Средневековой культуры. — 2-е изд., исправ. и доп. — М.: Искусство, 1984.
- Никитин 2003 — Никитин М. В. Пространство и время в ментальных мирах // Вопросы германской и романской филологии: Ученые записки РГПУ им. А.И. Герцена. — Т. IX, вып 2. — СПб., 2003.

- Нуркова 2000 — Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. — М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Породин 2006 — Породин И. В. Лингвопоэтические средства выражения эгоцентрической немецкоязычной художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2006.
- Рубинштейн 1984 — Рубинштейн С. Л. Эмоции // Психология эмоций: тексты. — М., 1984.
- Тураева 2016 — Тураева З. Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): учебное пособие. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016.
- Шаховский 1994 — Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5.
- Шишкова, Смирнова 2003 — Шишкова Л. В., Смирнова Т. Ю. Синтаксис современного немецкого языка: учебное пособие. — М.: Издательский центр «Академия», 2003.
- Фаулз 2003 — Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта: роман / пер. с англ. М. Беккер и И. Комаровой. — М.: Эксмо, 2003.
- Lejeune 1994 — Lejeune Ph. Der Autobiographische Pakt. — Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1994.
- Hamburger 1968 — Hamburger K. Die Logik der Dichtung. — 2. stark veränderte Aufl. — Stuttgart: Klett, 1968.
- Picard 1978 — Picard H.-R. Autobiographie im zeitgenössischen Frankreich: Existenzelle Reflexion und literarische Gattung. — München: Fink, 1978.
- Stanzel 1995 — Stanzel F. K. Theorie des Erzählens — 6. veränd. Auflage. — Göttingen, Vandenhoeck&Ruprecht 1995.
- Walser 1998 — Walser M. Ein springender Brunnen. — Suhrkamp Verlag, 1998.

Источники

- Bieler M. Still wie die Nacht. Memoiren eines Kindes. — Hamburg: Hoffmann und Campe, 1989.
- Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. — Göttingen: Steidl Verlag, 2006.
- Koepfen W. Jugend. — Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1996.
- Mann K. Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. — München: Edition Spangenberg, 1989.
- Zweig S. Die Welt von gestern. Erinnerungen eines Europäers. — Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1985.
- Zuckmayer C. Als wär's ein Stück von mir. Horen der Freundschaft. — Frankfurt/M.: Fischer, 1996.

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению новых тенденций в современном немецком языке, а именно — особенностей структуры и семантики наречий и прилагательных с суффиксами -ig, -lich, -isch и их значений. Стремление к компрессии и экономии языка приводит к возникновению субстантивных словосочетаний на месте развернутых синтаксических конструкций с помощью данных суффиксов. В статье приводятся примеры всех трех суффиксов, иллюстрирующие основной вывод.

Ключевые слова: словообразование, суффиксы наречий, суффиксы прилагательных, грамматическое значение, семантика.

Perelman G. The article is devoted to the consideration of new trends in modern German language, namely the structure and semantics of adverbs and adjectives with the suffixes -ig, -lich, -isch and their meanings. The tendency for compression and language economy leads to the emergence of substantive phrases instead of deployed syntactic constructions by using these suffixes. The article gives examples of all three suffixes, illustrating the main conclusion.

Keywords: derivation, suffixes of adverbs, suffixes of adjectives, semantics, grammatical meaning.

Проблемам значения лексических единиц посвящены многочисленные работы, однако объектом исследования чаще всего являлись слова простой структуры, семантика же производных слов разных классов остается до сих пор наименее разработанной.

Установление семантических особенностей производных слов разных классов возможно только в результате тщательного изучения структурно-семантических характеристик их компонентов, закономерностей их семантической комбинаторики, границ их семантической совместимости и условий ее нарушения.

В настоящей статье мы остановимся на некоторых особенностях структуры и семантики наречий и прилагательных с суффиксами -ig, -lich, -isch и их новых значениях в современном немецком языке. Выступая в обычной для них сигнификативной функции, они в современном немецком языке получают индиви-

дуальное речевое употребление. Получение этими наречиями и прилагательными второй функции отражает наличие новых тенденций в языке.

Следует отметить, что отдельные случаи употребления наречий и прилагательных с суффиксами *-ig*, *-lich*, *-isch* во второй функции имелись и раньше [Sanders 1885], но их массовое распространение, по словам лингвиста Георга Меллера [Möller 1961], они получают лишь в настоящее время.

Широко употребляются с новым значением также наречия с суффиксом *-mäßig*. Георг Меллер пишет: «Мощь этих наречий удивительна. Они вбирают в себя целые высказывания и позволяют избежать сложных синтаксических конструкций. Они являются настоящими формами экономии, они очень удобны, но здесь есть и свои минусы» [Möller 1961].

Как явствует из приводимых Меллером примеров, небрежное употребление говорящим и пишущим этих образований может привести к искажению смысла [Seibike 1963], то есть, как указывалось в начале нашей статьи, надо тщательно изучать границы семантической комбинаторики компонентов и условия ее нарушения.

Становясь «стандартизированным» наречие с суффиксом *-mäßig* распространилось даже вплоть до обиходно-разговорной речи.

Приведем примеры наречий с суффиксом *-mäßig*:

1. Die Erdgasspaltung erfolgt bereits produktionsmäßig. Расщепление природного газа уже осуществляется производственным путем.

2. Ich bin arbeitsmäßig sehr in Druck. Вместо того, чтобы сказать «Ich habe so viel zu tun, dass ich nicht weiß, wie ich die Arbeit schaffen soll» употребляется «компактное средство» — наречие с суффиксом *-mäßig*, вместо сложноподчиненного предложения с двумя придаточными (1-й и 2-й степени).

3. Широкое употребление производных наречий с новым значением происходит на фоне общих тенденций в немецком языке [Адмони 1973], в частности, стремление к компрессии различных синтаксических образований (придаточных предложений, инфинитивных оборотов), к экономии языковых средств.

Образования с суффиксом -lich широко распространены в немецком языке. Характерный пример приводит Г. Меллер: «Если мы говорим “Meine Eltern fühlen sich wohnlich sehr beengt”, то это означает “Meine Eltern haben eine sehr kleine Wohnung, und sie fühlen sich darin beengt”». Наречие «wohnlich» заменяет развернутое словосочетание «eine sehr kleine Wohnung haben». По этой же модели образованы и употребляются наречия «mannschaftlich» и «zeitlich» в предложении «Die erfurter Elf war mannschaftlich besser, als Zwickau, da sie zwischenzeitlich scharf trainiert hat». (Эрфуртская футбольная команда была как команда лучше, чем Цвикау, так как много тренировалась в период между матчами).

Насколько распространен этот тип словообразования, указывают многие предложения со словом «farblich».

Приведем некоторые примеры с этим наречием:

1. Die Motive des Bildes sind farblich nicht streng voneinander abgegrenzt.

2. Die Innenausstattung der Schule hält sich farblich im Ton des Schaftmaterials.

3. Die Brandsohlen stimmen mit dem Futter der Schuhe farblich überein.

Модель такого типа получила большое распространение, так как является емким и компактным средством выражения сложного смыслового содержания.

Приведем примеры наречий с суффиксом -isch:

1. Erika arbeitet filmisch in München (Th.Mann). (Эрика работает в области кино).

Это обобщенное грамматическое значение или обобщенная связь между двумя вещами, в данном случае, между человеком и областью его деятельности (человеком и какой-то отраслью киноискусства или производством кино).

2. Aber der Gast war darstellerisch und ganz unzulänglich auch stimmlich wenig sympatisch (Th. Mann). (Но гость был мало симпатичен как актерскими данными, так и голосом).

В новом значении деривационные образования прилагательных с суффиксами -ig, -lich, -isch могут выступать не только как наречия, но и как прилагательные в атрибутивной функции. «Die kartenmäßige Darstellung» вместо «mit Hilfe von Karten».

Они также часто употребляются в соответствии с новой тенденцией — проникновением субстантивных групп в общий язык, в научно-популярную литературу и в обиходно-разговорный язык [Eggers 1961]. Для всех современных языков такие группы существительных являются важной составной частью синтаксиса.

Частое употребление именных средств объясняется возможностью выразить в краткой, компактной форме сложное смысловое содержание. Сочетание глагольных и именных средств языка позволяет избежать монотонности, обеспечить многообразие и яркость речи. Широкая употребительность наречий и прилагательных с суффиксами *-ig*, *-lich*, *-isch* отражают новые общие тенденции в современном немецком языке.

Литература

- Адмони 1973 — Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. — М., 1973.
- Eggers 1961 — Eggers H. Wandlungen im deutschen Satzbau // Der Deutschunterricht. — 1961. — Н. 5.
- Möller 1961 — Möller G. Deutsch von heute. Kleine Stilkunde unserer Gebrauchssprache. — Leipzig, 1961.
- Sanders 1885 — Sanders D. Wörterbuch in 3 Bd. — Berlin, 1885.
- Seibike 1963 — Seibike W. Wörter auf *-mäßig* // Sprachkritik und Sprachbetrachtung. — Hefte 2, 3. — 1963.
- Шишкова 1984 — Шишкова Л. В. Практикум по курсу «Теоретическая грамматика немецкого языка»: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2103 «Иностранные языки» / Л. В. Шишкова, И. И. Мейксина. — Москва: Просвещение, 1984.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС КАК «СРЕДА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ» ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Реализация функционального потенциала языковой единицы обусловлена ее взаимодействием со «средой обитания». Оно осуществляется, с одной стороны, как участие в репрезентации категориальной ситуации (взаимодействие с другими компонентами высказывания), с другой — как участие в создании смысловой структуры текста. Выдвижение в прагматический фокус определенных смыслов обусловлено дискурсивными параметрами текста. При этом функциональный потенциал языковой единицы может претерпевать значительные изменения. Описание «контекста употребления» необходимо предполагает описание дискурсивных / коммуникативно-прагматических параметров.

Ключевые слова: репрезентация грамматического значения, результативное значение, категориальная ситуация, прагматическое фокусирование, политический дискурс

Smirnova T., Krishtal I. Statement, text and discourse as «habitat» for the manifestation of a grammatical meaning. The realization of a functional potential of the unit of language is specified by its interaction with the "habitat". It is performed, on the one hand, as participation in the representation of a categorical situation (interaction with other components of the utterance), on the other hand, as participation in creating the semantic structure of the text. Foregrounding to the pragmatic focus of some certain meanings is specified by discursive parameters of the text.

At the same time a functional potential of the unit of language may suffer significant changes. The description of the "usage in context" indispensably supposes the description of discursive/communicative-pragmatic parameters.

Keywords: representation of the grammatical meaning, resultative meaning, categorial situation, pragmatical focusing, political discourse.

Предлагаемые в данной статье размышления и наблюдения посвящены памяти Учителя, профессора Л. В. Шишковой, и отражают основной принцип ее исследований — особое внимание к «реальной жизни» грамматической единицы, ее модификациям, ее адаптации к «среде обитания».

Как известно, изменения в шкале ценностей лингвистических исследований второй половины 20 века — отход от исключительно системного описания, растущее внимание к коммуникативно-прагматическому аспекту языка — продемонстрировали необходимость объединения системно-грамматического и коммуникативно-прагматического, текстового, когнитивно-дискурсивного подходов при описании грамматических единиц.

Различие подходов отражается, в первую очередь, в различии описываемого предмета: при парадигматической интерпретации грамматических форм в центре внимания оказываются соотношения между понятиями «значение грамматической формы», «общее значение», «основное значение», «многозначность», «синонимия» грамматических форм и т. п. (ср. «Bedeutung», «Hauptbedeutung», «Bedeutungsschattierung», «Mehrdeutigkeit» [Адмони 1960]). И хотя в рамках структурно-системного подхода контекст, условия употребления той или иной грамматической единицы в определенной мере учитывались, о чем свидетельствует разграничение «парадигматического и синтагматического значений», но «значение» и «употребление» друг другу принципиально не противопоставлялись. Так, например, термин «Bedeutungsschattierung» употребляется как синоним термина «Gebrauchsweise», а понятие «периферийное значение» приравнивается понятию «употребление».

Следует, однако, отметить, что понятия «транспозиция» и «нейтрализация», используемые в рамках системного описания, можно считать шагом вперед по сравнению с простой констатацией наличия у формы определенной функции (например, исторический или футуральный презент), так как при описании транспозиции и нейтрализации учитываются параметры контекста, задающего правила ее семантизации, правила ее «прочтения» (Lesart).

Учитывая критическое отношение немецких германистов к выделению собственно функционального направления исследований (наряду с получившими общее признание семантическим, синтаксическим и прагматическим), необходимо подчеркнуть, что понятие «функция» позволило связать «значение» со средой, с условиями функционирования грамматиче-

ских единиц. С понятием функции соотносится представление о *роли* языковой единицы в контексте целого, так как функция рассматривается как предназначенность элемента к определенному способу существования в системе, как отношение части по отношению к целому.

Попытка определения статуса грамматической единицы на основе ее употребления, т.е. изменение ракурса исследования, при котором предметом исследования становится собственно «употребление», представлено в трудах по грамматике текста, а также коммуникативных грамматиках. Примером может послужить «Textgrammatik der deutschen Sprache» Х. Вейнриха [Weinrich 1993]. Идея употребления языковой единицы (в частности, временных глагольных форм) в зависимости от регистра (Besprechen, Erzählen) свидетельствует о значимости коммуникативно-прагматических характеристик ситуации, в которой происходит общение. Существенно, что говорящий, преследуя определенную цель, имеет возможность *выбора* определенной языковой единицы, находящейся в системно-языковых (синонимических) отношениях с другими языковыми единицами. Этот выбор демонстрирует тесную зависимость употребления от коммуникативной ситуации. Отметим, однако, что понятия *текст* и *контекст* друг другу при этом не противопоставляются.

В коммуникативно-ориентированных грамматических описаниях предлагается другое направление исследования — от текста или коммуникативно-прагматической ситуации (текста определенного функционального стиля, жанра, композиционно-речевых форм, от коммуникативных регистров речи, речевых актов) к языковым средствам манифестации в них релевантных значений. В кругу внимания оказывается комплекс разноплановых языковых средств (ср. о языковых средствах формирования коммуникативных регистров речи. [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 400–431]). Хотя исследования, выполненные в этом русле, не ставят своей целью описание отдельных грамматических единиц, они вносят вклад в определение параметров «среды», предопределяющей их функционирование.

Наибольший интерес для определения принципов описания взаимодействия грамматических единиц и «среды» представляет

изучение функционального потенциала грамматических единиц в нетипичных для них контекстах [Нефёдов 2015]. Противопоставление типичных и нетипичных контекстов не только позволяет описать *функцию, как предназначенность* языковой единицы *для употребления в определенных контекстах*, но и установить модификацию этой функции в нетипичных контекстах, тот новый потенциал единицы, который появляется в результате взаимодействия со средой.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что вопрос о репрезентации грамматического значения тесно связан вопросом о влиянии «среды». В качестве среды, как правило, рассматриваются контекст, предложение/высказывание, текст в различных статусах его существования, коммуникативная ситуация, «обстоятельства речи». Определение «среды обитания» грамматической единицы, поиск ее границ, а также поиск принципов ее описания являются, на наш взгляд, вопросами, до сих пор не получившими исчерпывающего ответа.

Опираясь на результаты исследований, проделанных в различных направлениях, приходим к выводу, что при описании «среды», необходимо разграничивать и совмещать несколько ракурсов. При описании репрезентации грамматического значения основными, на наш взгляд, являются тесно связанные друг с другом:

1. репрезентация грамматического значения на уровне высказывания. Описать репрезентацию грамматического значения на уровне высказывания позволяет предложенное А. В. Бондарко понятие «категориальной ситуации», отражающем идею о возможности реализации единой функции посредством разноплановых языковых средств и учитывающем их взаимодействие в рамках высказывания [Бондарко 2002]. Понятие категориальной ситуации позволяет проецировать функционально-семантическое поле на уровень высказывания (и текста);

2. репрезентация грамматического значения на уровне текста. На уровне текста особое внимание уделяется способам текстового структурирования смыслов (в частности прагматическому фокусированию), которое предопределяет интерпретацию языковых единиц и является, в свою очередь, обусловленным дискурсивными параметрами;

3. репрезентация грамматического значения на уровне дискурса. На уровне дискурса в центре внимания находятся дискурсивные (коммуникативно-прагматические) параметры текста, в частности стратегии и тактики, в рамках которых задается определенный способ интерпретации, «прочтения» компонентов текста.

Используемый в когнитивной лингвистике термин «репрезентация» отражает двойственность статуса грамматического значения — ментальную репрезентацию (структурно расчлененные и системно организованные обобщенные знания о мире) и вербальную репрезентацию, которая осуществляется на разных уровнях языка и в речи. В рамках данной статьи речь идет, в первую очередь, о вербальной репрезентации в высказывании и тексте.

Для иллюстрации предложенного подхода при описании «контекста» приведем пример, который демонстрирует собой один из наиболее сложных случаев вербализации акциональных значений в немецком языке — выражение значения результативности.

Традиционно определяемая в немецком языке как лексико-грамматическая категория «результативность» тесно связана с акциональным значением предельности. Предел представляет собой переход из одного состояния в другое (внутренний предел) или границу действия, обусловленную внешними обстоятельствами (внешний предел). И если внутренний предел, как правило, является компонентом семантики глагольной лексемы, а также отглагольных существительных (*sterben, erröten, ankommen*), то внешний предел, обусловленный внешними факторами, обозначается дополнительными языковыми средствами, как правило, обстоятельствами места, времени, цели и др. (Er schläft *zwei Stunden lang*). Предельные глаголы могут обозначать: а) моментальный переход в новое состояние; б) процесс перехода в новое состояние. Значение результативности связано с достижением предела (*результативного предельности*), в противном случае глагол обозначает *процессную предельность*. Это противопоставление в русском языке является грамматическим (ср. в русском языке аспектуальное противопоставление — *заснуть/засыпать*), а в немецком языке нуждается в дополнительных средствах обозначения недостижения/достижения предела.

Г. Хельбиг и И. Буша приводят, в частности, следующий инвентарь языковых средств, с помощью которых может быть выражено акциональное значение достижения предела:

1) С помощью лексического значения самого глагола: *finden, kommen, treffen, sterben*;

2) Предельный способ действия выражается при помощи словообразовательных средств: *blühen — erblühen, aufblühen*;

3) С помощью дополнительных лексических средств, особенно темпоральных наречий: *Es klingelte plötzlich; Er begann zu reden; Es hörte auf zu regnen; Er arbeitet weiter; Er schläft zwei Stunden lang*;

4) С помощью синтаксических средств, в основном конструкций со вспомогательными и функциональными глаголами: *Er bringt die Arbeit zum Abschluss; Er setzt die Maschine außer Betrieb; Das Mädchen wird rot; Er ist beim Arbeiten*;

5) С помощью временных форм: *Er ist Ingenieur geblieben* [Helbig, Buscha 1996: 73–74].

Следует указать на наиболее сложные вопросы грамматического описания значения предельности/результативности.

Во-первых, это противоречивость при представлении в лексикографических источниках значения предельности немецких глаголов. Исследование словарных статей толковых словарей продемонстрировало, что акциональные значения глагола представлены в них крайне непоследовательно. Так, в частности, отмечаемая лингвистами предельность глаголов с префиксом *be-* [Степанова 1953: 303–305], не находит отражения при представлении значения в словарной статье: «bearbeiten 1. an etwas körperlich **arbeiten**; 2. an einer Sache geistig **arbeiten**; 3. heftig schlagen, verprügeln; 4. jmd. zu beeinflussen versuchen» [Wahrig 1991: 127]. Два значения глагола *bearbeiten* описаны с помощью лексики *arbeiten*, имеющей по-видимому неопределённое значение.

Эти колебания, по-видимому, связаны с возможностями модификации акционального значения в рамках высказывания. Поэтому предельность глагола следует рассматривать лишь как его *potentio* обозначать достижение предела (результат) или процессную предельность.

Дискуссионным является также определение значения перфекта [Welke 2005: 192–200; Богуславская 2008; Камкина 2013].

Обобщая позиции ученых, Ж. В. Камкина предлагает разграничивать перфект *перфективный* и *неперфективный*. Формы неперфективного перфекта образуются от неопределенных глаголов. При этом отсутствует признак завершенности действия или процесса, характеризующий достижение предела, речь идет лишь об окончании действия, его соотносительности с прошедшим (*Goethe hat in Weimar gelebt*). Перфектный перфект содержит сему завершенности и может быть образован только от предельных глаголов (— *Warum freust du dich so? — Ich habe die Schule bestanden*) [Камкина 2013: 84–101].

В-третьих, не всегда учитывается роль дополнения в выражении результативности высказывания. Говоря о решающей роли аргумента в лексико-семантической структуре глагола. Б. Хандверкер приводит в качестве примера глагол *erschlagen*, который содержит значение изменения состояния аргумента, при этом аргумент выступает в предложении в качестве объекта. Является ситуация предельной или нет, зависит от качества аргумента. Если аргумент выражен объектом в единственном числе, т.е. речь идет о единичном конкретном референте (*eine Fliege*), то все высказывание можно рассматривать как результативное: *Johann brauchte zwei Stunden, um die Fliege zu erschlagen*. Некорректно следующее высказывание: **Johann erschlug die Fliege zwei Stunden lang*. В случае, если аргумент обозначает неограниченное количество (*Fliegen*), то ситуация является нерезультативной: *Johann erschlug zwei Stunden lang Fliegen*. Можно говорить лишь об ограничении внешним пределом. Нельзя сказать **Johann brauchte zwei Stunden, um Fliegen zu erschlagen* [Handwerker 2003]. Анализ материала демонстрирует, что неопределенные глаголы, обладающие объектной валентностью, при наличии в высказывании единичного конкретного объекта, обозначают результативный процесс. Он «исчерпан» с появлением объекта, границы объекта становятся границами процесса.

Таким образом, *на уровне высказывания* достаточным условием репрезентации результативного значения является использование предельного глагола в форме перфекта, а также использование неопределенного глагола или предельного глагола в других грамматических формах при обязательном взаимодействии с

обстоятельствами и дополнениями определенной семантики. К лексическим единицам с грамматическим потенциалом, позволяющим выразить результативное значение, наряду с глаголами относятся девербативы, существительные с событийной семантикой, а также специализирующиеся на выражении акциональных значений устойчивые глагольно-именные структуры *zum Ausdruck bringen*, *zum Ausdruck kommen* и т.п.

На уровне текста осуществляется ранжирование смыслов — актуализация определенных значений как смысловых доминант. «*Прагматическое фокусирование* — это иерархизированная система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования текстовых элементов, несущих более значимую информацию» [Богданова 2000: 4]. Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин, определяя текстовую доминанту, выделили среди прочих такой способ как повторяемость в тексте, высокую частоту употребления каких-либо грамматических явлений, лексики, лексических категорий и т.д. Это могут быть *словообразовательные, морфологические* (преобладание в тексте слов одной части речи, однотипные грамматические формы), *синтаксические* (повторная номинация, сравнительные конструкции) и *лексические* (синонимия, антонимия, паронимия, многозначность) средства актуализации [Бабенко, Казарин 2005: 216–219].

Подчеркнем, что при выдвижении в прагматический фокус значимыми оказываются не только семантика лексических и грамматических единиц, т.е. актуализация потенциально присутствующих им значений, но и приемы, связанные со структурированием текста.

Рассмотрим некоторые случаи текстовой репрезентации результативного значения, оказывающегося в прагматическом фокусе в текстах политического дискурса.

Одной из главных стратегий политического дискурса является стратегия демонстрации успешной деятельности партии. Это влечет за собой необходимость выдвижения в прагматический фокус значения успешной результативной деятельности.

Для смыслового выделения этого значения используются, в частности, номинализованные структуры, так как отглагольное существительное, как правило, имеет результативное

значение (в отличие от глагола, который может иметь значение процессной предельности, ср. *sich verändern* — *Veränderung*), а также обобщенно-грамматическое значение предметности, присущее существительному, которое позволяет акцентировать внимание на событии как «предмете мысли» [Адмони 1986: 92–93]:

*Damit müssen wir umgehen, und das wird **Veränderungen** in unserer Politik mit sich bringen... (1)*

*Mit dem Regierungsprogramm «Digitale Agenda 2014–2017» wird die Bundesregierung den digitalen **Wandel** aktiv mitgestalten. (2)*

В фокусе оказываются также существительные, значение которых связано с целеполаганием — планом по достижению цели (*der Plan, das Ziel, die Aufgabe, das Anliegen* и т.п.), а также обозначающие уже существующий результат (*das Ergebnis, der Abschluss*) или успех (*der Erfolg, der Fortschritt*):

*Als Bundesregierung ist es unser **Anliegen**, diese Kräfte zu stärken. (3)*

*So können wir uns heute über **den Abschluss** eines wichtigen Projekts freuen. (4)*

В сочетании с процессуальными существительными используются глаголы с семантикой «осуществления». Не обозначая конкретного действия, они служат экспликации результативного значения:

*Es bestand also die Aufgabe, neben der Umlagefinanzierung ein System der Kapitaldeckung aufzubauen. Das **haben** wir **getan**. (5)*

*Griechenland hat seit 2009 enorme Fortschritte **gemacht**. (6)*

Успешная результативная деятельность оказывается в центре прагматического фокуса благодаря специальному выделению при помощи глаголов *schaffen, meistern, bringen, gelingen, erreichen, überwinden*:

*Ich bin davon überzeugt, oder andersherum: Wir **schaffen** das. (1)*

*Darüber hinaus **schaffen** wir ab Januar 2016 für den Westlichen Balkan neue Wege zur legalen Arbeitsmigration nach Deutschland. (7)*

*Es **ist** ihr **gelingen**, einen gewissen Protest hinter sich zu versammeln. (8)*

С точки зрения структуры текста одним из средств прагматического фокусирования является кореферентный повтор. В следующем примере результат, выраженный с помощью существительного *das Ergebnis*, раскрывается в придаточном предложении. Фокусирование внимания реципиента на результате деятельности усиливается за счет использования пассива состояния (*akzeptiert worden ist*):

*Es ist das zentrale **Ergebnis** der letzten Gipfel in Brüssel, dass **dies akzeptiert worden ist** und man dies einsieht. (9)*

Прагматическое фокусирование осуществляется не только благодаря концентрации, многократному использованию языковых единиц с результативным значением (например, номинализированных структур), текстовые связи позволяют осмысливать как результативные языковые единицы, которого данного значения вне текста не имеют. Например, переход из одного состояния в другое как результат успешной деятельности партии может быть описано при сопоставлении двух статичных ситуаций, т.е. без обозначения результативного действия:

*Wir sind **nicht mehr Schlusslicht** in Europa. Wir sind **Stabilitätsanker** in Europa. Wir sind die **Wachstumslokomotive**.(10)*

Высказывания со сказуемым — неопределённым глаголом в форме презенса так же могут на текстовом уровне приобретать результативное значение, если они раскрывают содержание ранее названного достижения результата:

*Sie ist zugleich eine **Leistungsbilanz**, die sich sehen lassen kann: Denn unsere wirtschaftliche Lage **ist gut**. Unser Volk lebt in sozialer Sicherheit, und unser Volk **lebt** in Freiheit. Der innere Friede ist gefestigt, und der äußere Friede ist gefestigt. (11)*

Denn was ist seit 2011 passiert? — Statt eines effizienten Managements dieser Jahrhundertaufgabe, statt Reformfreude und einer sehr offensiven Gestaltung dieses Projekts erleben wir Frustration, Desorganisation, mangelnde Koordination, insbesondere mit den Ländern, inzwischen fast Angst vor Stromausfällen und gestiegene Energiepreise. (12)

Исследуя репрезентацию результативного значения на уровне дискурса, можно установить следующие взаимосвязи.

Тексты политического дискурса, выступления политических деятелей, будучи средством борьбы за политическую власть, демонстрируют особое стремление подчеркнуть успешность деятельности партии или отдельных политиков. Стратегия положительной самопрезентации оказывается, таким образом, тесно связанной с подчеркиванием успешной — результативной — деятельности, а тактики, применяемые для осуществления данной стратегии, предопределяют выдвижение в центр прагматического фокусирования языковых средств актуализации результативного значения.

В рамках реализации стратегии самопрезентации значение результативности принимает облик *«достижения цели»* / *«результата успешной деятельности»*, которые манифестируются при применении определенных тактик, в частности тактики подчеркивания результатов деятельности политика/партии, тактики обещания, тактики прогнозирования (положительных) результатов, тактика оценки, которая представляет собой *«сопутствующую»* тактику. При этом наряду с системными средствами передачи значения результативности (использование предельных глаголов, особенно предельных глаголов в форме перфекта, отглагольных существительных, обстоятельств) *«достижение»* цели обозначают языковые единицы, не имеющие результативного значения.

Рассмотрим второй случай репрезентации результативного значения в политическом дискурсе — репрезентацию в рамках тактик обещания и прогнозирования результатов *«успешной деятельности»* в будущем.

Основным компонентом, направленным на выражения результата в будущем, является форма Futur I, которая использует-

ся говорящим для представления *намерения осуществить* определенное действие:

...wir werden unsere gesamte Entwicklungshilfe verstärkt auf die Themen einer nachhaltigen Entwicklung ausrichten (13).

В данной связи встает вопрос о функции формы Futur I. Выделяемая в качестве основной функции, функция «прогноза, предсказания события» [Hentschel, Weydt 2003: 103], в контексте высказывания от первого лица приобретает иное значение. В лингвистической литературе эта функция, как правило, описывается как использование футура для выражения «намерения» (Vorsatz):

Ich werde den Bereich der Integration auch in meinem Haus stärker ausbauen. (14)

Wir dürfen und wir werden die Westbalkanstaaten bei der Bewältigung der Transit-Migration nicht alleine lassen. (7)

В контексте высказывания от первого лица использование футура I свидетельствует о намерении говорящего осуществить какое-либо действие, а также о личной заинтересованности в его осуществлении, т.е. речь идет об *обещании*.

В рамках тактики обещания основной предмет дискуссии о статусе флоры Futur I — темпоральном или модальном — оказывается беспредметным, так как значение эпистемической модальности реализуется в контексте, соотносимым с третьим лицом. Значение «предположения» не затрагивает сферы первого лица и исключено в речевом акте обещания. Поэтому в фокусе внимания оказываются другие функции (Gebrauchsweisen) этой формы [Welke 2005: 367]. В отношении реализации тактики обещания значимым оказывается замечание, касающееся выражения «уверенности» говорящего в осуществлении действия в будущем: «Wenn ein Sprecher behauptet, dass ein Ereignis in Zukunft stattfinden wird, dann kann der Hörer folgern, dass der Sprecher sich sicher ist, dass das Ereignis in Zukunft stattfindet» [Welke 2005: 377]. Важными при изучении значения футура являются следующие рассуждения: футур предельных глаголов, обозначающих моментальный переход от одного состояния к другому

(*kommen, finden*), по мнению ученых, должен быть избыточным, так как презенс данных глаголов может обозначать лишь будущее, он не обозначает настоящего. Следовательно, использование футура должно вызвать некий дополнительный эффект. Контрастное сопоставление употребления презенса и футура приводит к заключению, что наряду с тем, что футур всегда обозначает будущее (т.е. является маркированной формой), он может иметь такие признаки как «подчеркнутая уверенность» (*Nachdrücklichkeit*) и «временная дистанция» (*entfernte Zukunft*).

*Und damit sie jetzt zufrieden sind: ich sage nochmal, wir **werden einen Weg finden**, jetzt heute diskutieren wir erstmal darüber, dass wir in die Lage kommen Koalitionsverhandlungen zu führen, das möchte ich gerne mit Horst Seehofer und auch mit der FDP und dann **werden wir ganz sicher einen Weg finden**, das alle miteinander zufrieden sind. (15)*

В приведенном фрагменте из речи А. Меркель можно отметить использование фразы *wir werden einen Weg finden*, содержащей не только форму будущего времени, но и предельный глагол *finden*. Использование предельного глагола в форме будущего времени является избыточным, поэтому можно предположить, что говорящий стремится особо подчеркнуть свою уверенность. При повторном использовании данной фразы в фокусе оказывается модальное обстоятельство *ganz sicher*, указывающее на убежденность адресанта в результате. Дублирование выражения значения уверенности выдвигает его в прагматический фокус и оказывает определенное воздействие на адресата.

В следующем примере убежденность политика в том, что принятые решения должны в будущем изменить Европу, основаны на сравнении с результатами в прошлом (*vor 25 Jahren*):

*Die hierfür notwendigen Entscheidungen müssen schnell getroffen werden. All dies **wird** Europa wieder **verändern**, genauso wie sich Europa nach den Umbrüchen in Mittel- und Osteuropa vor 25 Jahren tiefgreifend verändert hat. (16)*

Используя в качестве отправной точки замечание о том, что значение «уверенности» не является грамматическим значением формы футура, а представляет собой импликатуру, присущую

утверждению (ассертивному акту) [Welke 2005: 430], можно говорить о характерной для политического дискурса репрезентации результативности как уверенного утверждения о достижении результатов в будущем.

Таким образом, можно говорить об особом уровне манифестации результативности, определяемой параметрами дискурса. Системные средства выражения результативности оказываются значимыми, но не исчерпывающими. Так, при применении тактики обещания / прогнозирования результатов в будущем результативность принимает облик декларации о намерении, глагол в форме Futur I называет не только будущее действие, но и убежденность в обязательном достижении цели.

Существенно, что обещание не обязательно связано с изменением состояния (парадигматическим, системным значение «результативности»). Таким образом, можно говорить о другом уровне репрезентации значения результативности, определяемой параметрами дискурса.

В антропологической лингвистике различие «системного» и «контекстуального» значений определяется следующим образом: актуализированный знак находится в центре тройной концептуализации — референциальной, структуральной и ситуационной. В референциальном плане знак является репрезентантом некоторого ментального образования, появляющегося в результате соотношения с реальной действительностью, структуральная концептуализация определяет позицию языковых элементов в языковой системе, а ситуационная концептуализация определяется интенционально-эпистемологическим состоянием субъекта, формулирующего высказывание в конкретных обстоятельствах речи [Антропологическая лингвистика 2003: 61]. Уточнение «конкретных обстоятельств речи» может идти по пути уточнения дискурсивных и коммуникативно-прагматических параметров, обуславливающих структурирование смыслов в тексте и избирательную репрезентацию грамматических значений. Изучение репрезентации результативного значения в рамках дискурса позволяет предположить, значимые для определенного дискурса смыслы, которые находятся в области прагматического фокусирования, способны модифицировать пара-

дигматические значения языковых единиц, и они оказываются втянутыми в сферу репрезентации резульативного значения.

Наиболее уязвимое место предложенного подхода — возможность отражения дискурсивных / коммуникативно-прагматических параметров в грамматических описаниях. Понимая сложность данной задачи для описательных грамматик, сошлемся на пример практического применения, предлагаемого в ряде учебных пособий по немецкому языку. За упражнениями, посвященными презентации и семантизации грамматической формы (на материале аудиотекстов, демонстрирующих определенные дискурсивные параметры), следуют тренировочные задания и задания, предполагающие свободное употребление: в них описываются значимые характеристики коммуникативно-прагматических ситуаций. Например, в учебнике «Schritte 6» вслед за дидактическим шагом, посвященной «семантизации» формы Futur I как обозначающей действия в будущем, ее употребление соотносится с вербализацией интенций «Versprechen», «Vorsatz», «Drohung», «kategorische Aufforderung», «Vermutung», а далее предлагается применить ее в ситуациях «Wetterbericht», «Horoskop», «Mit guten Vorsätzen...», «Zukunftsvisionen» и т.п. [Schritte international 6, Niveau B1/2: 40]. Благодаря изучению дискурсивных (коммуникативно-прагматических) параметров функционирования грамматических единиц описание их употребления, «среды обитания» приобретает более четкие контуры.

Литература

- Антропологическая лингвистика 2003 — Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. — Москва, Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2003. — 251 с.
- Адмони 1986 — Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. — Москва: Просвещение, 1986. — 336 с.
- Бабенко, Казарин 2004 — Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 496 с.
- Богданова 2000 — Богданова О. А. Цвето- и светообозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста (на материале прозы Г. Грасса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2000. — 19 с.

- Богуславская 2008 — Богуславская И. В. К проблеме толкования немецкого перфекта // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. — Ч. 1. — Межвузовский сборник научных трудов. — Тамбов: Грамота, 2008. — С. 52–54.
- Бондарко 2002 — Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 1998 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — Москва: РАН, 1998. — 528 с.
- Камкина 2013 — Камкина Ж. В. Выражение категории перфектности в немецком языке глагольной формой перфект // Выражение темпоральных и аспектуальных значений в немецком языке в разных стилях, жанрах и типах текста: коллективная монография / под ред. Е. В. Бондарчук. — Архангельск: КИРА, 2013. — С. 84–101.
- Нефёдов 2015 — Нефёдов С. Т. Язык лингвистической науки: вопросительность в ассертивной «среде» научного текста // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. — Вып. V: Язык профессиональной коммуникации. — 2015. — С. 9–26.
- Степанова 1953 — Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. — М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. — 376 с.
- Handwerker 2003 — Handwerker B. Telizität im Deutschen — ein Lerngegenstand. In: Deutsch als Fremdsprache 40. Jahrgang, S. 141–148.
- Helbig, Buscha 1996 — Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. — Enzyklopädie. Leipzig, 1996.
- Hentschel, Weydt 2003 — Hentschel E., Weydt H. Zandbuch der deutschen Grammatik. — Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2003. — 524 с.
- Schritte 2013 — Schritte international 6, Niveau B 1/2, Kursbuch. — Hueber Verlag, 2013.
- Wahrig 1991 — Wahrig G. Elementarwörterbuch der deutschen Sprache. — Bertelsmann Lexikon Verlag. Güterloh/ München, 1991.
- Weinrich 1993 — Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. — Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. — 1111 с.
- Welke 2005 — Welke K. Tempus im Deutschen. Rekonstruktion eines semantischen Systems. — Walter de Gruyter: Berlin, 2005.

Источники

- (1) — <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/2015/11/2015-11-26-rede-merkel-haushalt.html>
- (2) — <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2015/09/2015-09-10-rede-deutscher-bundestag.html>
- (3) — http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Reden/DE/2010/01/min_dbb.html
- (4) — <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/2015/12/2015-12-09-rede-inbetriebnahme.html>
- (5) — http://www.gewerkschaft-von-unten.de/Rede_Davos.pdf
- (6) — <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/interview/2014/12/2014-12-27-schaeuble.html>
- (7) — http://www.auswaertiges-amt.de/sid_D68B4488105DAFB223EE06E03868A037/DE/Infoservice/Presse/Reden/2015/151124-BM_Aspen_Institute.html
- (8) — <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Interviews/DE/2015/12/interview-welt-am-sonntag.html>
- (9) — <http://www.leipzig2011.cdu.de/images/stories/docs/111115-bericht-kauder.pdf>
- (10) — <http://www.leipzig2011.cdu.de/images/stories/docs/111114-rede-merkel.pdf>
- (11) — http://www.lmz-bw.de/fileadmin/user_upload/Medienbildung_MCO/fileadmin/bibliothek/schmidt_RE_1974/schmidt_RE_1974.pdf
- (12) — http://www3.spd.de/scalableImageBlob/83794/data/bpt2012_rede_steinbrueck-data.pdf
- (13) — http://www.zeit.de/reden/deutsche_innenpolitik/200349_merkelcduparteitag
- (14) — <http://www.bmi.bund.de/SharedDocs/Reden/DE/2015/11/ministerrede-bundshaushalt-2016.html>
- (15) — <http://www.wahl.de/tvduell>
- (16) — <http://www.bundesregierung.de/Content/Rede/DE/2015/10/2015-10-07-rede-bkin-eu-parlament.html>

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПРЕПРОНОМИНАЛИЗАЦИИ И ПРОНОМИНАЛИЗАЦИИ В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале новеллы Артура Шнитцлера «Die Toten
schweigen»)**

В статье раскрывается прагматический потенциал препреноминализации и прономинализации в художественном тексте. Исследование базируется на принципе, сформулированном Л. В. Шишковой о соотносительности коммуникативного аспекта высказывания с речевой ситуацией, благодаря которой возможно адекватное восприятие референциального содержания текста. Посредством комбинирования личных местоимений в повествование вносятся дополнительные смыслы и углубляется содержательный подтекст.

Ключевые слова: художественный текст, когезия, когерентность, препреноминализация, прономинализация, дейксис

Shipova I. Communicative-pragmatic aspect of prepronominalization and pronominalization in fiction text (based on the novel by Arthur Schnitzler "Die Toten schweigen"). The article reveals the pragmatic potential of prepronominalization and pronominalization in a literary text. The study is based on the principle formulated by L. V. Shishkova about the relationship between communicative aspect of utterances with a communicative situation that allows adequate perception of the referential content of the text. By combining of personal pronouns additional meanings appear and subtext is deepened.

Key words: fiction text, cohesion, coherence, prepronominalization, pronominalization, deixis

В своей работе Лариса Васильевна Шишкова писала: «Коммуникативный аспект предложения соотносит его референциальное содержание с конкретной ситуацией реальной действительности, т. е. актуализирует содержание предложения с точки зрения его соотносительности с речевой ситуацией в отношении времени, реальности, степени участия лиц и т.п.» [Шишкова, Смирнова 2003: 29]. Данное утверждение справедливо не только для устной коммуникации, но и для порождения и восприятия

текста, который, хотя и условно, но также выступает неким речевым актом, адекватное прочтение которого существенно затрудняется, если его содержание не соотнесено с реальностью и не имеет взаимосвязи с определенным временем, местом действия и с его участником/участниками. Идентификация в тексте последних имеет важное значение и происходит различными способами. Например, в тексте рассказа Артура Шнитцлера «Бенефис» («Der Ehrentag») персонажи вводятся уже вначале именами собственными, что делает их референциально соотнесенными с ситуацией фикциональной действительности некоего художественного мира:

August Witte saß schon eine halbe Stunde im Kaffeehaus und hatte eine Menge Zeitungen vor sich liegen, die er nicht anschaute, als endlich Emerich Berger in großer Hast erschien.

Совершенно иначе воспринимается текст, введение персонажей которого ограничивается препрономинализацией, т. е. обозначением действующего в повествовании лица личным местоимением. В теоретической грамматике хорошо известно явление прономинализации — замещения и одновременного семантического продвижения имени через референциально-идентичное местоимение в анафорической функции [Голубева 2010: 95]. В этом случае речь идет о местоименном подхвате существительного, употребленного в тексте для обозначения лица, предмета, события и т. п., позволяющего не повторять названное, сохраняя при этом логическую взаимосвязь между предшествующим и последующим предложениями текста. Прономинализация — один из способов реализации когезии в тексте, делающий его когерентным, т. е. целостным и связным. Анафорическая функция предполагает соотнесение местоимения с предшествующим сегментом текста, сохранение тематической преемственности повествования и логической связи всех частей истории.

По этому принципу строится большинство типов текста: официально-деловые, научные, утилитарные, таким образом всегда строились и художественные тексты, за исключением, пожалуй, поэтических, где логическая взаимосвязь элементов никогда не бы-

ла первичной, уступая место ассоциативным связям, возбуждающим фантазию читателя, активизируя его творческое мышление.

В XX веке в художественных нарративных текстах наметилась тенденция к инверсии прономинализации, называемой Х. Вайнрихом препрономинализацией [Weinrich 1993: 386], при которой местоимение выступает в катафорической роли, позволяющей реципиенту текста только опознать первоначального референта как лицо или вещь [Голубева 2010: 95]. В результате читающий отсылается не к началу текста, а к сегментам, следующим за местоименным вводом, где местоимение получает идентификацию в виде существительного или какой-либо именной группы. Иногда объяснение того, что или кто скрывается за обозначением *он/она/они* появляется уже в примыкающем предложении, но чаще это происходит позже, а иногда идентификация лица так и так и не происходит. Такое явление можно наблюдать в краткой прозе Германии послевоенного периода, когда использование препрономинализации получило чрезвычайное распространение. К данному приему прибегали В. Борхерт, В. Дитрихшнурре, Р. Хохоут, Г. Бёлль и многие другие. Примеры препрономинализации встречаются и в ранее написанных художественных текстах. Эта тенденция не исчезает и по сей день, поэтому объяснение коммуникативно-прагматической направленности препрономинализации представляет определенный интерес и продолжает сохранять свою актуальность.

Личные местоимения входят в группу так называемых дейктических знаков языка, не имеющих референциальной соотнесенности с реальностью, а приобретающих её при введении их в акт речи [Бенвенист 1998: 288]. В художественном тексте говорящим, вернее, рассказывающим, является автор, т.е. некто, кто в момент речи превращается, по выражению Л. В. Шишковой, «в реальный центр персонального дейксиса» [Шишкова, Смирнова 2003: 29]. позволяет идентифицировать лицо или объект, скрывающийся за личным местоимением в ситуации фикциональной действительности, отвечающей критериям внутренней достоверности. Проследим, как это происходит, на материале рассказа австрийского писателя и драматурга Артура Шнитцлера «Die Toten schweigen» (Мертвые не говорят), написанного в 1912 году.

В художественном тексте, создаваемом на рубеже XIX и XX веков, многое менялось под влиянием новых эстетических ориентиров. Модернизм с его ярко выраженными настроениями упадничества находил все больше сторонников и приверженцев. Данное течение принесло в искусство художественной литературы не только новую идеологию, оно значительно обогатило инструментарий творческого процесса, позволило авторам освоить новые средства выразительности на всех уровнях языковой системы. Немецкоязычная художественная литература получила прекрасные образцы поэтического текста, авторами которого стали Р. Рильке, Х. Гофмансталь, Шт. Георге, А. Хольц и др. Не менее интересен и нарративный художественный текст того периода, в котором появились новые приемы текстопроизводства. Препроминализация становится как раз в этот период одним из видов коммуникативной стратегии в нарративе со своим прагматическим потенциалом, связанным со способом дейктической организации субъектно-объектных отношений в тексте.

Нарративный (повествовательный) текст представляет собой особый вид коммуникации, в рамках которой на первом этапе реализуются отношения между адресантом и адресатом, на втором между адресантом и его персонажами, на третьем между персонажами. В определенном смысле при этом возникает ещё один уровень отношений — между персонажами и адресатом, позволяющий сформировать суждение последнего о героях повествования. Выбирая стратегию повествования, автор текста ориентируется на то, чтобы заинтересовать читателя содержанием произведения. Коммуникативно-прагматическая направленность ощущается уже на первом этапе восприятия текста, когда разворачивается определенная коллизия с персонажами произведения и очерчивается характер межличностных отношений. Название рассказа «Мертвые не говорят» А. Шнитцлера неоднозначно по смыслу, оно может стать стимулом к прочтению, а может оттолкнуть от себя читателя, направляя его мысль в сторону криминального развития сюжета. Но уже первые строки текста создают необходимую интригу, включающую читателя в проблематику текста:

(1) Er ertrug es nicht länger; ruhig im Wagen zu sitzen; er stieg aus und ging auf und ab (Schnitzler, S. 296).

Наличие в первом предложении двух личных местоимений *er* и одного безличного *es* в функции коррелята выявляет их ка- тафоричность: все разъяснения последуют далее. На наш взгляд, препроминализация как обозначение лица в сочетании с экс- прессивно окрашенным глаголом *ertragen*, глаголами движения *aussteigen*, *auf und ab gehen* и дейктическим знаком *nicht länger* призваны обозначить события как необычайные, вызвать к ним интерес, создать интригу и стимулировать реципиента текста к её раскрытию.

Лишь во втором абзаце читатель узнает имя человека, о ко- тором пойдет речь. Франц — так зовут мужчину, с нетерпением ожидающего кого-то:

(2) *Es ist sonderbar, dachte Franz, wie man sich hier, hundert Schritt von der Praterstraße, in irgendeine ungarische Kleinstadt versetzt glauben kann. Immerhin — sicher dürfte man hier wenigstens sein; hier wird sie keinen ihrer gefürchteten Bekann- ten treffen (Schnitzler, S. 296).*

В (2) мы снова встречаемся с препроминализацией, позво- ляющей нам сделать предположения относительно ситуации: речь идет о тайном свидании мужчины и женщины, вынужден- ной скрывать свои отношения с неким Францем. Номинация ге- роини в тексте происходит позже — *die Dame, die junge Frau*.

И только после того как молодая женщина преодолевает страхи и волнение, связанные с тайной свидания, читатель узна- ет и её имя — Эмма. Прагматическая интенция препромина- лизации в данном отрезке текста связана с ограничением терри- тории смысловых композиционных частей. Молодой человек идентифицируется как любовник замужней дамы. Она, в свою очередь, называется по имени только тогда, когда выходит за границы круга, очерченного её семейным и общественным по- ложением, и чувствует себя принадлежащей Францу:

(3) *Jetzt umschlang Emma plötzlich mit beiden Armen den Ge- liebten. Er schob leise den Schleier zurück, der ihn noch von ih- ren Lippen trennte, und küsste sie (Schnitzler, S. 296).*

Следующий этап композиционного разворота событий в тексте маркируется проминализацией. Ситуация дана в двух

ракурсах: во внешнем, где герои дейктически обозначены как *er* и *sie*, и во внутреннем, имитирующем ситуацию непосредственного общения, с референтами *ich* и *du*, которые преобразуются в форму — позицию *wir*, что можно наблюдать в (4) и (5).

(4) «*Bin ich endlich bei dir!*» sagte sie (Schnitzler, S. 297).

(5) «*Weißt du denn, wie lang wir uns nicht gesehen haben?*» rief er aus.

Прономинализация позволяет автору сконцентрировать читателя на сложностях ситуации. В реплике героини возникает новая референциальная соотнесенность с местоимением *wir*:

(6) «... *Du warst ja bei uns*» (Schnitzler, S. 297).

В (6) прономинализация включает в личное местоимение *wir* уже не протагонистов рассказа, а иное сообщество, состоящее из двух и более человек — это Эмма и её семья. Образуется оппозиция двух *wir* — обозначенных одним словом разных сообществ, но такова она для героини, для героя это противопоставление *wir* — *ihr*:

(7) «... *Zu euch komm' ich überhaupt nie wieder*»

(8) «*Wir sollten fort,*» sagte Franz lebhaft, «*ganz fort, mein' ich ...*» (Schnitzler, S. 299).

Фрагменты (7) и (8) очерчивают зоны дейксиса, формирующие конфликт: *ich* — *du* — *wir* / *du* — *er* — *ihr* / *ich* — *wir* / *ich* — *ihr*. Они определяются противостоянием (*ich*) — (*du* — *er* — *ihr*), и в (8) Франц требует, чтобы Эмма ушла от мужа, очерчивая, таким образом, пространство местоимения *wir* как пространство (*ich* — *du*).

В (9) вводится муж героини, что происходит также с помощью препрономинализации. Через такой ввод герой одно временно актуализирует свое отношение к этому человеку, противопоставляет себя ему (*ihm* — *einem andern*) и ограничивает его роль в конфликте гипотетическим согласием на уход супруги из семьи.

(9) «*Du hast nichts zu tun, als ihm einfach zu sagen, dass du nicht länger bei ihm leben kannst, weil du einem andern gehörst*» (Schnitzler, S. 299).

Достаточно распространенная как в жизни так и в художественной литературе ситуация представлена автором через комбинаторику прономинализаций, высвечивающей всякий раз новые лица, не конкретизирующей ни их человеческих качеств, ни характеров, ни их возраста. Таков статус личных местоимений, не имеющих референта вне конкретной речевой ситуации. Будучи употребленными в ней, местоимения четко идентифицируются. В то же время, важной особенностью дейктической семантики местоимений является их способность придавать любому обозначению характер обобщения, благодаря чему любая история поднимается на иной уровень восприятия и может осознаваться не только как частный случай, а как явление, возможное всегда и везде.

Однако далее автор меняет характер повествования. Намеченная в первой части текста коллизия получает неожиданное продолжение: пьяный кучер опрокидывает коляску, Франц умирает от удара головой о мостовую, Эмма борется между чувством вины за смерть возлюбленного и пониманием, что ничем не может ему помочь. В страхе она покидает место трагедии и спешит вернуться домой к мужу и сыну.

(10) Sie ist ja nicht herzlos ... o nein! ... sie weiß ganz gewiss, es werden Tage kommen, wo sie verzweifeln wird; vielleicht wird sie daran zu Grunde gehen; aber jetzt ist nichts in ihr, als die Sehnsucht, mit trockenen Augen und ruhig zu Hause am selben Tisch mit ihrem Gatten und ihrem Kinde zu sitzen (Schnitzler, S. 308).

(10) — фрагмент той части текста, где переданы чувства и мысли героини. Её страхи, волнения, сомнения актуализируются через рекуррентность местоимения *sie* и его притяжательного варианта *ihr*. В этой части текста они выступают как маркеры несобственно-прямой речи, т.е. не входят в состав реплик в контексте непосредственного общения. Прономинализация *er* постепенно вытесняется из рассуждений Эммы, уходит на второй план, уступая место мыслям о себе, что очевидно из (10).

Вернувшись домой раньше мужа, Эмма напряженно вслушивается в происходящее за дверь:

(11) Sie hört die Stimme ihres Mannes (Schnitzler, S. 307).

На наш взгляд, отказ автора от столь типичной для данного рассказа прономинализации при обозначении мужа героини в (11) не случаен, это знак незримой черты, которая разделяет этих двух людей. В дальнейшем супруги нигде не идентифицируются обобщающим местоимением *wir*, что позволяет противопоставить отношения между ними и отношения Эммы и Франца. В этом смысле показателен пример (12), существенно уступающий по эмоциональной напряженности фрагменту (3).

(12) *Er küsst sie auf die Stirn (Schnitzler, S. 307).*

Мужчина, с которым Эмма состоит в браке, чаще обозначается в тексте в виде номинаций: *ihr Mann, ihr Gatte, der Professor*, подчеркивающих его статус. Их прагматическая направленность очевидна: рядом с героиней влиятельный и состоятельный мужчина, разрыв с которым означал бы для неё череду лишений, решиться на которые ей было крайне сложно.

Используя в диалогах этих двух персонажей иной характер взаимосвязи, не преобразуя местоимения *ich* и *du* в форму *wir*, автор показывает читателю, что супругам предстоит сложный разговор, после которого возможно любое развитие событий:

(13) *«Bring' den Buben zu Bett,» sagte er dann zu ihr; «ich glaube, du hast mir noch etwas zu erzählen ...»*

Und sie weiß, dass sie diesem Manne, den sie durch Jahre betrogen hat, im nächsten Augenblick die ganze Wahrheit sagen wird (Schnitzler, S. 311).

Через использование в тексте местоимения *sie* и существительного *dieser Mann* в (13) передается отстраненность двух людей друг от друга, проживших вместе годы, имеющих ребенка, подчеркивается дистанция между ними, вероятно, никогда не знавшими подлинной человеческой близости. Эти детали идейно-художественного содержания текста считаются главным образом благодаря комбинаторике препрономинализации и прономинализации, рекуррентности местоименного подхвата и оппозиционного использования номинации и прономинализации.

Предлагаемый анализ показывает, что препрономинализация и прономинализация используются в художественном тексте намеренно и призваны решить ряд коммуникативно-прагма-

тических задач. Во-первых, личные местоимения, выступая в катофорической и анафорической функциях, служат средством создания когерентности текста и позволяют сохранять текстовую цельность и связность; во-вторых, персонажи, обозначенные в тексте личными местоимениями, деперсонифицируются и приобретают обобщающие черты социальных типов, с которыми могут происходить описываемые события; в-третьих, сопоставление межличностных отношений, выраженных с помощью прономинализации, способствует раскрытию заложенного в художественном произведении подтекста. И наконец, прономинализация в рассказе «Мертвые не говорят» способствует ощущению так называемого «открытого» конца произведения, активизирующего когнитивную деятельность реципиента текста, приносящего дополнительные смыслы в повествование.

В этом рассказе А. Шнитцлер создает пространство текста, где автор становится лицом, определяющим в момент речи реальный центр персонального дейксиса [Шишкова 2001: 29], и ведет, таким образом, своего читателя к раскрытию не только фабулы повествования, но и к пониманию тонких глубинных взаимосвязей между героями, участвующими в этом повествовании.

Литература

- Бенвенист 1998 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. — Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртэне. 1998. — 360 с.
- Голубева 2010 — Голубева Н. А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: дис. ... докт. филол. наук. — Нижний Новгород, 2010. — 417 с.
- Шишкова, Смирнова 2003 — Шишкова Л. В., Смирнова Т. Ю. Синтаксис современного немецкого языка. — М.: Academia, 2003. — 128 с.
- Weinrich 1993 — Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1993. — 1111 S.

Источник

- Schnitzler A. Die Toten schweigen // Gesammelte Werke. Die erzählenden Schriften, 2 Bände. — Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1961. — S. 296 — 311.

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГЛАГОЛАХ В
АСПЕКТЕ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ
(на материале немецкого языка)**

В предлагаемой статье рассматриваются функциональные глаголы немецкого языка в аспекте грамматикализации. Интерес к данным единицам языка обусловлен их широким функциональным потенциалом и недостаточной изученностью. Функциональные структуры, формируемые изучаемыми глаголами, классифицируются на ряд подсистем.

Ключевые слова: Л. В. Шишкова, функциональный глагол, функциональная структура, немецкий язык, грамматикализация.

Shustova S. On the issue of functional verbs in the aspect of grammaticalisation (a case study of the German language). The article deals with German functional verbs in the aspect of grammatialisation. These linguistic units are of interest because of their broad functional potential which remains understudied. The functional patterns formed with the verbs under consideration are classified into a number of sub-systems.

Key words: L. V. Shishkova, functional verb, functional pattern, German language, grammatialisation

В работах Ларисы Васильевны Шишковой тщательно исследуются когнитивные, коммуникативно-прагматические, функционально-семантические аспекты предложения. Междисциплинарность, свойственная работам Ларисы Васильевны, обуславливает комплексный, системный подход к изучению фактов языка. Так, например, исследуя коммуникативно-прагматический аспект предложения, Л. В. Шишкова и Т. Ю. Смирнова включают такие составляющие речевой ситуации, как распределение ролей между участниками общения, их отношение к событию, цель сообщения, оценку истинности сообщения. Эти модусные значения актуализируют коммуникативные категории предложения: персональность, темпоральность, модальность, истинность, целенаправленность, информативность, временную локализованность, речевую ситуативность [Шишкова, Смирнова 2003: 27]. Спектр представ-

ленных категорий может быть расширен за счет включения функционально-семантической категории каузативности, которая соотносится с категорией речевой ситуативности, поскольку фиксирует интерперсональное взаимодействие.

Каузативность рассматривается нами как интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация различных сфер антропонимического характера (физическая, перцептивная, психическая, информативная сферы). Значение каузативности может быть реализовано разноуровневыми средствами, которые представляют полевую структуру. Центр поля образуют каузативные глаголы (лексический каузатив), зону ближней периферии — функционально-грамматические каузативы, зону дальней периферии — семантико-синтаксический каузатив, зону крайней периферии — синтаксический способ актуализации каузативности, зону периферии — контекст [Шустова 2010: 11–13].

Категория каузативности соотносится с категорией персональности. В трактовке Л. В. Шишковой и Т. Ю. Смирновой, персональность — это коммуникативный аспект предложения, характеризующий участников ситуации, обозначаемой предложением, по отношению к участникам речевой ситуации [Шишкова, Смирнова 2003: 29]. В сфере каузативности мы разрабатываем типологию каузативных ситуаций в зависимости от семантики каузатора [Шустова 2010: 162–175], принимая во внимание специфику персонального дейксиса, особенности которого детально освещены Л. В. Шишковой.

В предлагаемой статье мы хотели бы обратиться к особенностям использования функциональных структур, среди которых мы выделяем в особый разряд структуры с функционально-грамматическим каузативами, в аспекте грамматикализации.

Грамматикализация понимается как процесс возникновения грамматического знака из лексического и усиления его грамматической функции, то есть грамматические значения возникают на основе лексических [Майсак 2005; Bybee 1985; Heine, Reh 1993; Hopper, Traugott 2003; Kuryłowicz 1965; Lehmann 1985; Nübling 2006; Szczepaniak 2011; Traugott, Heine 1991].

Грамматикализация «представляет определенную степень изменения категориального значения глагола, его перекатегори-

зации как языковой единицы, отражающую его движение вдоль категориального континуума в направлении от лексического значения к грамматическому. Чем больше грамматических характеристик приобретает глагол, тем менее конкретным становится его лексическое значение» [Болдырев 2009: 90]. Данный подход соотносится с позицией Т. А. Майсака, рассматривающего грамматикализацию как особый семантический процесс, результатом которого является появление языковой единицы с грамматическим значением [Майсак 2005: 40].

В фокусе нашего внимания находятся функциональные глаголы, которые употребляются в структурах, рассматриваемых как «сочетания семантически опустошенных глаголов с существительными» [Касевич 2006: 463].

В немецком языке в качестве функциональных глаголов используются следующие: *bekommen, kommen, ausbrechen, geraten, bringen, machen, halten* и многие другие: *den/einen Auftrag bekommen, den/einen Befehl bekommen, die/eine Erlaubnis bekommen, den/einen Rat bekommen, eine Bestätigung erfahren, die/eine Erlaubnis erteilen, den/einen Rat erteilen, die/eine Erklärung finden, in Angst geraten, in Aufregung geraten, in Stimmung geraten, in Verwirrung geraten, in Verzweiflung geraten, in Wut geraten, in Zorn geraten, in Angst halten, in eine bestimmte Lage geraten, in einen bestimmten Zustand gelangen, in Schrecken geraten, in Wut kommen, in Schwung kommen, in Not geraten, in Zorn geraten, in Weinen ausbrechen, in Tränen ausbrechen, in Klagen ausbrechen, in Zorn ausbrechen, in Schluchzen ausbrechen, seinen Ärger auslassen, seine Unzufriedenheit auslassen, seine Wut auslassen, seinen Zorn auslassen, Empörung auslassen, Unruhe auslösen* и др.

Kaum jemand wird sich wohl die Mühe machen und diesen Artikel auf Richtigkeit überprüfen! (wort)

Beim Wein entpuppt sich der Mensch — und was da zum Vorschein kam, war nicht immer menschlich (Tucholsky, S. 9).

Das ist die Geschichte des Musikers Johannes Elias Alder, der zweiundzwanzigjährig sein Leben zu Tode brachte, nachdem er beschlossen hatte, nicht mehr zu schlafen (Schneider, S. 7).

Функциональные глаголы (Funktionsverben в Duden «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache» (DG) демонстрируют

общие черты со вспомогательными глаголами, так как они образуют предикат в сочетании с другими языковыми элементами (дополнения в Akk, предложные группы). Они выполняют только грамматическую функцию, выступая в качестве маркеров числа, лица, времени, наклонения, залога, утрачивая при этом «больше или меньше» (*mehr oder weniger*) свое лексическое значение. Например, в современном разговорном языке *tun* используется как вспомогательный глагол с функцией акцентирования полнозначного глагола: *Sie tut bügeln; Rauchen tu ich schon lange nicht mehr; Heiraten tut er sie nicht!* [Рахманова 2009: 205].

Во многих случаях функциональным структурам могут соответствовать этимологически родственные полнозначные глаголы [DG 1995: 111–112]: *Erlaubnis geben* → *erlauben*, *in Ordnung bringen* → *ordnen*, *eine Mitteilung machen* → *mitteilen*, *in Wegfall kommen* → *wegfallen*, *zur Ruhe bringen* → *beruhigen*, *in Verwirrung bringen* → *verwirren*, *den/einen Beweis führen* → *beweisen*, *die/eine Anregung geben* → *anregen*, *den/einen Befehl geben* → *befehlen*, *den/einen Rat geben* → *raten*, *Anspruch erheben* → *beanspruchen*, *Zweifel erheben* → *anzweifeln*, *den/einen Befehl erteilen* → *befehlen*.

Функциональные структуры с компонентами *kommen / gehen* не имеют оппозиции: *in Stimmung kommen* – **in Stimmung gehen*, *in Verlegenheit kommen* – **in Verlegenheit gehen*, *in Schwung kommen* – **in Schwung gehen*, *in Wut kommen* – **in Wut gehen*; *setzen / sitzen*: *in Bewegung setzen* — **in Bewegung sitzen*, *in Betrieb setzen* — **in Betrieb sitzen*, а также *in Gang setzen*, *in Kenntnis setzen*, *in Umlauf setzen*, *sich zur Ruhe setzen*; *suchen / finden*: *Anwendung finden* — **Anwendung suchen*, *Verwendung finden* — **Verwendung suchen*. Отсутствие оппозиции компонентов в функциональной структуре свидетельствует о том, что не каждый глагольный компонент может подвергнуться десемантизации и приобрести способность к функционированию с *nominalis*. Семантические изменения компонентов структуры ведут к изменениям грамматического характера.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения синтаксиса функциональные структуры в большинстве случаев не могут быть употреблены в *Passiv*: *Die Besprechung nahm einen unguuten Verlauf; *Ein unguuter Verlauf wurde von der Besprechung genommen*. Функциональные структуры с предложной группой не допускают

функционирования с *kein*: *Man brachte die Sache nicht in Ordnung*;
* *Man brachte die Sache in keine Ordnung* [DG 1995: 112].

Ю. В. Орлов, исследуя аналитические структуры, образующие «структурно-синтаксическое и семантико-функциональное единство» с глаголами *sein, sich befinden, bleiben, stehen, liegen, kommen, geraten, gelangen, sich setzen, treten, gehen, fallen, verfallen, bringen, setzen, versetzen, ziehen, stellen, nehmen, halten, haben* отмечает, что данные глаголы десемантизируются, сохраняя лишь следы значений своих прототипов [Орлов 1993: 7]. В случаях *in Bewegung kommen, in Bewegung setzen* лексическое значение отступает на задний план, уступая ведущую роль грамматической семантике, где перемещение в пространстве переосмысливается как переход из одного состояния в другое [Орлов 1993: 7].

В сфере каузативности в качестве одного из средств актуализации данного значения выступают функционально-грамматические каузативы (операторы каузативной связи, вспомогательные каузативные глаголы), демонстрирующие в процессе функционирования прототипические характеристики, образующие будущее ядро категории каузативности, и относящиеся к аналитическим языковым средствам: *lassen, tun, antun, machen, bringen u др.*

lassen: 'erlauben, bitten, veranlassen, dass etw. geschieht, unterlassen, aufhören mit etw., überlassen, geben, aufgeben'; *bewirken, dass etw. geschieht, etw. veranlassen; etw. gestatten; etw. erlauben, zulassen; nicht hindern* (dwds.de);

tun: 'eine Tätigkeit verrichten'; *jmdm., etw. tun: jmdm. etw. Böses zufügen: ich tue dir nichts; jmdm. Gutes tun, eine gute Tat vollbringen, jmdm. etw. Gutes zuteilwerden lassen: sie wollte mir nur Gutes tun; dient zur Umschreibung eines Verbalbegriffs mit einem Nomen: etw. tut seine Wirkung etw. wirkt: das Mittel tat bald seine Wirkung* (dwds.de).

Каузативная функция отмечается у глаголов двн. *tuon* (до XVI в.) и свн. *machen*. Глагол *tun* в письменных памятниках употребляется в описательных оборотах. Г. Пауль упоминает об этом как об относительно редком явлении в древний период и достаточно частотных случаях с XIV в. (*Daz sie uns tuon bewarn*) [Braun 1993: 199].

antun: zufügen (es handelt sich vorwiegend, um negative Sachverhalte); ein Leid, (keinen) Zwang, Gewalt, Kummer, einen Schimpf:

Die Tochter hat ihren Eltern, großes Leid angetan. Sie war mit ihrem Mann in eine andere Stadt gezogen und hat nach einer Auseinandersetzung mehrere Jahre keine Nachricht von sich gegeben (DVWA).

machen: 'tun, erzeugen, hervorbringen, ausführen, gestalten, verursachen, bewirken, ergeben'; etw. bewirken, herbeiführen: veranlassen, dass bei jmdm., einer Sache eine neuer Zustand, eine Veränderung eintritt: sie machte ihn eifersüchtig; etw. verursachen: etw. macht jmdm. etw.: die Arbeit an der frischen Luft macht mir Appetit, gute Laune; jmd. macht jmdm. etw.: der Sohn hatte dem Vater viel Freude, großen Ärger, Ehre, Schwierigkeiten, Schande, Sorge, einen Skandal gemacht; jmd., etw. macht jmdm. zu schaffen jmd., etw. verursacht jmdm. Schwierigkeiten; der Junge wird ihr noch zu schaffen machen (dwds.de); bewirken, erzeugen, herebeiführen, hervorbringen, verursachen, (das Ergebnis des Tuns wird bezeichnet); den Anfang, ein Angebot, Angst, einen Fortschritt, (eine) Freude, Mut, (einen) Spaß, einen Vorschlag, einen Vorwurf, eine Aussage, eine Bemerkung; zum Gespött, zur Pflicht, zum Vorwurf (DVWA).

bringen: 'herbeischaffen'; etw. hervorrufen, verursachen: drückt häufig ganz allgemein eine Lage- oder Zustandsveränderung aus; in Verbindung mit ›aus‹ : jmdn. aus Amt und Brot bringen (jmdn. brotlos machen); in Verbindung mit ›in‹, ›ins‹: jmdn. in Gefahr, Not, Schande, schlechten Ruf, Misskredit, Verlegenheit bringen; in Verbindung mit ›über‹, ›übers‹: er bringt Unheil über seine ganze Familie (stürzt seine ganze Familie ins Unheil); in Verbindung mit ›zu‹ jmdn. zu etw. bringen jmdn. zu etw. veranlassen: jmdn. zum Reden, Schweigen, Lachen, Weinen, Rasen, zu Tränen, zur Verzweiflung, Vernunft, Ruhe bringen (dwds.de); zur Folge haben, verursachen; Ärger, Dank, Freude, Trost, Unheil, in Aufregung, in Erregung, in Gefahr, in Verlegenheit, unter einem Einfluß, zum Lachen, zur Erkenntnis, zur Ruhe, zum Schweigen, zur Sprache, zur Verzweiflung, zum Weinen (DVWA):

Das Rechtssystem werde weiter «als Werkzeug benutzt, um Kritiker **zum Schweigen zu bringen**, selbst wenn die Welt

zuschaut», sagte Renee Xia von der Organisation Chinese Human Rights Defenders (wort).

Функционально-грамматические каузативы *lassen, tun, antun, machen, bringen* характеризуются обобщенным значением, демонстрируют наиболее высокую частотность употребления, десемантизацией и фиксируют наиболее широкий набор порождаемых конструкций, так как имеют очень широкий спектр значений.

Они выполняют аналогичные грамматические функции, актуализируют абстрагированное каузативное значение, конкретизируемое в ряде частных в зависимости от позиции употребления. В сочетании с полнозначными глаголами они рассматриваются «двумя синтаксическими единицами уже потому, что каждый из глаголов обладает собственными синтаксическими связями» [Касевич 2006: 463].

Функциональные структуры с семантической точки зрения, например, актуализации эмоциональной модификации и с позиций теории каузации можно разделить на следующие группы:

1. функциональные структуры, актуализирующие аксиологически положительное состояние: *zum Lachen bringen Freude auslösen, Begeisterung auslösen, (eine) Freude bereiten, Glück bringen, Dank bringen, Freude bringen, Trost bringen, eine Hoffnung erwecken, Liebe erwecken, (einen) Spaß machen, Trost spenden, Freude spenden, Lob spenden, Liebes tun, Gutes tun:*

Die Nachricht, dass Thomas die Diplomprüfung bestanden hat, löste bei seinen Eltern große Freude aus (DVWA).

Mit einer modernen Version des Märchens Schneewittchen brachten sie das Publikum regelmäßig zum Lachen (wort).

2. функциональные структуры, актуализирующие аксиологически нейтральное состояние: *in eine (...) Stimmung versetzen, in eine (...) Lage versetzen, in einen (...) Zustand versetzen, Sorgen bereiten;*

3. функциональные структуры, актуализирующие аксиологически отрицательное состояние: *ein Leid antun, Zwang antun, Gewalt antun, Kummer antun, einen Schimpf antun, Unruhe auslösen, Kummer bereiten, eine Schande bereiten, Schmerz bereiten, Schwierigkeiten bereiten, Sorgen bereiten, Ärger bringen, Gefahr bringen, Trost bringen, in Aufregung bringen, in Erregung bringen, in Gefahr bringen, in Not*

bringen, einen Schrecken einjagen, Angst einjagen, Mitleid erwecken, Argwohn erwecken, Furcht erwecken, Haß erwecken, Zweifel erwecken, Angst machen, einen Vorwurf machen, Böses tun, Unrecht tun, in Furcht versetzen, in Schrecken versetzen, in Unruhe versetzen, in Zorn versetzen, Böses zufügen, Kummer zufügen, Leid zufügen.

Michaels Handballmannschaft hatte ein Spiel verloren. Nach dem Spiel war Michael zu Hause grob zu seinen Geschwistern und zankte sich mit ihnen. Er ließ seinen Ärger an ihnen an (DVWA).

Jens war früher ein guter, fleißiger Schüler. Jetzt vernachlässigt er seine Hausaufgaben und ist oft undiszipliniert. Dadurch bereitet er seinen Eltern viel Kummer (DVWA).

Mit seiner Mitteilung, dass schwere Schneestürme zu erwarten seien, hat er den Bewohnern des Berghotels eine Schrecken eingejagt (DVWA).

В немецком языке многочисленны функциональные структуры в системе имени, обозначающие источник произвольного воздействия: *vor Freude weinen* → *Die Freude machte ihn weinen*; *Mit Begeisterung arbeitete er* → *Die Begeisterung ließ ihn arbeiten*; *Mit Interesse arbeitete er* → *Das Interesse ließ ihn arbeiten* [Бурдина 1987: 68–69].

Реальное значение каузации выражается именем существительным. Функциональные структуры могут быть определены как свободные сочетания, так как, например, в рамках аналитического каузатива функционально-грамматические каузативы утрачивают свои собственные лексические значения.

Außerdem brachten einige Clowns das Publikum durch ihre komischen Aktionen zum Lachen (wort).

Vielen Menschen wurde zum Weihnachtsfest eine bescheidene Freude bereitet (DVWA).

В силу того, что функционально-грамматические каузативы демонстрируют признаки десемантизации они становятся вспомогательной вершиной всей каузативной ситуации. Функционально-грамматические каузативы актуализируют каузативное значение, но в отличие от лексического каузатива данные глаголы

не конкретизируют каузативное действие, не включают в свой семантический потенциал такой элемент значения как «содержание каузации» или «содержание каузативного действия». Данная функция не предусмотрена их семантикой и является результатом перекаатегоризации вследствие регулярного использования в определенных синтаксических контекстах (см. подробнее [Шустова 2015 а, б]). Содержание каузации актуализируется дополнением в Akk или предложной группой: *die Anregung, die Erlaubnis, die Bestätigung, die Erklärung / in Angst, in Aufregung, in Verzweiflung, in Erregung, in Begeisterung, in Zorn, zur Vernunft, zur Ruhe.*

Расширение значения в сочетании с абстрактными существительными может привести к десемантизации глаголов.

В этой связи актуально мнение В. М. Жирмунского, который считает, что «грамматизация словосочетания связана с большим или меньшим ослаблением лексического (предметного) значения одного из компонентов словосочетания с последовательным превращением его из лексически значимого (знаменательного) слова в полуслужебное или служебное, в котором доминирует грамматическое значение, а всей группы в целом — в аналитическую форму слова» [Жирмунский 1965].

Таким образом, грамматикализация связана, прежде всего, с особенностями человеческой коммуникации и расширением значения (от лексического к грамматическому), что, в результате, обуславливает углубление наших знаний о функциональном потенциале единиц языка, актуализацию «дифференциально-интегративного аспекта полифункциональности лексической и грамматической семантики» (см., например, [Бутаева 2010]). Грамматикализация имеет динамический характер, поскольку речь идет о возникновении и дальнейшем развитии грамматических значений; динамический характер грамматики обуславливает семантико-синтаксические модификации грамматических единиц. Исследование специфики функциональных глаголов является перспективным с той точки зрения, что они представляют собой модель языковых объектов, а изучение существующих категориальных характеристик данных объектов предполагает их анализ с различных позиций и на материале разных языков.

Литература

- Болдырев 2009 — Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. — Изд. 2-е. — М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 144 с.
- Бурдина 1987 — Бурдина З. Г. Неразложимые языковые структуры и речевая коммуникация. — М.: Высшая школа, 1987. — 119 с.
- Бутаева 2010 — Бутаева Е. Э. Лексико-грамматическая семантика глаголов позиции в русском и английском языках (на материале лексикографических описаний и художественного текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2010. — 25 с.
- Жирмунский 1965 — Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. — М.: Высшая школа, 1965. — С. 5–57.
- Касевич 2006 — Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. / Под ред. Ю.А. Клейнера. — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ. — 2006. — Т. 1. — 664 с. (Ars Philologica).
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 480 с.
- Орлов 1993 — Орлов Ю. В. Семантико-функциональная характеристика аналитических глагольно-именных сочетаний предложного типа в немецком языке XVIII—XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1993. — 24 с.
- Рахманова 2009 — Рахманова Н. И. Явление десемантизации и его отражение в лексике и грамматическом строе немецкого языка // Вестник Моск. госуд. лингв. ун-та. — № 566. — 2009. — С. 199–210. — URL: <http://elibrary.ru/download/60127541.pdf> (дата обращения 11.02.2015).
- Шишкова, Смирнова 2003 — Шишкова Л. В., Смирнова Т. Ю. Синтаксис современного немецкого языка. — М.: Academia, 2003. — 126 с.
- Шустова 2010 — Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография. — Пермь: Перм. гос. ун-т, Прикам. соц. ин-т., 2010. — 248 с.
- Шустова 2015a — Шустова С. В. Функционально-грамматический каузатив lassen в аспекте грамматикализации // Евразийский вестник гуманитарных исследований. — № 1(2). — Пермь, 2015. — С. 111–114.
- Шустова 2015b — Шустова С. В. О грамматикализации глаголов (на материале немецкого языка) // Филологические заметки. — 2015. — Вып. 13, № 2. — URL: http://philologicalstudies.org/index.php?option=com_content&task=view&id=523&Itemid=209 (дата обращения 24.02.2016).
- Braun 1993 — Braun P. Tendenzen in der deutsche Gegenwartssprache. — 3. Aufl. — Stuttgart, Berlin, Köln, Verlag W. Kohlhammer. 1993. — 266 S.

- Bybee 1985 — Bybee J. L. Morphology: the study of the relation between meaning and form. — Amsterdam: John Benjamins, 1985. — 235 p.
- Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Hsgb. u. bearb. von G. Drowski in Zusammenarbeit mit P. Eisenberg. — 5., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. — Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1995. — 864 S.
- Heine, Reh 1993 — Heine B., Reh M. Grammaticalization and Reanalysis in African Languages. — Hamburg: Helmut Buske. 1993. — 164 p.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. — Sec. ed. — Cambridge: Cambridge University Press. 2003. — 276 p.
- Köhler, Herzog, Kursitz 1989 — Köhler C., Herzog A., Kursitz W. Deutsche verbale Wendungen für Ausländer. Eine Auswahl mit Beispielen und Übungen. — VEB Verlag Ezyklopädie: Leipzig, 1989. — 177 S.
- Kuryłowicz 1965 — Kuryłowicz J. The evolution of grammatical categories // Diogenes, 1965. — 51. — P. 55–71.
- Lehmann 1985 — Lehmann Chr. Grammaticalization: Synchronic variation and diachronic change // Lingua e Stile. 1985. — P. 303–318.
- Nübling 2006 — Nübling D. Auf Umwegen zum Pasiivauxiliar — die Grammatikalisierungspfade von *geben*, *werden*, *kommen* und *bleiben* im Luxemburgischen, Deutschen und Schwedischen // Moulin C., Nübling D. Perspektiven einer linguistischen Luxemburgistik. Studien zu Diachronie und Synchronie. — Heidelberg. 2006. — S. 171–201.
- Szczepaniak 2011 — Szczepaniak R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung. — 2. Auflage. — Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2011. — 219 S.
- Traugott, Heine 1991 — Traugott E. C., Heine B. Introduction // Approaches to Grammaticalization: Vol. II. Types of grammatical markers. / Ed. E.C. Traugott, B. Heine. — John Benjamins Publishing Comp. 1991. — P. 1–14.

Источники

- Hesse H. Unterm Rad. Erzählung. — Verl. Philipp Reclam jun. Leipzig, 1989.
- Schneider R. Schlafes Bruder. Roman. — 3. Aufl. — Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG. München. 1999.
- Tucholsky K. Gesammelte Werke. 1919–1920. — Band 2. — Hsg. von Mary Gerold-Tucholsky. — Fritz J. Raddatz. — 1987.
- dwds.de — электронный словарь.
- www. wortschatz.uni-leipzig.de

Список принятых обозначений и сокращений

- DG – Duden «Grammatik der deutschen Gegenwartssprache».
- dwds — dwds.de
- DVWA — Köhler. Deutsche verbale Wendungen.
- wort – www. wortschatz.uni-leipzig.de

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверина Анна Викторовна — доктор филологических наук, профессор. Московский городской педагогический университет

Богуславская Ирина Виленовна — кандидат филологических наук, доцент. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Гончарова Евгения Александровна — доктор филологических наук, профессор. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Гузь Мария Николаевна — кандидат филологических наук, доцент. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Кочук Любовь Борисовна — доктор филологических наук, профессор. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Кристалль Юлия Николаевна — выпускница магистратуры. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Нефедов Сергей Трофимович — доктор филологических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет

Нюбина Лариса Михайловна — доктор филологических наук, профессор. Смоленский государственный университет

Перельман Гертруда Иосифовна — кандидат филологических наук, доцент. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Пигина Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Смирнова Татьяна Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Шипова Ирина Алексеевна — кандидат филологических наук, профессор. Московский педагогический государственный университет

Шустова Светлана Викторовна — доктор филологических наук, профессор. Пермский государственный национальный исследовательский университет

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I (Ad memoriam)	4
Лариса Васильевна Шишкова — ученый и человек	4
Воспоминания о Л.В.Шишковой (<i>сост. Т. Ю. Смирнова</i>)	6
<i>Богуславская И. В.</i> Краткий очерк жизненного и научного пути Ларисы Васильевны Шишковой	20
<i>Богуславская И. В., Латина Ю. В.</i> Научное наследие Ларисы Ва- сильевны Шишковой.....	27
Часть II	35
<i>Аверина А. В.</i> Типы придаточных предложений в немецком языке по критерию иллокутивной самостоятельности	42
<i>Богуславская И. В.</i> Определения при именном компоненте немецких глагольно-именных сочетаний и их соответствия в русском языке	51
<i>Гончарова Е. А.</i> Стилистическая коннотация и грамматика	63
<i>Гузь М. Н., Пигина Н. В.</i> Игра с гендерными стереотипами или сексизм в рекламных текстах?	76
<i>Колчук Л. Б.</i> Грамматические варианты и аспекты граммати- ческой вариативности в немецком языковом стандарте	87
<i>Нефедов С. Т.</i> Грамматическое пространство научного текста	104
<i>Нюбина Л. М.</i> Категория времени в текстах литературной авто- биографии	117
<i>Перельман Г. И.</i> О некоторых новых тенденциях в современном немецком языке	121
<i>Смирнова Т. Ю., Кришталь Ю. Н.</i> Высказывание, текст, дискурс как «среда репрезентации» грамматического значения	138
<i>Шипова И. А.</i> Коммуникативно-прагматический аспект препро- номинализации и прономинализации в художественном тексте (на материале новеллы Артура Шнитцлера «Die Toten schweigen»)	147
<i>Шустова С. В.</i> К вопросу о функциональных глаголах в аспекте грамматикализации (на материале немецкого языка)	158
Сведения об авторах	159

ГРАММАТИКА
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ
КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник статей

Ответственный редактор Л. Б. Копчук
Редактор И. В. Богуславская

ООО «Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург
ул. Репина, 41
Сайт: isvove.ru

Почта: editor@isvove.ru
Телефон: (812) 900-21-45
Заказ №1878

Подписан в печать 23.05.2017

Тираж 300 экз.

Формат 60x84/16

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 9,3

Бумага офсетная

Печать цифровая

Отпечатано в собственной типографии

ООО «Свое издательство»